

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

1994

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения и балканистики

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Содержание

6
1994
НОЯБРЬ •
ДЕКАБРЬ •

СТАТЬИ

- Покивайлова Т. А. Коминтерн и Коммунистическая партия Румынии, 1939—1940 годы
(по документам из архива Коминтерна) 3
- Валева Е. Л. Стратегия Коминтерна в Болгарии и деятельность болгарских комму-
нистов (1941—1943 гг.). 10
- Стыкалин А. С. Хортистский режим и идея возрождения Венгрии в 1920—1930-е годы. 19
- Дьяков В. А. О давних и нынешних спорах вокруг «русской идеи». 32

ДИСКУССИИ

- Новопашин Ю. С. От тоталитаризма к демократии: неоднозначность итогов. 47
- Посттоталитарная Восточная Европа: проблемы развития (материалы «круглого
стола»). 59

СООБЩЕНИЯ

- Лукьянов Ф. Е. Исчезновение графа И. Бетлина. 81

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Семенов К. Н. И. Захариева. Македония. Синоним раздора. 88
- Лаптева Л. П. Славяноведение в Германии от истоков до 1945 г. Биографиче-
ский словарь. 90
- Носов Б. В. Советские исследования (1917—1991 гг.) по истории германо-рус-
ских связей с древнейших времен до 1949 г. 93
- Коссек Н. В. Славистический сборник к семидесятилетию академика Н. И. Тол-
стого. 95
- Свешникова Т. Н. Символический язык традиционной культуры. Балканские
чтения 2. 97
- Рыхва Л. А. Р. Вечерка. Древнецерковнославянский (древнеболгарский) синтак-
сис. 1. Линейная структура предложения. 98
- Лешкова О. О. Новые публикации по лингвистике. 101

XI Международный съезд славистов.	103
Молок Ф. А. Международная научная конференция «Культурное наследие российской эмиграции: 1917—1940-е годы.»	114
Третьякова О. А. Памяти Симеона Полоцкого.	117
Мусяенко С. О литературно-лингвистических связях Польши, России, Белоруссии.	117
75 лет В. А. Дьякову.	119

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Мурьянов М. Ф.	120
Верещагин Е. М.	120
Руколь Б. М. Борис Тимофеевич Рубцов.	122
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1994 году.	123

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. И. РОГОВ (главный редактор), М. А. ВАСИЛЬЕВ (отв. секретарь),
 Г. К. ВЕНЕДИКТОВ, В. К. ВОЛКОВ, Р. П. ГРИШИНА, А. А. ГУГНИН, В. А. ДЬЯКОВ,
 М. С. КАШУБА, В. И. КОСИК, Г. Ф. МАТВЕЕВ, Г. П. МЕЛЬНИКОВ, В. В. МОЧАЛОВА,
 С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Ю. С. НОВОПАШИН, В. Я. ПЕТРУХИН, М. А. РОБИНСОН,
 Л. А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), Б. Н. ФЛОРЯ,
 Т. В. ЦИВЬЯН (зам. главного редактора)

Зав. редакцией *И. И. Бизяева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л. А., Веслова И. Ю.,
 Кошкина Е. А., Мочалова В. В., Осипова М. А.*

Рукописи представляются в редакцию в двух экземплярах объемом: статьи — не более одного авторского листа (24 стр. машинописного текста через 2 интервала); сообщения — до 16 стр.; рецензии, заметки о научной жизни и т. п. — до 6—7 стр. машинописи. Рукописи, оформленные без учета принятых в журнале требований, к рассмотрению не принимаются; рукописи не рецензируются. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

КОМИНТЕРН И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РУМЫНИИ, 1939—1940 ГОДЫ (по документам из архива Коминтерна)

До конца 1989 г., т. е. до того момента, когда в Румынии была свергнута диктатура Чаушеску, характерной чертой румынской историографии, так же как и в значительной части советской, являлась апологетика и мистификация деятельности Румынской коммунистической партии. Упрощенный конъюнктурный подход исключал необходимость обращения к источникам, которые к тому же были засекречены и оставались не доступными для исследователей. Появившаяся в последнее время возможность использования архивных документов, в том числе и из архива Коминтерна, позволяет по-новому взглянуть на роль и место коммунистической партии в общественно-политической жизни Румынии на различных этапах ее развития, в том числе и в трагические годы кануна и начала второй мировой войны.

Среди коммунистических партий Восточной Европы КПП была одной из самых малочисленных. Образованная в 1921 г., она накануне второй мировой войны насчитывала, по одним данным, около 1000 человек, по другим — не многим более 3 тыс. [1. Оп. 11. Д. 245. Л. 18]. После вхождения летом 1940 г. в состав СССР Бессарабии и Северной Буковины численность компартии еще более сократилась. Учитывая, что в Центральных органах КПП работало значительное число членов партии — выходцев из Бессарабии и Северной Буковины, ЦК КПП, а затем и Бухарестский горком партии приняли специальное решение, позволившее им вернуться на родину. Это вызвало значительный отток коммунистов-бессарабцев из КПП в связи с их отъездом из Румынии и ухода из аппарата партии. В одной из справок, поступивших в секретариат Коминтерна за подписью члена Бухарестского горкома КПП И. С. Гершковича отмечалось, что «после ультиматума (имелся в виду ультиматум советского правительства от 26 июня 1940 г. с требованием к румынскому правительству передать СССР Бессарабию и Северную Буковину. — Т. П.) последовало решение ЦК КПП о возможности возвращения членов КПП, выходцев из Бессарабии и Северной Буковины, к себе домой, учитывая крайне тяжелые условия подпольной работы в Румынии. «Благодаря тому, — писал Гершкович, — что это решение (ЦК КПП. — Т. П.) опоздало, мы, районные руководители, были поставлены в неудобное положение перед бессарабскими товарищами, которые еще не уехали.

Из округа Албастру (так условно назывался один из районов Бухареста, где были созданы райкомы КПП по территориальному признаку — *Т. П.*) выехало 40 членов партии, из района Негру — также около 40, но большинство уехало из квартала Дудешть и т. д.

Из уездного комитета, — сообщалось далее, — уехало только двое С. (Гершкович) и Ф. (очевидно, Офелия Маноле. — *Т. П.*). Значительной части из выехавших удалось добраться до места назначения, хотя некоторые, в том числе и Офелия Маноле и ее муж, были схвачены румынской сигуранцей (тайной полицией. — *Т. П.*) при переходе границы и арестованы [1. Оп. 74. Д. 449. Л. 65—71].

Автору статьи приходится довольно подробно останавливаться на этом вопросе, так как среди российских историков имеет хождение версия, что якобы после присоединения Бессарабии и Северной Буковины к СССР Коминтерн активно направлял членов Бессарабской партийной организации на укрепление компартии Румынии [2]. Подтверждением обратного может служить переписка Генерального секретаря Коммунистического Интернационала Г. Димитрова с Секретарем ЦК Компартии Украины Н. С. Хрущевым о целесообразности использования коммунистов-бессарабцев, возвратившихся из Румынии, на партийной работе. «Дорогой товарищ Хрущев, — писал 3 июля 1940 г. Г. Димитров. — Посылаю Вам приложенные материалы Отдела кадров ИККИ о членах КПП бессарабцев и буковинцев, находящихся в СССР, и членах КПП и КСМР, находящихся сейчас в Бессарабии, которые могут быть эвантуально использованы на партийной работе в Бессарабии и Буковине, а также список провокаторов и лиц, подозреваемых в связях с румынской сигуранцей. Надеюсь, что эти материалы будут Вам полезны» [1. Оп. 74. Д. 450. Л. 21]. И далее прилагаются списки членов КП Румынии и Коммунистического Союза молодежи, выехавших в Бессарабию [1. Оп. 74. Д. 450. Л. 24—29]. Кроме того, Г. Димитров предлагает Н. С. Хрущеву использовать для работы в Бессарабии члена Политбюро ЦК КП Румынии Скворцова и члена Бессарабского обкома КП Румынии Моргенштерна, которые были вызваны из Румынии для доклада в ИККИ еще до возвращения Бессарабии и могли бы быть оставлены для работы там. Поэтому «Секретариат ИККИ, — писал Димитров 4 июля 1940 г. Хрущеву, — направляет этих товарищей в г. Кишинев в распоряжение Обкома КП(б)У» [1. Оп. 74. Д. 450. Л. 36]. В Бессарабии также остался Петр Доброжану, который был послан Секретариатом ЦК КПП в 1940 г. в Москву с информацией.

Всего же, по данным зав. отделом кадров ИККИ Гуляева, который в августе 1940 г. находился в Бессарабии и Северной Буковине с целью ознакомления на месте с положением дел в партийных организациях этих областей, вошедших в состав Советского Союза, только в Кишиневе осело 62 члена КП Румынии [1. Оп. 74. Д. 450. Л. 100], а другие уехали на работу в районные центры и села. Как пишет Гуляев, по его сведениям, «многие из них работают на ответственных постах, привлекаются к общественно-политической деятельности» [1. Оп. 74. Д. 450. Л. 100 об.]. Но такой отлив румынских коммунистов отрицательно сказался на работе в самой Румынии. В одном из писем, поступивших из Ясс в ИККИ в августе 1940 г., отмечалось, что «партийная организация очень много потеряла вследствие отъезда многих товарищей-бессарабцев, не передавших связь, деньги и т.д. местным организациям, поскольку вместо них не были подготовлены кадры из рабочих» [1. Оп. 74. Д. 449. Л. 79]. Учитывая негативное влияние этого фактора, ЦК КПП уже после 2 июля задержал на работе внутри Румынии оставшихся бессарабцев [1. Оп. 74. Д. 449. Л. 74]. Безусловно, происходил и обратный процесс. Однако из Бессарабии в Румынию направлялись единицы. Так, например, 15 июня 1940 г. член руководства ЦК КПП Скворцов пишет из Кишинева Г. Димитрову: «Товарищи из Ясс приехали с разрешения обкома партии Молдовы. Их можно было бы подготовить (самое меньшее троих) и отправить обратно в Румынию. Но для этого нужны инструкции» [1. Оп. 74. Д. 449. Л. 57].

В самой же Румынии положение КПП было тяжелейшим. В конце 30-х — начале 40-х годов она понесла значительные потери как внутри страны, так и

вследствие репрессий среди ее деятелей в Коминтерне. В 1937 г. в СССР были арестованы и погибли представители КПП в Коминтерне А. Доброджану-Геря, сын известного румынского социалиста Константина Доброджану-Геря, Екатерина Арбаре-Ралли, дочь также видного деятеля социалистического движения З. Арбаре-Ралли, Ион Дик-Дическу, участник Октябрьской революции в России, Александру Николау, Давид Фабиан, Марин Тимофей (известный в коммунистическом движении под псевдонимом Татару), Е. Розван, Елек Кёблеш.

Трагически сложилась судьба известного румынского коммуниста, члена КПП с 1922 г., видного экономиста-аграрника С. Тимова (Тинкельмана С. С., подпольный псевдоним Лауфер. — *Т. П.*). Приведем некоторые биографические данные: с 1922 г. Тимов являлся представителем коммунистической партии Румынии в Балканской коммунистической федерации, с 1936 г. — член ЦК, а затем Политбюро ЦК КПП. В 1923—1938 гг. жил в СССР, являлся старшим научным сотрудником Международного аграрного института, затем Института мирового хозяйства и мировой политики (ИМХМП). В 1935—1938 гг. руководил подпольной техникой в заграничном бюро ЦК КПП. С 1938 г. находился во Франции по заданию ЦК КПП. В 1940 г. во Франции он был интернирован и заключен в концлагерь Вернет [1. Оп. 74. Д. 453. Л. 10—12]. Жена С. Тимова, Берта Нальчер (Ани Лауфер) обратилась в ИККИ с просьбой разрешить ей и ее мужу въехать в СССР. В связи с этим Г. Димитров 19 марта 1941 г. направил письмо А. Вышинскому, в котором писал: «Дорогой товарищ Вышинский, во Франции находится среди остальных наших людей, посланный в свое время на работу по линии братских компартий, тов. Тинкельман Соломон Самуилович (бессарабец). Так как он являлся советским гражданином до его отъезда во Францию, считаю, что было бы возможным дать ему визу на въезд в СССР с тем, чтобы он мог вернуться с предстоящим транспортом или индивидуально. Очень прошу Вас сделать необходимое...» [1. Оп. 74. Д. 453. Л. 9].

После письма Димитрова Вышинскому начался, как это водилось, сбор отзывов и характеристик на С. Тинкельмана (Тимова). Вот что было написано в справке-характеристике, подготовленной отделом кадров ИККИ: «У нас нет материалов, характеризующих партийную работу Тимова в стране. Румынские товарищи также не могли сообщить о его работе в стране. Его работу в Загранбюро в качестве зав. техников тов. Орлов (Бела Брайнер, умер в стране в 1940 г. — *Т. П.*) оценивал положительно. Тимов занимался, главным образом, журналистской деятельностью и научной работой в эмиграции в СССР, а за последнее время во Франции. В работе по аграрному вопросу в Румынии он неправильно оценивал национал-царанистскую партию, считая, что под руководством национал-царанистов в Румынии завершается буржуазно-демократическая революция. Исходя из этого он на V съезде КПП (в 1932 г.) отстаивал неправильную позицию, что Румыния находится непосредственно перед пролетарской революцией. Эту ошибку он признал. Были у него и другие ошибки, о чем сообщал тов. Драганов в характеристике от 16 VII 1938 г.

Тов. Драганов (Борис Стефанов. — *Т. П.*), — как говорилось далее в справке, — характеризовал Тимова следующим образом: Предан, честен, самый искренний из всех, хотя в политических вопросах недостаточно тверд.

Тов. Ильин (Шт. Фориш. — *Т. П.*), член ЦК КПП в характеристике Тимова, переданной в Отдел кадров ИККИ от 19 XI 1940 г., сообщал, что «он очень способный человек, развитый, его труды в теоретическом органе партии и брошюры были очень ценными. Вместе с тем тов. Ильин сообщил, что Тимов в 1922 г. покинул страну и выехал в СССР, несмотря на то, что был амнистирован. После этого Тимов дважды отказался поехать в страну на партработу: первый раз он отказался в декабре 1928 г., мотивируя тем, что эмигрантов посылают в страну — значит посылать их в тюрьму, во второй раз в 1938 г., мотивируя тем, что он не служит в румынской армии и считается в Румынии дезертиром». Так в критический момент, когда у С. Тимова решался вопрос о жизни и смерти в буквальном смысле этого слова, «соратник по партии» Шт. Фориш, можно

сказать его подставил. В соответствии с заключением Фориша руководитель группы балканских стран ИККИ Владимиров дал по делу Тимова заключение 19 марта 1941 г.: «Имеющиеся в Отделе кадров ИККИ материалы характеризуют Тимова (Тинкельмана, Лауфера) как способного литератора, но оторванного от революционного движения в стране и от партии. Он дважды нарушал предложение о поездке на партработу в страну.

Учитывая эти данные, считаю нецелесообразным ставить вопрос перед соответствующими органами о его возвращении в СССР» [1. Оп. 74. Д. 453. Л. 12—13]. Так была решена судьба румынского коммуниста. Он остался в концлагере во Франции, затем был переведен в Освенцим в Германию, где трагически погиб 17 августа 1943 г. Так к многочисленным жертвам добавилась еще одна трагическая гибель. Ответственность за это ложится как на «товарищей по партии», так и на чиновников из Коминтерна. Также очевидна причастность к этому делу НКВД, так как отдел кадров ИККИ был напрямую связан с этим ведомством и ничего без его санкции не решал. Из документов, которые имеются в нашем распоряжении, видно, что с пожеланиями и намерениями Генерального секретаря Коминтерна Г. Димитрова просто не считались и они могли просто остаться на бумаге.

Условия нелегального существования КПП были чрезвычайно сложными. Постоянная слежка за ее членами охранки, внедрение в ее ряды провокаторов, частые провалы и аресты. По сообщению руководства КПП, поступившего в ИККИ только в 1938 г., произошло шесть крупных провалов: в мае, июне и декабре в Бухаресте, в мае в Галаце, в августе в Черновцах (Буковина), в октябре в Плоеште [1. Оп. 74. Д. 450. Л. 2—5].

Финансовое положение партии было также чрезвычайно затруднительным. Из доклада одного из руководителей КПП Скворцова, поступившего в ИККИ в январе 1940 г., следовало, что членские взносы были совершенно недостаточны, чтобы вести партийную работу и содержать весьма малочисленный центральный и областной аппарат [1. Оп. 11. Д. 245. Л. 20]. В 1939 г., как следует из того же доклада, в КПП насчитывалось всего лишь 26 платных освобожденных работников: четыре человека в Центральном аппарате, три технических сотрудника, остальные в областных и городских организациях. В ЦК КПП входило 13 членов и два кандидата в члены ЦК, а в Политбюро — пять человек. Практической работой руководил Секретариат, избранный из состава членов ЦК КПП. В Москве в Коминтерне существовало представительство КПП. ИККИ оказывал финансовую помощь КПП по разным каналам, но весьма не регулярную, и, по мнению руководства КПП, недостаточную. Одним из каналов, о которых нам известно, была Франция. Из Москвы деньги доставлялись румынским коммунистам, находившимся во Франции, а уже оттуда поступали в Румынию. В Архиве Коминтерна находятся письма И. Драганова (Бориса Стефанова) Г. Димитрову от 17 января и от 3 февраля 1939 г. о финансировании КПП из Москвы. «Дорогой тов. Димитров, — пишет Драганов. — Вчера я получил от тов. Орлова (Карол) (псевдонимы Бельи Брайнера, который руководил работой КПП в стране. — Т. П.) письмо от 4 I 39 г. и от тов. Андрея¹ от 26 I 39 г., копии которых при сем прилагаю. Оба товарища жалуются — не имеют денег. Особенно меня тревожит факт, что тов. Орлов пишет, что если финансовое положение не улучшится — не улучшится и работа партии...Я очень прошу Вас дать Ваши указания на посылку по меньшей мере 1/4 бюджета тов. Андрею с указанием, чтобы сразу перевел эту сумму тов. Орлову. На письме Б. Стефанова имеется резолюция Г. Димитрова: «Дано распоряжение: Прошу передать 1000 долларов». Подпись: Г. Димитров. 4.2.39 г. [1. Оп. 74. Д. 449. Л. 2, 20]. О том, что в 1939 г. через Францию существовала связь между ИККИ и руководством КПП видно из писем Андрея (Г. Василике) к Стефанову. В письме от 4 августа 1939 г. Андрей пишет, что через несколько дней направит человека в Румынию и передаст информацию, полученную от Б. Стефанова

¹ Андрей — псевдоним румынского коммуниста Г. Василике, находившегося во Франции, через которого осуществлялись связи ИККИ с руководством КПП, находившимся в стране.

[1. Оп. 74. Д. 449. Л. 65]. Кроме того, продолжал существовать канал связи с Москвой через Чехословакию [1. Оп. 74. Д. 450. Л. 2], который активно использовался румынскими коммунистами еще до Мюнхенского соглашения и оккупации Чехословакии. Но с 1939 г. чехословацкая полиция активно начинает сотрудничать с румынской охранкой. Так, посланные ЦК КПП в Москву по запросу ИККИ анкеты, составленные в ЦК на активистов КПП, были изъяты на границе в Чехословакии и попали в руки румынской сигуранцы, что повлекло за собой массовые аресты. Таким образом Коминтерн финансировал румынскую компартию, но, судя по обращениям ее руководства в ИККИ, это были весьма незначительные суммы. «Из-за границы (имеется в виду ИККИ. — Т. П.) партия почти не получала материальной помощи — всего 50 тыс. лей за 1939 г. (вернее до ноября 1939 г.— Т. П.)», — писал в своем докладе в ИККИ Скворцов [1. Оп. 11. Д. 245. Л. 21]. Канал связи шел через ЦК КП Болгарии,

В нашем распоряжении имеется любопытнейший документ, дополняющий данные, полученные из отчетов руководства КПП и их переписки с ИККИ, в котором дается весьма подробный анализ положения дел в компартии Румынии. По словам зам. наркома внутренних дел В. Г. Деканозова, этот документ поступил в НКВД «от одного из иностранных посольств в Бухаресте» и «сведения, изложенные в этом документе, якобы получены этим посольством от румынской разведки». Деканозов обратился к руководству Коминтерна с целью определения источника информации: «Исходит ли этот документ от компетентного лица из руководства компартии или составлен на основе случайных и разрозненных материалов?». Этот документ Г. Димитров направил И. Драганову (Б. Стефанову), представителю КП Румынии в Коминтерне и тот в своем заключении написал, что, по его мнению, эта справка составлена агентом сигуранцы для своего начальства [1. Оп. 74. Д. 448. Л. 4—5]. Содержание и стиль этого информационного материала дают возможность согласиться с выводом И. Драганова.

В информации агента румынской сигуранцы отмечается малочисленность компартии и ее весьма затруднительное финансовое положение. Данные о финансовом положении, вернее о сумме взносов (50 тыс. лей с января по июль 1939 г.) практически совпадают с цифрами, представленными в отчетах ЦК КПП в Коминтерн [1. Оп. 74. Д. 448. Л. 17], что подтверждает информированность секретного агента сигуранцы. «КПП,— как отмечается в указанном выше сообщении,— разворачивает свою работу в „народных благотворительных комитетах“, таких организациях как „Женский Фронт“, „Комитет защиты политических заключенных и антифашистов“, „Защита республиканской Испании“, „Народный Фронт мира“ под видом ассоциаций, которые кажутся независимыми, а на самом деле получают директивы и инструкции от ЦК КПП [1. Оп. 74. Д. 448. Л. 17]. Сама же КПП, спекулируя на всевозможных трудностях внутреннего порядка, используя недовольство населения,— говорится далее,— изыскивает наиболее подходящие условия для усиления агитационной кампании в пользу общего выступления народных масс» [1. Оп. 74. Д. 448. Л. 15-16]. В сообщении отмечается узость социальной базы, на которую опираются коммунисты: «это преимущественно рабочий класс, который до сего времени был наилучшей средой для восприятия коммунистической идеологии» [1. Оп. 74. Д. 448. Л. 11]. «Большим резервом для КПП,— отмечается далее,— является еврейский элемент» [1. Оп. 74. Д. 448. Л. 17]. «Что же касается крестьянства, то последнее всегда было и теперь остается совершенно невосприимчивым ко всякой идеологии, чуждой его тенденциям развития и стремлениям... Образование и нравы буржуазии,— как подчеркивается в донесении,— находятся в таком вопиющем противоречии с коммунистическими принципами, что она дает лишь очень ограниченное число членов» [1. Оп. 74. Д. 448. Л. 18]. В качестве фактора, затрудняющего деятельность КПП и дезориентирующего коммунистов, автор сообщения отмечает «частые политические процессы в СССР, в которых замешаны главари коммунистического движения в Советской России» [1. Оп. 74. Д. 448. Л. 11.]. Само же коммунистическое движение, по мнению автора донесения,— не является однородным. В нем существуют различные

течения, одним из которых поддерживается переход к диверсионно-конспиративной деятельности [1. Оп. 74. Д. 448. Л. 7]. Диверсионно-конспиративная деятельность являлась именно той сферой, которая сближала коммунистов с легионерами.

В историографии, особенно западной, а в последнее время и в румынской, широко бытует мнение, что Коммунистическая партия Румынии в рассматриваемый период была полностью подчинена Коминтерну и не проводила собственной политической линии. Открывшиеся в последнее время возможности обратиться к архивам Коминтерна, изучение переписки румынского представительства при Коммунистическом Интернационале генерального секретаря КПП Бориса Стефанова (псевдоним Иван Драганов), находившегося в Москве, с руководством компартии в Румынии, показывает, что между московским и бухарестским центрами существовали достаточно серьезные противоречия в понимании задач текущего момента и определении тактики по вопросам создания антифашистского фронта. Нередко рекомендации Б. Стефанова (Драганова), отражавшие конъюнктурные соображения и приспособленные прежде всего к внешнеполитическому курсу советского правительства, отвергались внутренним руководством КПП как не соответствующие местным реальным условиям коммунистического движения в Румынии. Так, например, в январе 1940 г. в докладе, поступившем в ИККИ, отмечалось, что тов. Драганов (Б. Стефанов) плохо информировал ИККИ о положении в Румынии и вводил его в заблуждение [1. Оп. 11. Д. 245. Л. 10, 12]. В докладе отмечалось, что рекомендации тов. Драганова (Б. Стефанова) об отношении к Фронту Национального Возрождения (ФНВ) были ошибочны. В то время как «исторические партии удержали и даже расширили свое влияние, наша партия пугалась, не давала правильного анализа положения в стране и допускала тактические ошибки по ряду вопросов, в том числе и в отношении к ФНВ». «Тогда как лидеры оппозиции Ю. Маниу и Д. Брэтиану,— говорилось далее в докладе,— заняли отрицательную позицию к созданию и укреплению ФНВ как монополной партии королевской диктатуры, руководство КПП в соответствии с инструкциями, поступившими от Б. Стефанова, призвало своих членов вступать во ФНВ и работать там для привлечения членов этой организации на свою сторону и завоеванию организации изнутри». Но поскольку КПП и численно, и организационно была достаточно слабой, то это привело лишь к ее растворению в ФНВ и потере авторитета, а некоторые члены КПП и даже отдельные местные организации были дезориентированы и пошли на сотрудничество с легионерами. В свою очередь Драганов (Б. Стефанов) обвинил внутреннее руководство КПП в оппортунизме, в правом уклоне, а ряд руководителей внутреннего ЦК КПП в троцкизме и фракционной борьбе против ИККИ. Это породило настороженное отношение к румынским коммунистам у московского руководства. Не случайно начальник 5-го разведывательного управления НКВД Фитин в запросе на имя Г. Димитрова от 11 июня 1941 г. просил его прислать список на 25 человек руководящего состава КПП, находившихся в тюрьмах и концлагерях Румынии, которых по настоянию советского правительства предлагалось освободить, и дать заключение о целесообразности их въезда в СССР [1. Оп. 74. Д. 454. Л. 29—30].

В целом установки ИККИ о складывании революционной ситуации в обстановке военного конфликта и особенно советско-германский договор от 23 августа 1939 г., шедшие вразрез с предыдущей линией КПП, направленной на организацию борьбы с наступлением фашизма внутри страны и гитлеровской агрессией, вызвали глубокую растерянность и дезориентацию в руководстве коммунистической партии и ее организациях, что ослабляло позиции партии, породило волну взаимных обвинений и способствовало расколу партии на различные фракционные группы [3. Оп. 1. Д. 17. Т. 1. Л. 209—228]. Существенное влияние на положение КПП оказывало и то обстоятельство, что между ИККИ и внутренним руководством компартии в стране не существовало сколько-нибудь регулярных связей. Они были чрезвычайно слабыми и затрудненными [4].

Кроме того, позиция КПП по национальному вопросу (КПП выступала за

право наций на самоопределение вплоть до отделения, не признавала оккупацию Румынией в 1918 г. Бессарабии и настаивала на ее возвращении Советскому Союзу) вызвало достаточно негативное отношение у значительного большинства населения, поддерживавшего принципы сохранения единой и неделимой «Великой Румынии», сформировавшейся после первой мировой войны. Эта позиция КПП создавала серьезные препятствия на пути ее сотрудничества с различными политическими силами антифашистской окраски, выступавшими за сохранение послевоенного status quo.

После начала второй мировой войны КПП поддержала борьбу польского народа против гитлеровской Германии и признала ее справедливой, чем вызвала резко негативную реакцию со стороны ИККИ. С этого момента и примерно до осени 1940 г. антифашистская работа коммунистов практически была парализована и лишь с августа 1940 г., когда ИККИ в одной из своих инструкций вновь указал, что главной опасностью для Румынии является потеря национальной самостоятельности и превращение страны в придаток гитлеровской Германии, антифашистская деятельность КПП вновь активизировалась [1. Оп. 11. Д. 245. Л. 10, 15].

Изменения во внешнеполитической ориентации правящей верхушки Румынии от политики балансирования между двумя блоками сил (Англии и Франции, с одной стороны, и державами «оси», — с другой), особенно после разгрома Германией Франции и грубого нажима СССР при поддержке Германии на правительство Румынии с целью территориальных изменений (по ультиматуму Советского правительства от 26 июня 1940 г.) привели к укреплению союза Румынии с гитлеровской Германией.

Положение КПП еще более осложнилось. Для привлечения на свою сторону румын власти достаточно искусно использовали шовинистические настроения, особенно в многонациональных районах. Особое значение придавалось антисемитизму. Чтобы дискредитировать в глазах населения коммунистическое движение между коммунистами и евреями привычно ставился знак равенства. На этом основании властям легче было представлять коммунистов как «врагов нации» и антинациональную силу.

Таким образом, накануне и в первый период второй мировой войны КПП оставалась малочисленной организацией и имела в целом сектантский характер. Она не смогла создать себе сколько-нибудь значительную социальную базу и ей не удалось объединить антифашистские силы, хотя тактически она эту задачу выдвигала. Она была также слишком слабой, чтобы претворять указания Коминтерна в жизнь. Коминтерн в свою очередь был слабо информирован о реальной социально-экономической и политической ситуации в Румынии, пытался привязать деятельность КПП к внешнеполитическому курсу советского правительства, теоретическим схемам и догмам, господствовавшим в ИККИ, что осложняло и затрудняло в еще большей степени положение КПП. В 1940 г. ИККИ обвинял ЦК КПП во фракционной борьбе против ИККИ, в «пережитках самодовольного сектанства и доктринерства, смыкающегося с оппортунистической беспринципностью и потерей самостоятельного лица компартии как партии рабочего класса, в поддержке ФНВ», хотя документы, поступающие руководству ИККИ, в частности письмо Б. Стефанова Г. Димитрову от 3 февраля 1939 г. подтверждают, что руководство КПП, находившееся в Румынии, действовало в соответствии с указаниями, поступавшими от румынского представительства в Москве [1. Оп. 74. Д. 449. Л. 2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский Центр Хранения и Изучения Документов Новейшей истории (РЦИДНИ). Ф. 495.
2. *Ерещенко М. Ф.* Государственный переворот 6 марта 1945 г. // Сообщение на международной конференции «Установление коммунистических режимов в Восточной Европе. 1945—1950 гг. Взгляд заново». Москва, 29—31 марта 1994 г.
3. Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК). Ф. 492.
4. *Историография движения сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С. 159—162.*

СТРАТЕГИЯ КОМИНТЕРНА В БОЛГАРИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БОЛГАРСКИХ КОММУНИСТОВ (1941—1943 гг.)

Доступность для более широкого круга исследователей архива Коммунистического Интернационала во многом способствовала переосмыслению истории этой международной организации [1; 2]. Материалы коминтерновского архива, относящиеся к периоду второй мировой войны, убедительно доказывают, что Коминтерн был орудием сталинского Политбюро ВКП(б) при осуществлении стратегической цели советской внешней политики — победы социалистической революции в мировом масштабе. От этой стратегической цели Сталин не отказывался и после нападения Германии на СССР. Однако новая обстановка потребовала существенных изменений в тактике международного коммунистического движения.

22 июня 1941 г. Сталин вызвал к себе генерального секретаря Исполкома Коминтерна Георгия Димитрова. Запись Димитрова в своем дневнике слов Сталина раскрывает установки, полученные от него руководством Коминтерна в новой ситуации о том, что Коминтерн пока не должен выступать открыто, а компартии на местах не должны ставить вопрос о социалистической революции [2. С. 34].

Сразу после беседы со Сталиным Димитров созвал заседание Секретариата ИККИ, на котором было обосновано принципиальное изменение тактики коммунистического движения, а именно: все, что помогает разгрому фашизма — правильно и полезно; на этом этапе компартии не должны призывать к свержению капитализма и к мировой революции, борьба ведется за национальное освобождение. В тот же день соответствующие указания были направлены отдельным компартиям [3. Оп. 18. Д. 1335. Л. 1—10], в том числе и Болгарской рабочей партии (БРП)¹.

Болгарская компартия была в 30-е годы одной из наиболее активных секций Коминтерна. Этому во многом способствовало то обстоятельство, что после поражения руководимого коммунистами сентябрьского восстания 1923 г. из Болгарии в Советский Союз прибыло большое количество политэмигрантов. Большинство из них приняли советское гражданство. С 1930 по 1944 гг. в Москве находилось Заграничное бюро (ЗБ) ЦК БРП во главе с Г. Димитровым и В. Коларовым. После того, как в 1935 г. Димитров был избран генеральным секретарем ИККИ, произошло фактическое слияние руководства Коминтерна и руководства БКП. Ясно, что в этих условиях роль Коминтерна в формировании политической линии болгарских коммунистов была определяющей.

Валева Елена Любомировна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

¹ Так в период с 1938 по 1944 гг. называлась Болгарская коммунистическая партия.

Уже в день нападения Германии на СССР Г. Димитров направил в ЦК БРП в Софии радиogramму, в которой призывал партию «принять все меры, чтобы облегчить борьбу советского народа, противодействовать антисоветским планам болгарской реакции, крепить единый народный фронт борьбы против германского фашизма...». В духе сталинских указаний в радиogramме особо подчеркивалось: «Учтите, что на данном этапе речь идет об освобождении народов от фашистского порабощения, а не о социалистической революции» [3. Исх. док. за 1941 г. № 420]. Партийная линия была конкретизирована в резолюции ЗБ ЦК БРП «Нападение фашистской Германии на Советский Союз и наши задачи» (в состав ЗБ в этот период входили Г. Димитров, В. Коларов, Ст. Димитров и Г. Дамьянов). В этом документе, полученном в Софии 1 июля по существовавшей в это время регулярной радиосвязи между Загранбюро и внутренним ЦК БРП, определялись задачи революционного движения, формы и средства борьбы на данном этапе, раскрывались перспективы развития антифашистского движения, очерчивался характер будущей власти. Главной задачей болгарских коммунистов было названо содействие полному разгрому Германии. «К этому делу необходимо привлечь *все и вся*, не ослабляя всенародного фронта выставления других, более крайних, но несвоевременных, чисто социалистических задач. *На данном этапе мировой войны не стоят задачи ни пролетарской диктатуры и советской власти, ни социализма*» [в тексте подчеркнуто.— *Е. В.*],— указывалось в резолюции [4. Л. 1; 5]. Определяя «борьбу против немецких фашистов и их болгарских прислужников и сообщников» как первостепенную задачу, ЗБ наметило переход к тактике широкого национального антифашистского фронта.

В то же время резолюция ориентировала болгарских коммунистов на то, что они не должны отказываться от своей главной, стратегической цели — борьбы за социализм, а лишь перенести ее на более отдаленный момент: «В ходе событий, по мере назревания внутренних и международных условий, массовое движение народа и армии необходимо направить против болгарского правительства во главе с Борисом» (режим в Болгарии коммунисты характеризовали как монархо-фашистский.— *Е. В.*) и создать национальное антифашистское правительство, в котором рабочему классу и его партии посредством массовой работы и решительной и самоотверженной борьбы должно быть «обеспечено соответствующее место» [4. Л. 5].

С первого же дня Великой Отечественной войны руководство БРП в Софии соотновило свою деятельность с указаниями из Москвы. Уже 22 июня Политбюро ЦК БРП выступило с воззванием, в котором призывало болгарский народ к борьбе против германского фашизма и поддержке справедливой борьбы советского народа. Шифрованная радиogramма Г. Димитрова, полученная в Софии в ночь с 22 на 23 июня, содержала оценки и указания, которые легли в основу программы вооруженной антифашистской борьбы, разработанной на заседании Политбюро ЦК БРП 24 июня.

Принимая курс на вооруженную борьбу в июне 1941 г., болгарские коммунисты исходили не из соответствующей внутривнутриполитической ситуации, а базировались на общей линии мирового коммунистического движения, которая вырабатывалась в Москве. Обстановка же в Болгарии в тот период была крайне неблагоприятной для реализации этого курса. Ее положение как страны-сателлита заметно отличалось от положения оккупированных Германией государств: сохранился собственный государственный аппарат; германские войска, располагавшиеся на ее территории, не выполняли оккупационных функций. Экономическое положение народа пока еще оставалось на прежнем уровне. В связи с территориальными приобретениями 1940—1941 гг. значительные слои болгарского населения захлестнула националистическая волна. Неблагоприятным фактором для развертывания движения Сопrotивления в Болгарии были и первоначальные победы гитлеровцев на советско-германском фронте.

Отмеченные особенности проведения курса БРП имеют важное значение для понимания характера движения Сопrotивления в Болгарии, в котором с самого

начала преобладали классовые аспекты. Движение, руководимое БРП, с первых же дней было направлено на изменение существовавшего строя, на создание нового общества, в котором сначала видную, а затем руководящую роль будет играть коммунистическая партия. Эта особенность движения Сопротивления в Болгарии — направленность не против иностранного присутствия, а против собственных правителей — ограничивала его размах, не позволила ему превратиться во всенародное. Политический состав борцов Сопротивления был весьма узким: подавляющее большинство их составляли коммунисты и комсомольцы. Колебания среди некоммунистических антиправительственных сил всегда были велики, склонить их к активным действиям было крайне трудно.

В первые месяцы после объявления курса на вооруженную борьбу в БРП, в том числе в ее Центральном комитете, существовали различные взгляды по вопросу о времени непосредственной организации вооруженного восстания и методах его подготовки. Часть коммунистов призывала немедленно начать подготовку восстания. За указаниями обратились в Москву, в Загранбюро. Димитров же, в свою очередь, не решался принять решение самостоятельно, без консультации с «высшей инстанцией». 2 августа 1941 г. он пишет Сталину: «По сведению ЦК нашей болгарской партии, положение в стране чрезвычайно напряженное. Немцы производят усиленный нажим на Болгарию, чтобы она приняла активное участие в войне против Советского Союза. Царь Борис и правительство, хотя и все еще колеблются, готовят вступление в войну. Между тем подавляющее большинство народа и солдатской массы относятся явно отрицательно». Далее Димитров останавливается на положении в армии и особое внимание обращает на группу Д. Велчева (одного из лидеров бывшей Военной лиги и политического течения «Звено»), находящуюся в резкой оппозиции царю Борису: «Эта группа имеет значительное влияние в армии и особенно среди резервного офицерства. Она предложила нашей партии совместные действия. Ведутся переговоры по этому вопросу. Вопрос о восстании против царя Бориса и его германских покровителей в Болгарии поставлен конкретно. В связи с этим ЦК партии запрашивает — как и в каких размерах СССР может оказать помощь в случае восстания в Болгарии [в тексте подчеркнуто. — Е. В.]. Очень прошу Ваших срочных указаний по этому поводу» [З. Оп. 74. Д. 87. Л. 5]. Ответ не замедлил последовать, так как уже 5 августа Димитров направил члену ЦК БРП А. Иванову следующую директиву: «После тщательного обсуждения вопроса в самом авторитетном месте пришли единодушно к выводу, что восстание в настоящих условиях было бы преждевременным и заранее обречено на разгром. Приступить к восстанию только тогда, когда будет возможно комбинированное действие изнутри и извне страны, что в данный момент еще невозможно. Теперь надо накапливать силы, всемерно готовиться, укреплять позиции в армии и стратегических пунктах» [З. Исх. док. за 1941 г. № 567]. Димитров предлагал сообразовываться с этой линией и в переговорах с «велчевцами».

Через неделю А. Иванов от имени ЦК уведомил Загранбюро, что партия работает именно в таком направлении: «Готовимся всесторонне к восстанию армии и народа в подходящий момент, согласованный с внешними силами [в тексте подчеркнуто. — Е. В.], а также к соответствующей организационной перестройке и военно-технической подготовке партии и масс. Эту подготовку сочетаем с развертыванием борьбы и расстройством фашистского тыла. С этой целью и в процессе борьбы создаются боевые группы и партизанские отряды» [З. Оп. 184. № 589].

Таким образом, уже с самого начала перед болгарскими коммунистами была поставлена задача готовиться к свержению существующего строя, но лишь тогда, когда восстанию будет обеспечена поддержка советских войск. И Сталину, и Димитрову было ясно, что без такой поддержки, без вмешательства извне акция болгарских коммунистов будет обречена на провал.

Поддержка антиправительственной борьбы в Болгарии начала осуществляться советским руководством через Коминтерн уже в первые месяцы Великой Оте-

чественной войны. Учитывая особое положение Болгарии — с одной стороны, как союзника Германии, с другой — как страны с традиционно прорусскими настроениями и с сильной компартией, — советское руководство решило направить туда группы болгарских политэмигрантов для ведения разведывательных, саботажных и боевых действий в тылу германской армии. С самого начала этот вопрос согласовывался с Г. Димитровым. В первые же дни советско-германской войны Загранбюро ЦК БРП под руководством Димитрова составило список группы политэмигрантов численностью около ста человек. Среди них были руководящие деятели партии, военные специалисты, преподаватели советских вузов, инженеры и рабочие. Все они имели многолетний стаж революционной борьбы, многие участвовали в сентябрьском восстании 1923 г. в Болгарии и в гражданской войне в Испании.

В болгарской и советской исторической литературе долгое время господствовала официальная версия о том, что политэмигранты направлялись в Болгарию по решению Загранбюро ЦК БРП для оказания помощи компартии при организации вооруженной антифашистской борьбы. Сегодня архивные документы позволяют однозначно утверждать, что болгарские эмигранты посылались на родину советскими секретными службами, как правило, по согласованию с Загранбюро ЦК БРП. Об этом недвусмысленно говорят две записки В. Коларова Г. Димитрову. В первой из них, датированной 21 июля 1941 г., Коларов писал: «В связи с отправкой ответственных партработников в страну: 1) прошу признать целесообразным и важным прибавить к намеченной для отправки группе ответственных партработников еще по крайней мере трех товарищей из числа сравнительно недавно покинувших страну... Отправляемые товарищи, за исключением т. Костова, слишком давно приехали в СССР и с условиями в стране в данный момент не могут быть знакомы в такой степени, чтобы они могли без чужой помощи прорваться нелегально к своим районам. Предлагаю для этой цели включить в список тт. Астаджева Д. Ст., Стамова Ст. К. и Чулева Б. П. Поскольку все эти тт. мобилизованы по специальной линии, необходимо потребовать их освобождения и передачи в наше распоряжение. Советские органы, мобилизовавшие их, располагают еще другими болг[арскими] товарищами, также хорошо знающими страну, как и эти товарищи, так что без всякого ущерба для своей службы они могут передать их нам. 2) Прошу Ваше[го] распоряжения, чтобы после прохождения необходимой подготовки мы получили возможность беседовать с посылаемыми товарищами и обсудить с каждым из них конкретно все вопросы их продвижения в стране, установления связи с парторганизациями, методов их работы и пр. 3) После политического инструктажа всех тов[арищей] совместно с нами, считаю весьма важно, чтобы они услышали от вас лично директиву о работе партии в данный момент» [З. Оп. 74. Д. 82. Л. 20—21]. Вторая записка Коларова (от 30 августа 1941 г.) свидетельствует о том, что советские секретные службы далеко не всегда посвящали в свои планы членов Загранбюро ЦК БРП (возможно, лишь за исключением Димитрова). Многие политэмигранты находились полностью в подчинении советских служб и выполняли их задания, отнюдь не ставя об этом в известность Загранбюро. Коларова, второго человека в партии, явно задело то, что «группа добровольцев из болгарских политэмигрантов со специальным назначением была сформирована НКВД мимо Представительства БКП». «К нам не обращались и для получения политической характеристики на людей. Я был уведомлен некоторыми товарищами, что они входят в такую группу, но об ее составе в целом я узнал в частном порядке лишь несколько дней тому назад после того, как группа была уже на месте своего назначения», — писал Коларов [З. Оп. 74. Д. 82. Л. 18]. Он настаивал, чтобы в будущем для болгарских политэмигрантов, отправляющихся со специальными поручениями, требовали также характеристику Загранбюро ЦК БРП.

Вопрос о прямом сотрудничестве Коминтерна с советскими секретными службами очень серьезен, и до недавнего времени его обходили молчанием. С середины 30-х годов в аппарате Исполкома Коминтерна существовала тщательно скрываемая

от постороннего взгляда система службы связи ИККИ. Она обеспечивала контакты с большинством компартий, пунктами связи ИККИ и его резидентурой в различных странах [6]. На коминтерновскую разведку работали не только ее резиденты, но и функционеры компартий. Так, Болгарская рабочая партия, имея свою собственную разведку, часто передавала результаты своей разведывательной деятельности в Коминтерн. Для поддержания связи с компартиями широко использовались сотрудники посольств и торгпредств СССР, других советских учреждений за границей.

Коминтерн тесно сотрудничал и с советскими государственными органами, занимавшимися разведывательностью — с разведками Генерального штаба Красной Армии, Военно-морского флота, НКВД (позже — НКГБ) и некоторых других ведомств. Эти разведки нередко обеспечивали связь Исполкома Коминтерна с компартиями. Например, через начальника 1-го отдела НКГБ П. Фитина шел обмен шифrogramмами с Болгарской рабочей партией. В архиве Коминтерна содержится множество материалов, полученных Фитиным от резидентов НКГБ в Софии для передачи Г. Димитрову. Резидентура Генштаба Красной Армии и Военно-морского флота в Болгарии также сообщала ценные сведения генеральному секретарю ИККИ Коминтерна.

Засылка первых групп политэмигрантов в Болгарию с целью ведения там разведывательной и диверсионной деятельности проводилась разведками Генштаба Красной Армии и НКВД. Конечной целью было создание военной организации для проведения вооруженного восстания против существующего строя. Подготовка и обучение первых тридцати бойцов под руководством трех болгар — полковников Красной Армии — И. Винарова, Ц. Радойнова и Х. Боева — сначала проходили на засекреченном объекте под Москвой, а с середины июля 1941 г. — в Крыму. Под Севастополем, на уединенной даче «Омега» велись тщательные приготовления к операции. По плану Генштаба политэмигранты должны были быть переброшены на болгарский берег подводными лодками². Их высадка в Болгарии в августе 1941 г. — одна из самых драматических страниц в истории болгарского движения Сопротивления. Неудачи начали преследовать «подводников» с первых же часов пребывания на родной земле. Очень скоро на их след напала полиция. Узнав о высадке от предателя, власти предприняли исключительные меры: мобилизованные войска и полиция тщательно прочесывали побережье и прилегающие леса, за поимку десантников была обещана солидная награда. Эти усилия не пропали даром. Из вернувшихся в Болгарию в составе различных групп 56 эмигрантов в живых и на свободе к лету 1942 г. осталось только семеро. 18 человек погибли в сражениях с полицией, трое покончили жизнь самоубийством, 28 были арестованы [7].

Политэмигранты ступили на родную землю в крайне неблагоприятный момент, когда там бесконтрольно хозяйничали гитлеровские войска. Болгарская полиция и армия охраняли их тыл, зорко наблюдая за воздушным пространством и пограничной территорией страны. Нельзя не отметить и ошибок, допущенных при организации десанта: тяжелое снаряжение и неподходящая экипировка, недостаточное количество продовольствия, отсутствие связи с болгарскими подпольщиками. В докладе начальнику I управления ВМФ Зуйкову (копия была направлена Г. Димитрову) начальник разведки Черноморского флота полковник Намгаладзе писал 26 сентября 1941 г.: «В центре не учли обстановку и условия работы, группе предстояло преодолеть горный массив (так называемый Балкан), а экипировка была выдана для прогулки по городу... Группа не представляла (во главе с Родионовым) [псевдоним Ц. Радойнова. — Е. В.], с какими затруднениями они встретятся в Болгарии — „установление контакта с местными организациями без явки“ я считал невозможным и опасным для группы, поэтому Родионова предупредил, что „надеяться на контакт в ближайшее время нельзя“

² Еще 30 болгарских политэмигрантов в составе 5 групп были сброшены на парашютах на территорию Болгарии с советских самолетов в сентябре — начале октября 1941 г.

и нужно искать решения поставленной задачи в чем-либо более реальном для данных условий работы... С момента формирования группы не были приняты меры к организации надлежащей конспирации». Намгаладзе подчеркивал (видимо, стремясь избежать ответственности за провал операции), что все затруднения десантников были вызваны «исключительно благодаря недоработке этих вопросов со стороны исполнителей по линии НКГБ и самим руководителем Родионовым» [3. Оп. 74. Д. 87. Л. 4—5]. Судя по всему, между советскими секретными службами существовало соперничество, мешавшее осуществлению операции. Об этом недвусмысленно писал позже сам Ц. Радойнов, руководитель одной из групп «подводников», сумевший несмотря на невероятные трудности добраться до Софии, где он был кооптирован в члены ЦК БРП и возглавил Центральную военную комиссию при ЦК БРП (до момента своего ареста в апреле 1942 г.). В записке, полученной через партийного связного заместителем начальника 1-го отдела НКГБ П. Судоплатовым 28 апреля 1942 г., Ц. Радойнов писал: «Мною ранее уже был поставлен ряд вопросов о нашей работе. Эти вопросы не получили, однако, своего разрешения. Меня интересует, к кому следует обратиться за помощью. Кто будет руководить нашей работой и какие Вы расчеты строите? Как известно, сюда для выполнения по существу одной и той же задачи были переброшены люди двумя путями, двумя органами. Еще и тогда я высказывался о вредности такого рода параллелизма. Надо было иметь одно руководство» [3. Оп. 74. Д. 85. Л. 63]. Отмечая тяжелые условия, в которых ему приходится работать, Радойнов призывал советские секретные службы «все основательно продумать и организовать своевременно». «Необходимо в первую очередь окончательно решить, с кем мы должны организовывать и поддерживать непосредственный контакт, помимо партийных связей, необходимо далее договориться по всем принципиальным и техническим вопросам. Пока здесь находится Советское посольство, вопрос этот, хотя и окружным путем, можно все же решить. Мы можем остаться и без этой связи и помощи». Далее Радойнов просил «как можно быстрее ответить на следующие вопросы: а) кто будет нами руководить; б) какие будут каналы связи (шифры, позывные); в) на какие средства мы можем рассчитывать в различные периоды войны; г) оружие и радиоаппаратура; д) „ВВ“ [взрывчатые вещества.— *Е. В.*]; е) люди, деньги. Мы поставили перед собой задачу подготовить пункты для выброски материалов как воздушным, так и морским путями» [3. Оп. 74. Д. 85. Л. 64].

Следует отметить, что ЦК БРП был предупрежден о прибытии политэмигрантов Г. Димитровым. 31 августа 1941 г. он направил секретарю ЦК А. Иванову следующую шифрованную радиограмму: «Вас посетят наши гости... Они имеют особые задачи, без права вмешиваться в партийные дела. Среди них Радион, Сыби, Блажа, Кискин, Табак [Цвятко Радойнов, Сыби Димитров, Йордан Кискинов, Продан Табаков.— *Е. В.*]. Имейте это в виду и примите необходимые меры» [4. Исх. док. за 1941 г. № 647]. В связи с чрезвычайной секретностью операции Димитров не сообщил в радиограмме ни даты, ни места прибытия политэмигрантов, поэтому ЦК был не в состоянии принять меры по их встрече. О нелегальном прибытии эмигрантов ЦК узнал лишь во второй половине сентября 1941 г.

Благодаря огромному опыту и личному мужеству Ц. Радойнову и еще нескольким «подводникам» со временем удалось связаться с партийной организацией. Первоначальный план Генштаба Красной Армии (точнее — Четвертого, Разведывательного управления Генштаба РККА), по которому болгарские эмигранты должны были действовать в тылу немецких войск в Болгарии в качестве бойцов Красной Армии, оказался нарушенным. Обеспокоенный этим, Радойнов считал необходимым проконсультироваться с Москвой. По его настоянию 4 апреля 1942 г. А. Иванов послал Димитрову радиограмму, в которой просил согласия Загранбюро, чтобы оставшиеся в живых политэмигранты включились в работу партийной организации: «Радионова будем называть Жеко. Он организует боевые группы и вообще руководит военной работой в центре [имеется в виду Военная комиссия при ЦК.— *Е. В.*]. Вообще сложившаяся обстановка заставила нас использовать

всех уцелевших парашютистов. Но тем самым нарушается данный им приказ — работать в стороне от нас, что оказалось невозможным. По этому вопросу Жеко неоднократно запрашивал Косту [конспиративная связь с Москвой.— *Е. В.*], но не получил никакого указания. Он хочет знать, имеется ли здесь у нас, то есть у Косты, соответствующее начальство, с которым он может связаться и получать соответствующие указания» [З. Оп. 184. Д. 19. Л. 4]. В своем ответе от 10 апреля 1942 г. Димитров сообщил в ЦК: «Жеко и уцелевшие парашютисты должны перейти отныне в распоряжение и под руководство партии. Их начальством будет Цека. Другого начальства нет и не следует его искать. Возложенные на них задачи принимает на себя партия» [З. Оп. 184. Д. 12. Л. 6—7]. Тем самым подтверждается тот факт, что политэмигранты были направлены в Болгарию со специальным заданием, а не с тем, чтобы укрепить ряды БРП. Лишь после того, как провал операции стал очевиден, было решено, что задачи, возложенные на них Генштабом Красной Армии (создание саботажных и боевых групп), примет на себя БРП.

Через неделю Димитров просит А. Иванова сообщить, «кто из „парашютистов“ убит или арестован» [З. Оп. 184. Д. 12. Л. 8]. Увы, на свободе их оставалось все меньше и меньше. 25 апреля 1942 г. полиции удалось схватить Ц. Радойнова. Его арест был звеном в цепи провалов ЦК БРП и его аппарата весной 1942 г. Арестовано около 100 видных деятелей партии, в том числе секретари ЦК А. Иванов и Т. Костов. Власти решают организовать два судебных процесса: первый, так называемый «процесс парашютистов», с главным обвиняемым Ц. Радойновым и второй — против членов и актива ЦК БРП.

9 июня 1942 г. Софийский военно-полевой суд при закрытых дверях начал слушание дела против 27 «парашютистов» и «подводников». 14 июня П. Фитин сообщает Димитрову о получении сведений об этом от резидента НКГБ в Софии. «Всем обвиняемым,— говорится в сообщении,— грозит смертная казнь. Защита постарается доказать, что подсудимые прибыли из Советского Союза в качестве разведчиков против Германии, а не для борьбы против Болгарии, поэтому их следует рассматривать в силу наличия нормальных дипломатических отношений с СССР как военнопленных на территории Болгарии и до окончания германо-советской войны интернировать и немцам не выдавать». Далее Фитин извещает Димитрова о том, что ЦК БРП обратился через своего связного к Москве с просьбой «о выпуске официального обращения по процессу» и «о выдаче адвокатам подсудимых удостоверений, свидетельствующих о том, что все обвиняемые являются советскими гражданами». Однако Фитиним было послано в Софию указание не отвечать на эту просьбу, поскольку он счел ее «провокационной» [З. Оп. 74. Д. 85. Л. 89—90]. 26 июня Димитров получил записку из ГРУ Генштаба следующего содержания: «...Нашему источнику в Болгарии поставлена задача изучить вопрос о возможностях помощи парашютистам. Однако источник считает, что официальное вмешательство СССР в процесс может быть использовано болгарским правительством как один из аргументов для разрыва дипломатических отношений с нами» [З. Оп. 74. Д. 86. Л. 26].

Интерес представляет копия обвинительного акта по делу ЦК БРП, полученная Фитиним от резидента НКГБ в Софии и переданная Димитрову. «Крайней целью БКП был захват власти в стране,— говорилось в документе.— Подталкиваемый прибывшими на подводных лодках и сброшенными на парашютах с русских самолетов болгарскими эмигрантами, ЦК БКП начал усиленную деятельность по собиранию кадров по всем линиям, стремился проникнуть во все профсоюзы, государственные учреждения и предприятия, казармы и т. п.» [З. Оп. 74. Д. 85. Л. 118]. Значительная часть протокола посвящена деятельности Ц. Радойнова: «Основной задачей его [Радойнова.— *Е. В.*] и всех остальных групп, прибывших в Болгарию, было создать военную линию при ЦК, готовую поднять вооруженное восстание и взять власть в свои руки. Для поддержания радиокорреспонденции с СССР и с разбросанными по Болгарии руководителями специальной службы Радойнов привез с собой шифр, который был передан

Вапцарову и Антону Попову. Во второй половине января [1942 г.— *Е. В.*] Вапцаров получил от Александра Междуречки оставшиеся после интернирования Шатова 2500 ам. долл., 141 800 динар и 200 000 драхм. Междуречки заявил, что „деньги русского происхождения и их требует одно заинтересованное лицо (речь идет о Смирнове — наше [П. Фитина.— *Е. В.*] примечание) вместе с имевшимся в чемодане передатчиком“. После того, как Вапцаров был задержан, Междуречки передал передатчик заинтересованному лицу... Шатов в начале сентября 1941 г. вошел в связь с Яковом Савченко — секретарем военного атташе советской миссии, от которого получил радиопередатчик, руководство к нему на русском языке, 140 тыс. динар, 200 тыс. драхм и около 5 тыс. долларов. Все это сдал на хранение Междуречки. После ареста Шатова все вышеперечисленное осталось у Междуречки и только в январе 1942 г. после ареста Вапцарова передатчик был передан другому лицу» [З. Оп. 74. Д. 85. Л. 125—128].

Вопрос о прямом финансировании Коминтерном (т. е. Москвой) компартий не нов. Как правило, это финансирование шло через советские секретные службы. Так, Г. Димитров посылает 3 января 1942 г. записку в НКВД П. Фитину: «Настоятельная просьба получить возможно скорее зашифрованную телеграмму Луки [секретарь ЦК БРП А. Иванов.— *Е. В.*]. Часть денег передать Захарии Бакову. Остальную часть задержать, пока Лука укажет и других адресатов» [З. Оп. 74. Д. 90. Л. 10]. В ответ Фитин 25 февраля 1942 г. через Г. Соркина [заместитель начальника службы связи ИККИ, ведавший резидентурой Коминтерна.— *Е. В.*] передает Димитрову следующее сообщение: «Тодор Михайлов при очередной встрече с нашим работником 8 II с. г. поблагодарил от имени Луки за получение последним 3000 ам. долл. ... 20 февраля он вновь принес незашифрованную записку от Луки и сообщил, что якобы Лука готовит для «Отца» [Г. Димитрова.— *Е. В.*] материал, который будет зашифрован и принесен на этих днях. В этот же день Михайлову была вручена шифротелеграмма «Отца» из Уфы для передачи Луке. На словах Михайлов сообщил, что руководство БКП недавно получило довольно солидную сумму денег (2500 долл., 200 тыс. динар, 156 тыс. драхм). Лука просил передать, что большинство амер. долл. истрачены им на парашютистов и снова ощущается нужда в деньгах» [З. Оп. 74. Д. 90. Л. 17].

26 июня 1942 г. был оглашен приговор по делу «подводников» и «парашютистов». Из 27 подсудимых 18 во главе с Ц. Радойновым были приговорены к расстрелу и в тот же день казнены на Софийском гарнизонном стрельбище.

Трагическая судьба десантников со всей очевидностью показала, что операция по засылке болгарских политэмигрантов на родину летом — осенью 1941 г. была преждевременной и обреченной на провал. Отправка групп в Болгарию была надолго приостановлена, хотя первоначально предполагалось направить в страну около 100 эмигрантов.

Таким образом, тактика развития антиправительственной борьбы в Болгарии не всегда отвечала реальным условиям в стране и, как следствие, требовала больших и неоправданных жертв. Это, разумеется, мало интересовало сталинское руководство, использовавшее Коминтерн в своих внешнеполитических интересах.

С помощью Коминтерна Загранбюро ЦК БРП разработало в 1942 г. директиву, направленную на сплочение антифашистских сил в Болгарии. 17 июля 1942 г. в передаче нелегальной радиостанции им. Христо Ботева, вещавшей из Москвы на территорию Болгарии, прозвучала программа Отечественного фронта (ОФ), ориентированная на создание широкого демократического антифашистского фронта. Содержавшиеся в программе требования были сформулированы так, что они соответствовали интересам всех демократических и патриотических сил. В то же время БРП, рассматривая ОФ и как стратегию, и как тактику, не собиралась отказываться от своей конечной цели — социалистической революции. Усилия по сплочению всех антифашистских сил в стране на основе программы ОФ не привели, однако, к быстрым и ощутимым результатам. Изменения во внутренней и международной обстановке еще не были достаточно благоприятными для

реализации этой программы. Лишь после разгрома гитлеровских войск под Сталинградом ускорилось создание комитетов ОФ и активизировалась их деятельность.

После роспуска Коминтерна в мае 1943 г. связи ЦК ВКП(б) с другими компартиями стали осуществляться через Отдел международной информации. Это не внесло практически никаких изменений в характер взаимоотношений сталинской партии с компартиями разных стран. Особенно справедлив этот вывод в отношении партии болгарских коммунистов. Во-первых, потому, что Загранбюро ЦК БРП, утвердившееся как высшее руководящее звено в партии, продолжало свое существование в Москве до 21 сентября 1944 г. Во-вторых, фактически Отдел международной информации при ЦК ВКП(б) возглавил Г. Димитров, перешедший туда с частью аппарата Исполкома Коминтерна. Руководящая роль сталинской партии большевиков по отношению к другим компартиям стала осуществляться непосредственно через аппарат ВКП(б).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Соколов Р. Н.* История Коминтерна: новые подходы // Вопросы истории КПСС. 1989. № 7. С. 142—150.
2. *Фирсов Ф. И.* Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939—1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6.
3. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ, бывший Центральный партийный архив при ЦК КПСС). Ф. 495.
4. Централен партиен архив при ЦК на Българската социалистическа партия (ЦПА при ЦК на БСП). Ф. 3. Оп. 4. Д. 586.
5. Антифашистката борба в България. Документи и материали. София, 1984. Т. 1. С. 176.
6. Коминтерн и вторая мировая война. Сборник документов (в печати).
7. *Ерелийска М.* Героичният подвиг на българските политемигранти през 1941 г. // Известия на Института по история на БКП. 1963. Т. 10. С. 348.

ХОРТИСТСКИЙ РЕЖИМ И ИДЕЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ ВЕНГРИИ в 1920—1930-е годы

Победа стран Антанты и США в первой мировой войне, революционные события 1917—1919 гг. в России, Германии и Австро-Венгрии коренным образом изменили политическую карту Центральной и Восточной Европы. На руинах Габсбургской монархии образуется независимая Чехословакия; в новых границах утверждается Румыния; в результате объединения Сербии и Черногории с землями, ранее входившими в состав Австро-Венгерской монархии, создается многонациональное Королевство сербов, хорватов и словенцев, впоследствии Югославии; после почти полутора столетий небытия возрождается независимое Польское государство.

Для венгерской нации последствия глобальных потрясений были не менее ощутимыми. Революция октября 1918 г., свергнув власть Габсбургов, не смогла направить развитие Венгрии в русло демократической конституционности. Не выдержав напора левых сил, требовавших немедленного осуществления социалистических преобразований, глава первой Венгерской республики граф М. Каройи в сложной внутривластной и международной обстановке марта 1919 г. передал свою власть партиям пролетариата, попытавшимся по примеру русской революции установить правление в форме Советов¹. Продолжавшийся 133 дня социалистический эксперимент сопровождался, как и в России, левыми эксцессами и вызвал неоднозначную реакцию в обществе. Отпугнув со временем многих людей, первоначально поддержавших новую власть, и лишившись, таким образом, прежней социальной базы, Венгерская Советская республика в начале августа пала под натиском превосходящих сил румынской армии и внутренней контрреволюции. Режим, пришедший ей на смену, на четверть века отодвинул перспективу коренной демократизации политической системы.

История межвоенной Венгрии полна парадоксов и противоречий. Считаюсь, согласно действующему законодательству, королевством, эта страна была монархией без монарха. Попытки низвергнутых Габсбургов вновь овладеть венгерским тронem, тем самым хотя бы отчасти компенсировав утраты, понесенные в результате распада огромной империи, не отвечали интересам соседних молодых государств, резонно связывавших с воцарением в Венгрии прежних властителей угрозу реваншистских устремлений с их стороны. Реставрация некогда могущественной династии на венгерском престоле не устраивала и державы-победи-

Стыкалин Александр Сергеевич — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

¹ На отставку Каройи в немалой мере повлияла неуступчивая позиция военного командования Антанты, поставившего перед венгерским правительством неприемлемые территориальные требования.

тельницы, привыкшие видеть в Габсбургах надежных союзников хотя и повергнутой, но всегда опасной для них Германии. Находившийся после 1918 г. за границей низложенный Карл Габсбург в расчете на поддержку своих не столь уж малочисленных венгерских сторонников дважды в течение 1921 г. предпринял попытки захвата власти. При этом во второй раз он решил прибегнуть к помощи военной силы — часть армейских подразделений перешла на сторону бывшего короля, без разрешения властей приземлившегося в Западной Венгрии и совершившего рейд на столицу. Попытка мятежа оказалась неудачной — приверженцы Габсбургов, легитимисты, не сумели овладеть ситуацией. Опасавшиеся большого международного скандала правящие круги Венгрии предпочли дать отпор сторонникам Карла. Потерпев неудачу, бывший монарх бесславно покинул страну. А вскоре Национальное собрание приняло акт, лишивший дом Габсбургов прав на венгерский престол.

Немаловажную роль в принятии такого решения сыграл и тот, в чьи обязанности входило временное замещение монарха — регент Миклош Хорти. Этот человек некогда служил в Вене флигель-адъютантом императора Франца Иосифа. Полтора года регентства не прошли, однако, даром. С познанием вкуса власти стало притупляться чувство верноподданности. В личные планы Хорти едва ли входило уступать свои весьма широкие полномочия кому бы то ни было, даже прежним властителям. С изгнанием Карла Габсбурга с венгерской земли в борьбе за королевский трон произошла развязка — Венгрия окончательно вступила в период своей истории, названный по имени правителя хортистским.

Выходец из Восточной Венгрии, М. Хорти происходил из не очень знатного дворянского рода. Его биография первоначально мало чем отличалась от биографий множества офицеров, в молодости присягнувших императорской власти на долгую и верную службу. Отнюдь не лишенный способностей, но и не наделенный ими в выдающейся мере, Хорти не сумел сделать блистательной карьеры в годы, когда монархия Габсбургов, хотя и несколько утратила свое бывшее положение одной из великих европейских держав, все еще занимала огромные территории — от Боснии до Силезии, от Тироля до Буковины. В эпоху дуализма Хорти был мало известен в политических кругах. Основные годы службы будущего регента прошли в морском флоте Габсбургской державы, располагавшей обширным выходом к Адриатике. Даже участие в морских баталиях первой мировой войны не принесло ему заветного адмиральского чина. Только в 1918 г., за считанные месяцы до революции, 50-летний Хорти за проявленную «доблесть» в подавлении матросского мятежа на морской базе в Которе был удостоен звания контр-адмирала, и с этих пор его карьера резко пошла на подъем.

Осенью 1918 г. под командованием вице-адмирала Хорти находились все военно-морские силы империи. Дуалистическая монархия, однако, доживала последние дни. Осенью 1918 г. адриатическое побережье Далмации перешло к объединенному югославянскому государству, под юрисдикцию которого попадал и австро-венгерский флот. Венгерское республиканское правительство графа М. Каройи не нуждалось в услугах Хорти, запятнавшего себя в глазах новых властей жестокой расправой над моряками. Оказавшись не у дел, вице-адмирал уединился в родовом имении, чтобы пережить нелегкие времена.

Между тем события в Венгрии развивались стремительно, и затворничество Хорти оказалось недолгим. Пока Будапешт находился во власти Советов, в оккупированном французами Сегеде собрались представители венгерской аристократии, искавшие возможности перехватить политическую инициативу. Единомышленники бросили клич опальному вице-адмиралу. Когда при содействии держав Антанты в Сегеде было сформировано альтернативное венгерское правительство, Хорти достался пост министра обороны. Поддержка воинских формирований позволила Хорти обособиться от сегедского правительства, подчиненная ему ставка военного командования со временем превратилась в один из самостоятельных центров власти в охваченной острейшими противоборствами стране.

С падением Советской республики углубились противоречия между различными группировками, претендовавшими на главную роль в консолидации анти-

большевистского лагеря. Хорти обладал реальной вооруженной силой, и это обеспечило ему покровительство со стороны постоянно посещавших Венгрию английских, французских и американских эмиссаров, озабоченных серьезным внутренним конфликтом в этой центральноевропейской стране, стремившихся содействовать его урегулированию, не забывая при этом и о собственных интересах в регионе. Судьба побежденной страны во многом зависела от воли победителей, и позиция Антанты ускорила взаимный компромисс между наиболее значительными антикоммунистическими группировками. В поисках кандидатуры на место регента выбор пал на Миклоша Хорти. 1 марта 1920 г. он приступил к своим обязанностям в этом качестве.

Добытые в результате долгих лет службы, отнюдь не доставшиеся даром адмиральские эполеты оставались для Хорти предметом гордости и впоследствии — он продолжал их носить и тогда стал правителем Венгрии. В новых условиях, однако, водные просторы страны ограничивались озером Балатон. Иронией судьбы вице-адмирал Хорти четверть века управлял государством, у которого не могло быть своих военно-морских сил.

С распадом двуединой монархии Венгрия окончательно обособилась от соседней Австрии. Казалось бы, сбылись мечты не одного поколения борцов против могущественного венского двора, осуществились идеалы венгерских национальных героев — Ф. Ракоци, Л. Кошута, М. Танчича, Ш. Петефи. Но триумфального настроения в стране не было и не могло быть — в этом смысле для венгерской нации последствия войны и революции являлись совсем иными, чем для польской, чешской, румынской, югославянских наций, добившихся собственной государственности или расширения границ своих государств. Как одна из составных частей двуединой Австро-Венгерской монархии, обладавшая не только суверенитетом во внутренних делах, но и оказывавшая через свои правящие круги значительное влияние на внешнеполитический курс дунайской державы, Венгрия имела большие основания быть причисленной к странам лагеря, проигравшего войну; подобное отношение к ней доминировало, в частности, на Парижской мирной конференции.

Определяя послевоенные судьбы народов Центральной Европы, державы-победительницы не были заинтересованы в существовании сильного Венгерского государства, не только потенциального союзника Германии, но и вероятного претендента на гегемонию в Дунайском бассейне. При всех нюансах в подходе каждой страны общая линия Великобритании, Франции и США при формировании Версальской системы в отношении Венгрии свелась к стремлению по возможности низвести ее до положения одного из малых государств, зависимых в своей внешней политике от воли не менее, а подчас и более сильных соседей. Венгерскому правительству пришлось отказаться от ряда территорий в пользу соседних государств. Румыния получила Трансильванию и часть Баната, Чехословакия — Словакию и Закарпатскую Украину, Австрия — область на западе Венгрии (в дальнейшем австрийская провинция Бургенланд). Объединенному югославянскому государству были переданы Хорватия (обладавшая автономией в рамках венгерской половины монархии) и Воеводина. Таким образом, территория нового Венгерского государства, определенная условиями Трианонского мирного договора 1920 г., составила менее 30% владений венгерской и хорватской короны в составе Габсбургской монархии — с 325 тыс. кв. км она сократилась до 93 тыс. кв. км. Численность населения уменьшилась с 18 млн (без автономной Хорватии) до 7,6 млн человек. При этом наряду с землями, где основное ядро населения составляли прежние национальные меньшинства — хорваты, сербы, румыны, словаки, украинцы, к соседним странам отошел и ряд территорий с преобладанием венгерского этноса, в частности, в Южной Словакии. В этих странах оказалось около 3 млн венгров, многие из которых проживали компактно, в пограничных с Венгрией районах, но ни одна из статей договора не поднимала вопроса о гарантиях прав венгерского национального меньшинства. Таким образом, неизменно претендовавшая на роль гегемона в дунайско-карпатском геополитическом ареале Венгрия в результате Трианонского договора оказалась малым государством, с трех сторон окруженным более крупными соседями (и Румыния, и

Чехословакия, и будущая Югославия превзошли Венгрию и по площади, и по численности населения).

Весьма дискриминационный по отношению к Венгрии характер Трианонского договора ущемлял национальные чувства миллионов венгров, вызывая недовольство среди широких слоев венгерского общества, равно как и среди мажар в соседних странах. Итоги Трианона воспринимались как утрата, как психологическая травма «не только шовинистами, но всеми, кто понимал, что означают для венгерской культуры Надьбания, Коложвар, Пожонь»², — пишет один из мемуаристов [1]. Существовала, таким образом, питательная почва для усвоения массовым сознанием различного рода концепций ревизии Трианона. Лежавшее в основе внешней политики хортизма стремление к пересмотру границ в пользу Венгрии, возврату утерянных земель находило поддержку в самых разных слоях населения. Особой восприимчивостью к этой идее отличались переселенцы из отошедших к соседним странам земель, оказавшиеся на положении изгоев в собственном национальном государстве³.

Оставаясь на протяжении всего межвоенного периода одной из доминант венгерского общественного сознания, фактор Трианона предопределил многие важнейшие явления духовной жизни хортистской Венгрии. Грандиозные политические катаклизмы, потрясшие Венгрию в 1914—1920 гг., сделали невозможным восстановление в прежнем виде политико-идеологической структуры Венгрии эпохи дуализма. Неудача социалистического эксперимента 1919 г. привела не только к дискредитации марксизма — был нанесен серьезный удар по левой идее в любом ее воплощении. Поражение революции повлекло за собой эмиграцию многих ведущих интеллектуалов, стоявших на левых политических позициях. За пределами Венгрии оказались ее виднейшие мыслители О. Яси, Д. Лукач, молодой К. Манхейм, Е. Варга, братья К. и М. Полани, А. Хаузер и др. Кроме того, под влиянием событий 1918—1920 гг. происходит заметная перемена умонастроений и той части венгерской интеллектуальной элиты, которая продолжала оставаться в стране. Если накануне 1918 г. почти все, что было сильным и самобытным в венгерской культуре, тяготело к левому флангу политической жизни, то после Трианона ситуация меняется. Многие интеллигенты теряют веру в действенность революционного пути, происходит их сдвиг вправо. Умерил свой былой радикализм, хотя ни в коей мере не изменил гуманистическим принципам, журнал «Nyugat», вокруг которого группировались многие крупные писатели. Журнал продолжал оказывать влияние на умы, но настоящими властителями дум интеллигенции в 1920-е годы становятся писатель Дежё Сабо и историк Дюла Секфю, занимавшие в то время (а Сабо и позже) правые политические позиции. Д. Сабо в романе «Унесенная деревня» и Д. Секфю в книге «Три поколения», ставших бестселлерами после своей почти одновременной публикации в 1919—1920 гг., пытались объяснить причины национальной катастрофы вмешательством инородных сил, одним из рассадников этого зла назывался и леволиберальный «Nyugat».

Функцию официальной идеологии хортистского режима выполняло так называемое христианско-национальное направление венгерской общественной мысли. Выступив поначалу как относительно монолитный идейный комплекс, эта доктрина в последующем распадается на несколько течений, которые при всех заметных различиях в вопросах политической стратегии и особенно тактики роднила между собой не только ярко выраженная антикоммунистическая, но и известная антилибералистская направленность. При этом спектр идей в русле христианско-национального мировоззрения колебался от консервативной системы

² Надьбания — ныне Бая-Маре, Румыния; Коложвар — ныне Клуж, Румыния; Пожонь — венгерское название Братиславы. Речь идет о традиционно важных центрах венгерской культуры.

³ Говоря о Трианоне, надо иметь в виду не только ущемление национального достоинства, но и социальные последствия договора. Массовый приток в 1920-е годы венгров из соседних стран, и прежде всего бывшего чиновничества, вызвал переизбыток рабочих рук в определенных сферах деятельности, увеличил, тем самым, безработицу, обострил жилищную, продовольственную проблемы.

ценностей, лишенной ярко выраженных великодержавных амбиций (Д. Секфю), до крайне шовинистических концепций.

Говоря об истоках «христианско-национальной» идеологии, необходимо упомянуть виднейшего идеолога венгерского католицизма начала XX в. Оттокара Прохаску (1858—1927). Сын офицера чешского происхождения, уроженец города Нитра (ныне Словакия), Прохаска, избрав путь священника, получил блестящее теологическое образование в Риме. Именно на молодые годы Прохаски пришелся один из важных исторических поворотов в деятельности римско-католического клира. Движимая стремлением восстановить пошатнувшийся авторитет церкви, отвоевать постепенно утраченные ею позиции, обеспокоенная все более широким распространением социалистической идеи, подъемом рабочего движения в развитых странах мира, ватиканская иерархия во главе с папой Львом XIII впервые за много десятилетий выступила с обстоятельной программой лечения социальных недугов. Имущественное неравенство перестало рассматриваться как данное от Бога, была предпринята попытка выявить его социальные корни. Энциклика «Рерум новарум» (1891) признала наличие классов и классовых противоречий в обществе, призвала католическую церковь активнее выступать в качестве посредника при урегулировании отношений между трудом и капиталом. Предусматривалось, в частности, создание в противовес социал-демократическим профсоюзам рабочих организаций католической ориентации (вслед за развитыми капиталистическими странами к концу XIX в. эта задача стала достаточно актуальной и для Венгрии). Как справедливо пишет венгерский ученый Е. Гергей, «новая концепция казалась весьма пригодной для завоевания поддержки мелкой буржуазии, широких слоев трудящихся и даже рабочих, в результате чего изменилась массовая база католических партий, которые могли теперь противостоять растущему социалистическому движению» [2. С. 290].

На протяжении многих лет профессор теологии в Эстергеме и Будапеште, затем, начиная с 1905 г., епископ в Секешфехерваре, Прохаска проявил себя как наиболее энергичный и последовательный сторонник «нового курса», главный его идеолог в Венгрии. Его борьба за модернизацию католической церкви, наполнение ее деятельности социальным содержанием встречала резкое сопротивление консервативного духовенства не только на родине, но и в Ватикане — так, уже после смерти Льва XIII, три произведения Прохаски были признаны еретическими и попали под запрет. Прохаска как лектор и публицист был довольно популярен в начале века в среде либеральной светской интеллигенции, в известной мере способствовал пробуждению ее интереса к проблемам религиозной этики. «До Прохаски было модно не говорить о Боге и церкви, после Прохаски стали модой церковь и соборная кафедра», — вспоминал один из современников [3]. Между тем, не чураясь еще в то время эксплуатировать социалистическую идею, отдавая, в частности, известную дань лозунгам «христианского социализма», распространенного в начале века прежде всего во Франции и Италии, Прохаска и в эти годы был непримиримым противником марксовской теории классовой борьбы, выдвигал в противовес ей концепцию классовой гармонии и возрождения венгерской нации на христианских основах. Постепенно, отчасти под влиянием критики консервативного духовенства, отчасти по мере своего разочарования в возможностях синтеза христианско-консервативной и либеральной идеи, он эволюционирует в своих взглядах вправо.

Неудача социалистического эксперимента 1919 г. придала новое звучание идеям Прохаски, его влияние как в церковных кругах, так и за пределами церкви возрастает. Не только правящие круги хортистской Венгрии, но и многие разочаровавшиеся в левых доктринах представители интеллигенции увидели в его концепциях наиболее действенную духовную альтернативу марксизму. «Взгляды инстинктивно потянулись к нему. Политики и народ видели в нем тайный ориентир... выразителя боли нации, ее самых высоких чаяний», — вспоминал несколько позже младший современник Прохаски философ А. Шютц [4. 85 Old].

Так епископ Прохаска вошел в число наиболее влиятельных идеологов хортистского режима. Какова же была его система взглядов в этот период?

Явившись непосредственной реакцией венгерского общества на пережитые страной потрясения, «христианско-национальная» идеология начала 20-х годов не сводилась к планам ревизии Трианона. Однако выдвигаемая ею программа национального возрождения в качестве одной из важнейших задач предполагала установление более справедливых границ для Венгрии. Как известно, внешнеполитическая доктрина Венгерской Советской республики, ориентировавшаяся на идею мировой революции и рассматривавшая венгерские события прежде всего как одну из попыток раздуть «мировой пожар», не придавала сколько-нибудь серьезного значения вопросу о самоопределении венгерской нации в четко обозначенных и благоприятных для нее территориальных границах. «Мы воспринимали нашу революцию как часть международной пролетарской революции и никогда не подходили к ней с узко венгерской точки зрения, а всегда с точки зрения мировой пролетарской революции», — признал Бела Кун, оценивая свою позицию в 1919 г. [5]. Противоположным образом относились к названной проблеме идеологи «христианско-национального» направления. В противовес марксизму с присущей ему апологией интернационализма «мы делаем упор на национальное начало, смотрим на нацию как на единое целое, — писал Прохаска. — Национальная идея как осознание народом себя единой семьей... есть великий принцип сплочения, есть сила, способная оградить нас от разрушительных внешних воздействий, которые отрывают пролетарские слои от проявления таких наиболее естественных для человека чувств, как чувства отечества, родины, нации» [6. XI Köt. 287 Old.]. В его трактовке нации прослеживается влияние распространившейся с начала XX в. и в Венгрии «философии жизни», в том числе такого ее ведущего представителя, как Ницше. «Разве есть более естественный инстинкт, чем поддержание жизни, относится ли это к индивидууму или же ко всей нации? Есть ли более непосредственно воспринимаемая действительность, нежели общность крови, духа, судеб?.. Все это делает нацию» (цит. по: [4. 86 Old.]). Разгул террора на рубеже 1910—1920-х годов, после разгрома Венгерской Советской республики, Прохаска пытался объяснить как «естественную реакцию» нации на веяния, подрывающие ее единство. «Это было проявление жизненных сил нации, — писал Прохаска. — Его надо поддерживать, нельзя ему дать ослабнуть... Есть необходимость в вооруженной силе, если хотим жить и быть счастливыми... Сила столь же необходима, сколь вера, мораль, право» [6. XXII Köt. 217 Old.; XXV Köt. 256 Old.].

Как соотносились в «христианско-национальной» идеологии христианское и национальное начала? Прохаска видел в христианстве наднациональную идею, не отрицающую в то же время национальных ценностей: «У человечества есть общие жизненные интересы, более высокого порядка в сравнении с национальными. Они нисколько не ослабляют национальную идею, а ... сплачивают нации в более высокую общность» [4. 86 Old.]. Принятие венграми христианства явилось решающим шагом на пути их приобщения к европейской культуре. «Христианство, а значит религиозная культура, создали венгерский народ... Наши национальные корни произрастают из Азии, но с тех пор, как привилось христианство ... в исторической жизни венгерской нации, в ее духовном существовании, в ее чувствах находит проявление ее христианский характер, и как венгерский дух един, так нельзя провести границы между христианским и национальным» [6. XX Köt. 310 Old.].

Власти большое внимание уделяли активизации церкви (не только католической, но и реформатской — кальвинистской и лютеранской⁴; «христианско-национальная» идеология вообще носила интерконфессиональный характер), созданию общественных организаций христианского толка⁵. Какая цель при этом

⁴ К католической церкви было приписано около 65% населения межвоенной Венгрии, к протестантским — около 30%.

⁵ В межвоенный период в Венгрии такие организации существовали в большом количестве, на те же годы пришелся расцвет монашеских орденов; в 20—30-е годы в Венгрии было столько же монастырей, сколько до 1918 г., хотя страна уменьшилась втрое (см. [7]).

преследовалась четче других выразил министр просвещения и культов хортистского правительства граф К. Клебельсберг: «Борьба идет между церковью и социализмом... В этой связи на венгерские церкви ложится громадная ответственность. Только сильная церковь сможет поставить преграды на пути дехристианизации человеческого духа. Беда, если церковь не выдержит испытания, проиграет в схватке с социализмом за умы людей. Именно это случилось, как мы знаем, в России ... Мы должны дать нашей церкви всю ту поддержку, которая ей необходима от нас для успеха в этой борьбе» [8].

Идеологи хортизма были последовательны в своем консерватизме. Острое неприятие революций 1918—1919 гг. определяло их негативное отношение не только к большевистской агитации, но и к революционному пути развития в принципе, более того — ко всей многовековой традиции национально-освободительной борьбы венгерского народа. Залог благополучия венгерской нации на протяжении последних столетий ее истории виделся ими не в конфронтации с Габсбургами, а в союзе с ними. По мнению идеологов режима, занесенные в Венгрию с конца XVIII в. идеи французского Просвещения, а затем и Великой Французской революции подорвали «духовное здоровье» нации, вынудили ее свернуть в 1848—1849 гг. с легитимистского пути на «пагубный» революционный. Соглашение 1867 г. о дуализме, напротив, означало торжество здравого смысла. Но семена противостояния с Габсбургами, заложенные в предшествующие десятилетия, продолжали давать новые всходы. Отношение идеологов «христианско-национального» направления к эпохе дуализма было весьма критическим. Они подвергали критике правительство того времени за чрезмерный либерализм, попустительство в отношении различного рода радикалистских течений, которые, пользуясь уступчивостью властей, «прибрали к рукам» многочисленные органы прессы, другие культурные институты и начали усиленно распространять «подрывные идеи» социализма и классовой борьбы, бросившие нацию в пучину хаоса 1918—1919 гг. Вся ответственность за Трианон и связанное с ним национальное ущемление возлагалась на марксизм и — шире — революционную и отчасти даже либеральную традиции, а проводимая на протяжении всей эпохи дуализма недалеконидная политика мадьяризации национальных меньшинств оказывалась в ряду второстепенных факторов.

Одним из неотъемлемых элементов «христианско-национальной» идеологии, заимствованным из предшествующей политико-правовой традиции венгерского дворянства, явилась идея «святой короны». Уже в самые первые месяцы после уничтожения Венгерской Советской республики силы, стоявшие во главе нового режима, пришли к единству взглядов относительно предпочтительности монархической формы правления для Венгрии. На выбор в пользу монархии повлиял не только негативный опыт революции, не сумевшей удержать развитие Венгрии в демократических рамках, — сказала, несомненно, и более чем девятивековая монархическая традиция. Ведь корона «святого Иштвана», подаренная римским папой первому королю Венгрии на рубеже X—XI вв., продолжала символизировать венгерскую государственность даже в те времена, когда последняя носила чисто номинальный характер — земли венгерской короны в монархии Габсбургов с середины XVI в. и до 1867 г. имели весьма ограниченную автономию. Гораздо более спорным, как уже отмечалось, был вопрос о правящей династии.

Важным компонентом «христианско-национальной» идеологии являлась геополитическая концепция, решающую роль в формировании которой сыграл граф Пал Телеки (1879—1941), не только крупный политик хортистской эпохи, но и ученый-географ с мировым именем. Рубежи «королевства святого Иштвана», раннефеодального венгерского государства, созданного в 1000 г. практически одновременно с введением в Венгрии христианства, провозглашались в его работах границами пространственного существования венгерского «национального духа» в христианскую эпоху. Доктрины Телеки и его школы утверждали тезис о несоответствии установленных Трианоном границ естественному «жизненному пространству» венгерской нации, об их «тесноте» для венгерского «национального

духа» [9]. Проблема самоопределения венгерской нации в сложившейся после войны системе международных отношений сводилась, таким образом, к необходимости расширения «жизненного пространства», добиться же такого расширения можно было только за счет соседних государств при условии пересмотра всей Версальской системы.

Эта система была действительно отнюдь не безупречна. Но поднимая вопрос об ущемленности своей нации, хортистские идеологи не всегда в достаточной мере учитывали волю других народов, их естественное нежелание «возвращаться в Венгрию» даже при условии получения автономии, которую обещали предоставить меньшинствам после ревизии Трианона наиболее дальновидные хортистские политики вроде графа И. Бетлена, премьер-министра в 1921—1931 гг., с деятельностью которого был связан период временной экономической и политической стабилизации режима во второй половине 1920-х годов. (Недоверие к обещаниям венгерских властей было обоснованным. Характерно, что когда в 1938—1941 гг. Венгрии при поддержке Германии удалось получить обратно ряд отторгнутых согласно договору 1920 г. земель, тогдашнее хортистское правительство не только не предоставило меньшинствам автономии, но еще более усилило в сравнении с эпохой дуализма политику угнетения национальных меньшинств [10].)

Идея о превосходстве венгров над своими славянскими и восточнороманскими соседями была важной составной частью «христианско-национальной» идеологии во многих ее вариантах, хотя акценты ставились разные — в некоторых случаях идея превосходства приобретала расистский оттенок, но гораздо чаще речь шла о том, что более длительная и богатая традиция своей национальной государственности дает венграм «историческое право» на доминирующее положение в Дунайско-карпатском регионе. Одновременно утверждался тезис о культурном превосходстве венгров над славянскими народами (а также румынами) и в этой связи о культурно-просветительской миссии венгерской нации на востоке Центральной Европы. Поскольку Венгрии не удалось сохранить политическую гегемонию в регионе, хортистские правительства пытались компенсировать крах своих политических амбиций доказательством культурного превосходства Венгрии. Министр просвещения и культов бетленовского правительства граф К. Клебельсберг в 1922 г. выступил с крупномасштабной и вследствие экономических трудностей лишь частично осуществленной программой культурного строительства. Развитие культуры, не уставал повторять Клебельсберг, «это главное для нас поле боя», высокая культура — «единственное средство... способное искоренить опасный вирус революционной демагогии» и, кроме того, доказать всему миру несправедливость Трианона [11. 365, 638 Old.]. Весьма характерно для Клебельсберга и следующее суждение: «Ответственность за большевизм несет школьная политика царизма» [11. 542 Old.]. В 20-е годы возникают многие новые вузы, научные центры, музеи, библиотеки. Немалые средства выделялись на архитектуру и монументальное искусство, большое внимание уделялось издательскому и архивному делу, реставрации памятников. Предпринимая подобные шаги, консервативное венгерское правительство заботилось прежде всего о повышении своего международного престижа — не удивительно, что приоритет отдавался институтам элитарной культуры. Несколько хуже обстояло положение дел с культурой на другом ее полюсе и, в частности, системой народных школ⁶.

Апелляция к фактору Трианона и связанного с ним национального ущемления способствовала расширению социальной базы «христианско-национальной» идеологии. Последняя, между тем, не была однородна, и эта неоднородность отражала

⁶ Пожалуй, ни в один другой период венгерской истории не говорили так много о значении культурного наследия, как в эпоху хортизма. Конечно, стремление властей изъять из культурного достояния нации все то, что было так или иначе связано с революционной традицией, приводило к односторонней трактовке творчества Ш. Петефи, Э. Ади, других великих деятелей национальной культуры. Неоспоримо, однако, и позитивное значение реформ Клебельсберга для культивирования в стране подлинных духовных ценностей.

социальные различия в венгерском обществе, так и не преодоленные вопреки декларациям о единстве нации перед лицом подрывных антинациональных сил. Например, несшие на себе отпечаток антисемитизма взгляды видного писателя и мыслителя крайне националистической ориентации Д. Сабо находили отклик прежде всего в среде среднепоместного дворянства и мелкой городской буржуазии, вызывая в то же время настороженность крупной буржуазии еврейского происхождения⁷.

Важно отметить, что венгерская консервативная мысль 20-х годов в целом извлекла уроки из опыта недавнего прошлого и, не желая отдавать целиком на откуп левым идею общественных реформ, не без влияния Прохаски эволюционировала в сторону большей открытости к требованиям социальных низов. В начале 20-х годов в Венгрии получил немалое распространение христианский социализм. Наиболее видным его представителем первоначально была Христианская социальная партия (затем неоднократно менявшая название). Она активно действовала на политической арене, стремясь к расширению своей социальной базы за счет мелкой буржуазии и пролетариата⁸.

Пришедшийся на середину — вторую половину 1920-х годов период консолидации хотя на время и нейтрализовал крайние политические тенденции, создав видимость единства в венгерском обществе, все же не устранил серьезных социальных диспропорций. Уже в середине 20-х годов в работах ряда ведущих представителей «христианско-национальной» идеологии все отчетливее звучат мотивы разочарования в способности, идя по избранному пути, достичь социальной гармонии. «За христианской национальной программой отсутствует христианская нация», — с горечью писал в эти годы Прохаска [б. XXIV Köt. 62 Old.].

Кризис 1929—1933 гг. не только усугубил экономическую ситуацию в стране, но оказал немалое воздействие на ее политическое развитие. Происходит процесс поляризации сил, правительственная «партия единства» все более сталкивается как с левой, так и с правой оппозицией, возникают и оформляются новые политические движения: на левом фланге — Независимая партия мелких хозяев, несколько позже — движение «народных писателей», на правом фланге — партии профашистской ориентации, видевшие для себя образец в гитлеровской Германии.

Важно подчеркнуть, что при всем своем антилиберализме хортистский режим, правоавторитарный и явно не демократический, вплоть до захвата власти нилашистами в октябре 1944 г. все же принципиально отличался от фашистских режимов в Италии и тем более в Германии. Сам Хорти, большинство ведущих

⁷ Наиболее состоятельная и политически влиятельная прослойка венгерского общества, земельная аристократия, была достаточно индифферентна к еврейскому вопросу, поскольку ассимилированная еврейская буржуазия Будапешта не могла ослабить ее ведущие экономические и политические позиции в обществе. Антисемитизм исходил главным образом от другого правящего слоя Венгрии — выходцев из обуржуазившегося среднепоместного дворянства, которое еще с конца XIX в. видело в еврейской буржуазии серьезного и весьма преуспевающего конкурента. Официальная идеология неоднократно предпринимала попытки подвести под антисемитизм моральные основания. Как значительная часть венгерских буржуа, так и многие лидеры рабочего движения — выходцы из евреев, писал видный представитель этой идеологии Б. Банга. Следовательно, они могут объединиться в единый лагерь, отстаивающий чуждые венгерскому «национальному духу» ценности. Антисемитизм есть «движение за забвение от еврейского засилия. С точки зрения христианской морали антисемитизм... вполне уместен» [12].

⁸ Как гласила программа этой партии (осень 1919 г.), «выступая за осуществление принципов социализации экономики и за социальную справедливость, мы ждем от законодательных органов таких мероприятий, которые способны защитить общество трудящихся от всех злоупотреблений со стороны крупного капитала. В интересах общественного мира и гармонии между классами каждый человек должен получать справедливую долю из национальных доходов, а для этого мы требуем для всех людей права на труд и на его охрану... Мы требуем признания права на стачки и его законного урегулирования. Все предприятия должны быть подвергнуты контролю со стороны государственных ведомств». Более того, на первых порах, стремясь к завоеванию широких масс пролетариата и учитывая то обстоятельство, что даже вопреки во многом негативному опыту Венгерской Советской республики лозунги национализации не утратили своей привлекательности, партия включила в свою программу требование «национализации крупных предприятий, природных ресурсов, крупных лесных угодий, шахт, транспортных предприятий путем их выкупа» [2. С. 295].

политиков из его окружения старались, как правило, отмежеваться от фашизма. В отличие от гитлеровской Германии в Венгрии сохранялся парламент как реально функционирующая сила, была слабая, но все же легальная либерально-буржуазная и даже социал-демократическая оппозиция со своим парламентским представительством и прессой, отсутствовали характерные для фашистских режимов революционная фразеология, харизматический лидер, монолитная и цельная идеология с ярко выраженной мессианской окраской. Кроме того, хортизм и в 20-е, а в значительной мере даже и в 30-е годы опирался прежде всего на «исторический» правящий слой (земельную аристократию и среднепоместное дворянство) вопреки присущему фашистам стремлению расширить социальную базу своего режима, все более перенося центр опоры на мелкобуржуазные, деклассированные элементы, образовать новый правящий слой. Попытки премьер-министра Д. Гёмбёша установить в середине 30-х годов фашистскую диктатуру по германскому образцу нашли поддержку части среднепоместного дворянства и мелкой буржуазии города, но встретили сопротивление аристократии, крупной буржуазии и не увенчались успехом. И в конце 30-х — начале 40-х годов, при всем усилении правых тенденций во внутривенгерской жизни, система, сложившаяся в 20-е годы, не претерпела коренных изменений. Праворадикальные, фашистские партии (нилашисты и др.), хотя и имели своих представителей в парламенте, покровителей в правительстве, ставленников в номенклатуре, все же находились в положении оппозиционных, либо приобщенных к власти в ограниченной степени. Сохранились письма Хорти от 1940 г., в которых регент просит премьер-министра П. Телеки «сломить подстрекательство нилашистов, ибо иначе будет большая беда». «Не вижу другого выхода,— заявлял далес Хорти,— как пригрозить нилашистам, что, если нарушат порядок, партию запретим, а руководителей поставим к стенке» [13].

Но различия между режимами лежали не только в политической сфере, они уходили вглубь, в сознание людей, стоявших у власти. Воспитанным на утонченной венской культуре начала столетия рафинированным венгерским аристократам 20—30-х годов всегда претил вульгарный дух плебейской демагогии Гитлера и Муссолини; их система ценностей носила консервативный, а не праворадикальный характер. Если гитлеровцы отвергали как «вырожденческую» почти всю современную культуру Запада, стремились к созданию принципиально иной, «чисто арийской» культуры на основе расовой идеологии, то венгерская аристократия любой ценой пыталась сохранить, спасти от революционных потрясений устои, унаследованные от Габсбургов. Ностальгия по легкомысленной, беззаботной жизни, бальным танцам в венских аристократических салонах, увеселительным пароходным прогулкам по Дунаю продолжала во многом определять образ мысли венгерского высшего общества и в те годы, когда эпоха вальсов Штрауса безвозвратно канула в прошлое и грандиозные потрясения в Европе смели монархию Габсбургов с политической карты мира.

Вслед за Ницше, идеологи Третьего рейха провозглашали культ сильной воли, свободной от моральных преград. Отнюдь не пренебрегая услугами церкви, пытаясь, насколько возможно, подчинить ее своим интересам, гитлеровский режим все же подчеркнуто ставил себя в непримиримую оппозицию всей христианской духовной традиции. Идеологи хортистского режима, напротив, пытались именно на христианском фундаменте возводить свои системы взглядов, неизменно облакали их в христианские одежды. Господствующим направлением официальной художественной культуры становится необарокко, которое широко эксплуатировало христианскую символику. Но влияние традиций католической культуры барокко второй половины XVI—XVIII вв. не ограничивалось лишь искусством. Заимствованные у той эпохи ритуал и этикет сопровождали многие проявления политической жизни, определяли нормы поведения в высшем обществе (крупный историк и мыслитель Д. Секфю в 1934 г. с сарказмом писал о рабском подражании своих современников придворным аристократам королевы Марии Терезии — в культуре, в быту, политических интригах [14]).

В 30-е годы, в новых условиях, не осталась без изменений и «христианско-национальная» идеология. В это время она фактически распалась на несколько идейных образований. Лишь некоторые из них эволюционировали в направлении правого радикализма, для большинства же идеологов «христианско-национального» направления фашизм был в корне неприемлем и, не в последнюю очередь, в силу своего подчеркнуто антихристианского характера. Интересно в этой связи духовное развитие Д. Секфю. Уже к концу 20-х годов он приходит к разочарованию в возможностях подлинного возрождения венгерской нации на тех идейных основаниях, что были предложены после падения Венгерской Советской республики. В дальнейшем Секфю с позиций консервативного гуманизма подверг острой критике планы установления в Венгрии тотальной фашистской диктатуры, а в конечном итоге пришел в лагерь антифашистского Сопротивления. В 1946—1948 гг. он являлся первым послем Венгрии в СССР.

Но христианский консерватизм не сумел стать той духовной силой, которая смогла бы составить преграду на пути все большего сближения Венгрии со странами фашистского лагеря. Не будучи фашистским по своей природе государством, хортистская Венгрия, оказавшись во враждебном окружении ряда молодых государств (так называемой Малой Антанты), уже с конца 20-х годов все больше ориентировалась в своей внешней политике сначала на Италию, а затем и на Германию, как и она сама глубоко неудовлетворенную Версальской системой и жаждавшую реванша. Мечтая заполучить обратно отторгнутые Трианоном земли, Хорти и его окружение неизменно рассчитывали на понимание со стороны Германии. Крупный венгерский ученый-политолог И. Бибо в работе 1946 г. показал связь между Трианонским договором 1920 г. и судьбой Венгрии во второй мировой войне. «Венгерское политическое мышление,— писал он,— расценило раздел Венгрии как жестокое насилие, как лицемерный шаг стран-победительниц и оказалось неспособным ощутить различие между отделением созревших для этого иноязычных территорий и немотивированным и несправедливым отторжением земель с венгерским населением. В результате оно так и не смогло освободиться от иллюзорной мечты о великой исторической Венгрии (т. е. о Венгрии в границах империи святого Иштвана XI в.— А. С.), и в душевном настрое венгров все более определяющим стало сознание того, что Европа совершила по отношению к ним вопиющую несправедливость. На этом основании после 1938 г. Венгрия сочла себя свободной от каких-либо обязательств по отношению к Европе, и когда ей представилась возможность изменить свой территориальный статус, она не пожелала ограничиться лишь венгерскими территориями, а насколько позволяли возможности попыталась осуществить свою мечту о великой исторической Венгрии, вступив на путь, который прямо вел ее к катастрофе 1944 г., когда венграм пришлось уже окончательно расстаться с иллюзией о великой исторической Венгрии» [15].

В феврале 1939 г., после отставки более прогермански настроенного кабинета Б. Имреди, венгерское правительство возглавил граф П. Телеки. Оставаясь последовательным сторонником ревизии Трианона, он в то же время рассчитывал на поддержку западных демократий. При этом Телеки хорошо понимал, что Германия не была заинтересована в румыно-венгерском конфликте, так как хотела видеть обе эти страны своими сателлитами.

Когда Германия начала польскую кампанию, Венгрия к неудовольствию Гитлера заняла позицию нейтралитета. Все-таки Третий рейх пошел на уступки Венгрии в ее территориальных претензиях. В результате захватов, санкционированных Гитлером, и в соответствии с так называемыми венскими арбитражами 1939 г. и 1940 г. венгерская сторона в 1938—1941 гг. получила обширные земли — большую часть Трансильвании, часть Словакии, Закарпатье, Воеводину. Кинохроника того времени запечатлела редкие кадры: регент Хорти на белом коне едет по главному городу Трансильвании Коложвару (Клужу), его встречают рукоплесканиями тысячи венгров.

Присоединение ранее утраченных территорий общественное сознание страны

восприняло прежде всего как восстановление исторической справедливости. Вместе с тем произошедшие территориальные изменения были использованы крайне правыми силами для раздувания шовинистического угара, антифашистский настрой понижался, слышнее становились голоса тех, кто толкал Венгрию ко все большему сближению с Германией.

Обеспокоенность растущим влиянием прогермански настроенного генералитета на государственный аппарат неоднократно выражал и сам премьер-министр. Два десятилетия своей жизни Телеки отдал борьбе за пересмотр границ Венгрии. К концу 30-х годов его заветные мечты начали находить воплощение. Но как опытный политик он не мог не понимать, что в условиях начавшейся войны цена «подарка» со стороны Германии может оказаться слишком высокой. В апреле 1941 г. Гитлер потребовал от будапештских властей пропустить немецкие войска через венгерскую территорию для последующего похода на Югославию, с которой у Венгрии незадолго до этого был заключен договор о «постоянном мире и вечной дружбе». Получив германский ультиматум, премьер-министр, вероятно, увидел ту пропасть, в которую неудержимо влекло его страну. 3 апреля, оставив предсмертное письмо, Телеки застрелился в своей резиденции. А еще через несколько часов грохот сапог и артиллерийская канонада возвестили не только о начавшемся наступлении гитлеровской армии, но о фактическом вступлении Венгрии в войну.

Несмотря на героические усилия отдельных групп в Венгрии так и не удалось создать мощного антивоенного лагеря. Фактор трианонской катастрофы продолжал в значительной мере определять настроения в венгерском обществе. Многие венгры связывали с победой Германии надежды на дальнейшее расширение рубежей государства, присоединение к нему и других земель венгерской короны — Южной Трансильвании, Баната, Северной Словакии. Некоторый перелом в общественном сознании стал намечаться только после серьезных неудач Германии и ее сателлитов на Восточном фронте — венгерская армия в 1943 г. понесла большие потери под Воронежем. На заключительном этапе войны различные политические силы (не только оппозиционные, но и прохортистские) усиленно искали пути разрыва с Германией, установления контактов с западными демократиями. Боясь потерять союзника, Германия в марте 1944 г. оккупировала Венгрию, разместив на ее территории крупный армейский контингент. Это существенно затрудняло складывание национального Сопротивления, лишало шансов на успех любую попытку хортистов выйти из войны. В то же время присутствие немецких войск облегчило в октябре 1944 г. захват власти крайне правой силой — нилашистами. Под их властью Венгрия оставалась сателлитом Германии даже тогда, когда все прочие ее европейские союзники один за другим перешли в противоположный лагерь.

После освобождения от гитлеровцев, зимой—весной 1945 г., Венгрия находилась в состоянии глубочайшего экономического, политического и морально-психологического кризиса. Первый же документ антифашистской правительственной коалиции «Программа демократического восстановления и подъема Венгрии», оценивая положение страны, проводил исторические параллели с 1526 г., когда после сокрушительного поражения от турок под Мохачем Венгрия оказалась в кризисе, последствия которого сказывались не одно столетие. Главными в 1945 г. являлись прежде всего задачи восстановления экономики, дефашизации общества, демократизации политической системы. Осуществлению их препятствовало то обстоятельство, что антифашистская революция не была подготовлена внутренним развитием венгерского общества, явилась следствием действий внешней и отнюдь не демократической силы — СССР. Как и другие страны Восточной Европы, Венгрия находилась под оккупацией советских войск и должна была исходить из этой реальности, вырабатывая свой внешнеполитический курс. В то же время роль Венгрии в войне не давала ей оснований рассчитывать на благосклонное к себе отношение со стороны западных держав при решении вопроса о ее статусе в послевоенной Европе. Парижский мирный договор 1947 г. в целом подтвердил границы Венгерского государства, установленные Трианоном.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Papp O.* A Felszabadulás művészete (vázlat és emlékezés)//Kultúra és közösség. Budapest, 1983. № 5. 11 Old.
2. *Гергей Е.* Влияние социальных энциклик на католические общественные движения в Венгрии (1919—1939)//Etudes Historiques hongroises. 1980. Budapest, 1980. Т. II.
3. *Bangha B.* Világhódító kereszténység. Budapest, 1939. 226 Old.
4. *Gergely J.* A «keresztény-nemzeti» ideológia (1919—1944)//Társadalmi Szemle. 1986. № 2.
5. *Кун Бела.* О Венгерской Советской республике. М., 1966. С. 635.
6. *Prohászka O.* Összegyűjtött munkái. Budapest, 1928—1929.
7. *Gergely J.* A politikai katolicizmus Magyarországon. 1890—1950. Budapest. 1977.
8. *Krajkó A.* A «keresztény kurzus» művelődéspolitikájáról//Irodalomtörténeti dolgozatok. Szeged. 1964. N 37. 21—22 Old.
9. *Tilkovsky P.* Pál Teleki (1879—1941). A Biographical Sketcs. Budapest. 1974.
10. *Tilkovsky P.* Revízió és nemzetiségpolitika Magyarországon. Budapest. 1967.
11. *Klebensberg K.* Beszédei, cikkei és törvényjavaslatai. Budapest. é. n.
12. *Bangha B.* Összegyűjtött munkái. Budapest. 1939—1942. 28 Köt. 257 Old.
13. *Пушкаш А. И.* Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966. С. 124.
14. *Szekfű Gy.* Harom nemzedek és ami utána következik. Budapest. 1934.
15. *Бибо И.* Нищета духа малых восточноевропейских государств//Венгерский меридиан. Будапешт. 1991. № 2. С. 51.

О ДАВНИХ И НЫНЕШНИХ СПОРАХ ВОКРУГ «РУССКОЙ ИДЕИ»

В истории отечественной общественной мысли видное место издавна занимают вопросы, связанные со спецификой исторического развития России, с оценкой роли русского народа в истории соседствующих с ним народов и всего человечества. Весьма важное для данной проблематики понятие «русская идея», на долгое время почти забытое даже специалистами, ныне очень часто фигурирует не только в научных работах, но и в изданиях, предназначенных для широкого читателя, в том числе в журнально-газетной периодике. О прошлом, настоящем и будущем «русской идеи» разворачиваются острые дискуссии, в которых участвуют наряду с учеными и писателями также политические деятели различной ориентации. Разброс мнений настолько велик, что сколько-нибудь существенное их сближение практически невозможно. Это объясняется сложностью проблемы, большой идейно-политической заангажированностью многих участников дискуссии, а зачастую и недостаточным их знакомством с уже накопившимся фактическим материалом о генезисе, объективной сущности и политических интерпретациях «русской идеи». В настоящей статье делается попытка определить научное содержание понятия «русская идея», дать краткую характеристику имеющейся литературы, а также сформулировать некоторые соображения о перспективах исследовательской работы по данной проблематике. Думается, что это может быть интересным и полезным не только для ученых, но и для участников тех дискуссий о «русской идее», которые ведутся и долго еще будут вестись за пределами чистой науки.

В общественно-политической сфере наиболее энергично и целеустремленно эксплуатируют «русскую идею» наши отечественные деятели национально-патриотической ориентации, пользующиеся зачастую весьма ощутимой поддержкой партий и групп, образовавшихся после распада КПСС. Активно используются при этом такие издания, как, например, газеты «Литературная Россия», «День» («Завтра»), «Советская Россия», журналы «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва». По подсчетам, общий тираж изданий данной ориентации в 1990 г. достигал полутора миллионов экземпляров [1]. Но это лишь надводная часть айсберга, ибо к указанной цифре, конечно же, надо прибавить многие сотни региональных и районных газет, тысячи многотиражек, издающихся на крупных предприятиях не только в Российской Федерации, но и некоторых других странах СНГ.

Какое же содержание вкладывают в понятие «русская идея» национал-патриоты, какое место отводят ей в своей политической программе?

Дьяков Владимир Анатольевич — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

Ю. Булычев — один из лидеров и теоретиков Санкт-Петербургской «Свободной России», призывая фактически к возрождению порядков, существовавших до революции 1917 г., заявляет, в частности: «...Национал-большевизм и западническая общедемократическая идеология сегодня — отнюдь не плоды разумного самоопределения российского общества, а... дань прошлому... эффект... идеологической отрыжки. Будущее же принадлежит, я уверен, возрожденному и в чем-то обновленному русскому консерватизму. Ибо только православно оправданная, государственно-содержательная, универсально и в то же время национально-ориентированная Русская идея может послужить осевой скрепой здорового развития всей этой необъятной евразийской страны» [2].

Ю. Булычев рассуждал главным образом об использовании «русской идеи» при реализации политических планов национал-патриотов. Теоретическое содержание этого понятия журнал «Москва» раскрыл с помощью одного из депутатов «хасбулатовского» Верховного Совета В. Аксютца, перепечатав в журнале его несколько раз уже публиковавшуюся ранее статью «Бог и Отечество — формула русской идеи». В «русскую идею», говорится в статье, «входят не только черты народного характера, но и основополагающие начала души, которые придают набору характерных черт индивидуальное сплетение и неповторимую направленность». «Русский народ, — утверждает Аксютца, — имеет некое божественное призвание и эта миссия всечеловечна. Русская идея глубоко христианская; будучи глубоко софиологичной, она является утверждением «соборной любви и жизни». «Русской идее», по мнению Аксютца, свойственны: всечеловечность, универсализм, неисчерпимый и трагический оптимизм; для русского народа характерны «беспрецедентная историческая выживаемость», «заряд исторической динамичности», «особое чувство ревнивого и ревностного патриотизма». Стержень «русской идеи», по убеждению Аксютца, восходит к концепции «Святой Руси», к вере в то, что Москва может стать Третьим Римом, что история России во всем существенном противоречит истории западных стран. На Западе, заявляет он, «персонализм духа», индивидуализм, а на Востоке — коллективизм и христианская соборность; на Западе — свобода от внешнего давления, закрепленная в сильном правосознании, на Востоке — внутренняя свобода и самоопределение, «свобода как воля». Аксютца убежден, что «русскому человеку оскорбительным было бы представить свою жизнь раз и навсегда регламентированной и предписанной». Заканчиваются рассуждения Аксютца следующим образом: «Содержание русской идеи обогащалось и очищалось в трагическом опыте истории. Эта борьба именно сейчас достигла высшего напряжения. И от ее исхода зависит не только историческое бытие русского народа, но и существование всего человечества» [3].

О сугубо имперской трактовке «русской идеи» А. А. Прохановым свидетельствует его диалог с А. Яновым, опубликованный в «Литературной газете» в сентябре 1992 г. Если бы еще существовал Советский Союз, заявляет А. Проханов, «я действовал бы смелее, и эти действия были бы направлены на сохранение империи... Я бы запретил в стране действовать тем силам и тенденциям, которые вывели Литву из состава империи, которые вывели Украину из состава империи, которые разрушили ядерный потенциал». Прокламируя в газете «День» «русскую идеологию», А. Проханов исходил из своего собственного понимания русскости. «Когда я говорю „русское национально-государственное движение“, — заявлял он, — я не подсчитываю процент крови в любом из нас, ибо русский народ это генетически не чистый народ, это наше великое благо и в чем-то несчастье» [4].

Судя по всему, в национально-патриотическом направлении истолкования «русской идеи» роль главного теоретика выполняет доктор философских наук Е. С. Троицкий. До начала перестройки и на первом ее этапе он преуспевал в проблематике «научного коммунизма», успешно используя при этом издательские возможности партийного агитпропа. Это подтверждается, в частности, следующими его сочинениями: Мировой социализм и национально-освободительные движения. М., 1981; Актуальные задачи идеологической борьбы. М., 1985; Идеологическая стратегия неокOLONиализма. Киев, 1985; Немарксистские концепции социализма.

М., 1986; Критика современных буржуазных концепций по проблемам научного коммунизма. М., 1986; Коммунистический идеал, реальный социализм и борьба идей. М., 1987.

На изменившуюся идейно-политическую обстановку он оперативно ответил книгой о русской нации [5]. Ротапринтное издание сочинения Е. С. Троицкого о возрождении «русской идеи», вышедшее в 1991 г., украшают грифы Философского общества СССР и его Московского отделения, а также Ассоциации по комплексному изучению русской нации. В издательской аннотации говорится, что автор книги — известный философ, что в его работе «впервые за 74 года откровенно и на материале, публиковавшемся в России и за рубежом, дается анализ истоков, исторической и современной миссии Русской идеи», что она «это наш национальный идеал, то есть в известном смысле то же, что для США Американская мечта» [6]. К сожалению, текст книги ни по содержанию, ни по форме не соответствует всем этим авансам. Вместо научной монографии на заявленную тему Е. С. Троицкий преподнес читателям сумбурное нагромождение нужного, но плохо переваренного материала вперемешку со случайными цитатами, некоторые правильные констатации рядом с внутренне противоречивыми и односторонне формулируемыми мыслями об очень важных и сложных вопросах, которые заслуживают не хлестких пропагандистских выпадов, а взвешенного разностороннего обсуждения.

Не входя в подробности весьма многословных и претенциозных, но мало доказательных рассуждений Е. С. Троицкого вокруг да около избранной темы, изложу лишь его представления о сущности и исторической роли «русской идеи». Ее наименование неизменно пишется в тексте этого автора с заглавной буквы, в качестве синонимов употребляются термины «Русская мечта», «Общероссийская мечта», «Мечта России» [б. С. 15, 16, 149 и др.]. В разных местах книги «русская идея» то именуется «кардинальной важности категорией отечественной философии», то фигурирует как «наш национальный идеал», который нужен не только для всей нации, но для каждого населенного пункта, улицы, дома, школы, предприятия, колхоза, фермы, то рассматривается как «выражение национальной психологии народа» [б. С. 5, 6, 10, 73, 148]. Образцовыми борцами за «русскую идею» в книге Е. С. Троицкого объявляются, в частности, Александр Невский, А. С. Хомяков, братья Киреевские и братья Аксаковы, Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский, В. В. Розанов, И. Р. Шафаревич, а также «выдающийся государственный деятель П. А. Столыпин... сделавший крайне много полезного» для совершенствования «русской души», «всемирно известный художник России Илья Глазунов», который из-за происков завистников и врагов не был избран в парламент [б. С. 68, 138, 143 и др.].

Пытаясь раскрыть содержание понятия «русская идея», Е. С. Троицкий выделил в ней пять «основных компонентов».

Во-первых, это народность, проистекающая «из глубин сущности русской нации, бесценных сокровищ ее биологических, физических, духовно-нравственных и психологических особенностей». Подтверждается эта констатация цитатами из Г. Гегеля и П. В. Киреевского [б. С. 154—155].

«Вторая важная особенность Русской идеи, — заявляет Е. С. Троицкий, — ее органическая слитность с отечественным космизмом». В этой особенности Троицкий умудрился объединить в одно целое языческие верования древних славян с «русским космизмом» Н. Ф. Федорова, П. А. Флоренского, Н. К. Рериха, с теоретическими концепциями К. Э. Циолковского, с космическим полетом Юрия Гагарина, а также с софиологией как мощным течением русской религиозно-философской мысли конца XIX — начала XX ст. В воззрениях К. Э. Циолковского, по мнению Троицкого, выражен «спасительный глобально-исторический оптимизм отечественного космизма, который в отличие от ряда западных течений, например, мальтузианства с его концепцией ограниченности человеческого прогресса, обосновывал возможность светлого будущего для людей и даже их бессмертия». Космические связи и взаимосвязи русской нации, утверждает Троицкий, выя-

вились в героическом, жертвенном, самоотверженном подвиге России во второй мировой войне. Призывая Русь выполнить «свою историческую миссию», он предостерегает: «В связи с наступлением нового смутного времени в нашей стране призрак Апокалипсиса обозначился на горизонте планеты заметно отчетливее, чем прежде» [б. С. 155—161].

Третьим «неотъемлемым и, как многие считают, центральным компонентом Русской идеи,— утверждает Е. С. Троицкий,— являются настойчивые, как бы ни было трудно, поиски „Царства Божия“, то есть религиозные, духовно-нравственные начала нашего народа». Рассуждая о благотворном влиянии православия на русский народ, он пишет, в частности, что в условиях роста преступности и падения рождаемости нужно прославлять Божью Матерь и Пречистую Деву как «символ нравственности, порядочности, справедливости», наиболее достойный для подражания. Далее в назидание людям, неспособным противиться «жадности, обжорству, обезьяньему кривлянию перед зеркалом, будучи в модных заморских одеяниях», приводится изречение Иисуса Христа о том, что «не единым хлебом жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих». Наконец, высказывается убеждение, что истоки величия Руси, ее способность находить выход из самых безнадежных ситуаций, «славные победы и другие свершения — все коренится в духовном, религиозном могуществе Отечества, в Русской идее» [б. С. 161—166].

В-четвертых, по мнению Е. С. Троицкого, «интегральной частью Русской идеи» является не что иное как «советская власть, проистекающая из характерных особенностей русского народа, его глубокого демократизма, духа открытости, солидарности и помощи, дисциплины и верности Отечеству... Огосударствление всех сторон жизни общества... на десятилетия железными обручами сковали Советскую власть... Однако ныне Советы переживают многотрудный ренессанс». Призывая трансформировать советы в «земско-советскую власть», Троицкий считает полезным использовать опыт российского самодержавия и монархических государств Европы, в частности, Великобритании и Швеции. Особенно привлекательным ему кажется опыт Испании, где «возрождение монархии способствовало воцарению духа примирения» [б. С. 166—168].

Пятым компонентом «русской идеи» Е. С. Троицкий называет соборность, которая, по его утверждению, на протяжении столетий охватывает «человеческие, национальные, экономические, социально-классовые, политические, духовно-культурные и иные стороны жизни Отечества». Соборность, по убеждению Троицкого, «призвана охватить как русских, живущих в исторической Родине, так и в других союзных и автономных республиках», а также и всю русскую эмиграцию. Принцип соборности он склонен распространить на всех славян, особенно же на украинцев и белорусов, напоминая, что они вышли «из общей колыбели» с русскими и заявляя: «Мы три отдельные нации, по существу входящие в один народ» [б. С. 169—184].

Подводя итог своим рассуждениям о компонентах понятия, которому посвящено его сочинение, Е. С. Троицкий пишет: «Итак, в числе краеугольных камней Русской идеи: народность, отечественный космизм, Православие, земско-советская власть, опирающаяся на славные традиции Государства российского, соборность». Рассуждения по поводу этих «краеугольных камней» занимают в книге десятки страниц. Они содержат экскурсы в далекое прошлое, попытки анализа настоящего положения и прогнозы на будущее, но по существу все разглагольствования Е. С. Троицкого не выходят за рамки печально знаменитой уваровской триады: «православие, самодержавие и народность». Рассуждения об «отечественном космизме», замаскированные именами Циолковского и Гагарина, органически связаны с православием, как и столь дорогая его сердцу соборность. Остается «земско-советская власть», симпатии к которой очень легко совмещаются у Троицкого с более чем терпимым отношением к монархии вообще и к российской в особенности. «В былые времена,— говорится в книге,— в целом позитивную функцию выполняла емкая и четкая триединая формула: самодержавие, право-

славие, народность. Сколько многотрудных дел, героических подвигов, подвижнических акций было совершено в России в духе этого животворящего лозунга!» [6. С. 186].

Примерно в одно время с претендующим на научность сочинением Е. А. Троицкого получила распространение анонимная и бесцензурная брошюра «Преображение России. Программа действий русского национального собора». В ней не фигурирует понятие «русская идея», но текст не оставляет сомнений в том, что Троицкий и авторы брошюры довольно близкие единомышленники. Это подтверждается, в частности, следующей цитатой из брошюры: «Великое дело духовно-нравственного возрождения России может осуществиться совместным действием трех сил: Государства, Церкви и Культуры» (С. 17).

Рассмотренным истолкованиям «русской идеи», характерным для национально-патриотических идеологов различных оттенков, полярно противоположны изложенные в «Известиях» взгляды Л. З. Копелева. По его мнению, «русская идея отвергает и наивно-романтические фантазии националистов, и шовинистические притязания на избранность, на право притеснять другие народы. Русская идея означает незыблемую преданность России и вместе с тем полную открытость миру, неразрывные связи с русской духовной культурой и готовностью к познанию других национальных культур». Вслед за А. Д. Сахаровым Копелев выражает уверенность, что «русская идея» является в то же время и вселенской идеей. По убеждению Копелева и его единомышленников, «соединение науки и политики, основанное на неколебимых нравственных законах,— решающее условие оздоровления России, укрепления правовой государственности» [7].

Аналогичную по основной сути позицию занял в «Октябре» В. С. Библер. Возражая тем, кто отождествляет «русскую идею» с триадой «державность — религиозность — народность», он не без основания пишет, что эта формула соединяет любую государственность с любой национальностью, а потому не характеризует суть дела. При том же триада включает «понятия чисто отрицательные: их суть целенаправленное *отрицание идей демократии*». Любую национальную идею Библер связывает на современном этапе истории исключительно с языковой сферой. «...Если искать в XX веке сквозную национальную русскую идею,— заявляет В. Библер,— то это будет родная русская речь». Он убежден, что «новое общенациональное возрождение имперской или (и) мессианской идеологии» может стать явлением «страшным и роковым для самого существования русской речи — русской идси» [8].

Б. А. Зубов обратил внимание на тесно связанную с понятием «русская идея» проблему взаимоотношений между государственным (этатистским) и национальным факторами в русском национализме. В истории России XIX—XX вв. он выделил «три национализма»: первый — после польского восстания 1863—1864 гг.; второй — накануне и в годы первой мировой войны; третий — в последние годы жизни В. И. Ленина и особенно в сталинский период. Характеризуя «второй национализм», Зубов пишет: «Правительство Столыпина и октябристская Дума вполне солидарно с царем избрали курс на укрепление Империи через усиление державной русской народности. И в этом была главная ошибка русского этнического национализма». Вообще, убежден Б. Зубов, когда главным становится «кровь и почва» — это всегда знак вырождения [9]. Оценивая нынешнюю ситуацию в стране на фоне советской национальной политики, Зубов в другом месте заявил: «В этой ситуации очень легко этатистскую идею — наиболее конструктивную — перехватывают силы коммунистические. Единственная возможность не допустить этого перехвата — перебросить мост в прошлое более раннее. Попытка же противопоставить этатизму этноцентризм приведет к полному распаду нашей государственности». «Или большевизм и этатизм без демократии,— утверждает Зубов,— или демократия и этатизм без этноцентризма» [10. С. 16—17].

Приведенное высказывание прозвучало во время дискуссии, посвященной «русской идее» и организованной в 1992 г. «Горбачев-фондом»; в ней участвовали писатели и журналисты, ученые и общественные деятели, в том числе В. В. Аксютин,

А. В. Кива, И. М. Клямкин, С. Е. Кургинян, О. Р. Лацис, А. М. Мигранян, В. И. Новодворская, А. С. Ципко. Речь шла о различных интерпретациях «русской идеи» и их воздействии на общественное сознание. По форме дискуссия, как отмечали организаторы, отличалась «не только культурой, но, пожалуй, даже определенной изысканностью». Что же касается высказанных мнений и оценок, то они далеки от единодушия и не лишены крайностей. А. С. Ципко, например, заявил: «...Нормальные люди могут учиться у истории по крайней мере тому, чего не надо делать... русские, как мне кажется, менее всего готовы учиться у истории и делать из нее выводы». Едва ли полностью обосновано и высказывание Д. В. Драгунского о том, что за разговором о русской государственной идее всегда скрывается «просто идея Российской империи» — зловерный миф великодержавия, с которым давно пора распрощаться [10. С. 3—5, 9—11].

Проблему противостояния этатических и этноцентристских тенденций в государственном устройстве России затрагивали в дискуссии, наряду с Б. А. Зубовым, и другие ее участники. По мнению О. Р. Лациса, «русская идея — это идея народа, который явился в течение нескольких веков строителем многонационального государства» и потому «мы не можем говорить о том, что российское государство — это русское государство». В данном случае, считает А. М. Салмин, «речь идет не об этнической государственности, не об этнонации, а о национальной государственности... Патриотическое ощущение своей истории поверх узкоэтнических различий, сквозь них, интегрируя их. Вот что такое национальное государство». Полемизируя с этими высказываниями в деталях, А. М. Мигранян соглашается с основным его содержанием и заявляет, что «на основе не русскости, а русскости и русской национальной идеи» можно консолидировать наше нынешнее государство [10. С. 7—9, 11—13].

Точка зрения воинствующих национал-патриотов была представлена в выступлении В. В. Аксючица. Он утверждал, будто в августе 1991 г. идеалы защитников Белого Дома «выражались в таких символах, как двуглавый орел, трехцветный российский флаг, Георгий Победоносец, иконы»... а позже «руководство России выбрало путь леворадикального популизма». Выступали и сторонники компромиссных вариантов решения проблемы, в том числе тех планов обустройства России, которые предлагает А. И. Солженицын. Так, Б. С. Ерасов, призывая выработать цивилизационные основы нового государства, заявил: «Это почвенничество. Столицы должны пойти на консенсус с деревней, с регионами, с провинцией. Эта программа была однажды очень ярко обрисована Солженицыным, и потому я не буду повторяться» [10. С. 6—7, 42—43].

Ряд материалов, прямо или косвенно связанных с «русской идеей», опубликовал за последние годы журнал «Свободная мысль». В частности, известный математик академик Н. Н. Моисеев выступил с небольшой, но содержательной статьей, в которой назвал безнадежными попытки найти для России какой-то свой совершенно особый путь в будущее. Логика развития цивилизации и человечества, писал он, «не оставляет сомнений в том, что движение происходит в сторону открытого общества с приоритетом творческой личности над государством, над нацией, над экономикой». Поэтому «всякий отход от такого магистрального пути прогресса человечества чреват бедами». При этом, однако, делается оговорка о том, что «рациональное общество», о котором идет речь, «это вовсе не система стандартов: в каждой стране оно будет обладать своей спецификой, своим колоритом» [11]. Существо высказываний Н. Н. Моисеева по данному вопросу совпадает с позицией А. Д. Сахарова, изложенной им в ряде текстов, в том числе в статье, посвященной разбору письма А. И. Солженицына к руководящим деятелям КПСС и Советского государства [12].

Вслед за Н. Н. Моисеевым на страницах «Свободной мысли» высказал свое отношение к «русской идее» ученый-обществовед В. Г. Хорос, подчеркнув, что речь идет о теме, которая «сегодня актуальна как никогда». «Русская идея», говорится в его статье, представлена в специальной литературе десятками интерпретаций, суть которых, как и возможные оценки, зависят «от вкуса, тем-

перамента и предпочтений» авторов и оппонентов. По мнению Хороса, разноречия столь значительны, что «вряд ли можно указать на тот или иной вариант как наиболее аутентичный и репрезентативный». Свой экскурс в историю вопроса Хорос начинает с Московской Руси и известной теории «Москва — Третий Рим». Предмету исследования он дает следующее определение: «...„Русская идея“ — в значительной мере государственная, имперская идея. Комплексу сверхдержавы соответствует идеология российского мессианизма. Именно она — в форме ли официальной идеологии, рафинированных интеллигентских теорий либо в качестве массовой психологии „державности“ — была и остается идейной опорой как территориальной экспансии, так и претензий на особую роль в мире, чуть ли не „спасение“ остальных народов» [13. С. 36].

Процесс трансформации «русской идеи» выглядит у В. Г. Хороса следующим образом: «поначалу она исходила сверху, из официоза, от государства [...] Постепенно размышления о национальной субстанции становятся достоянием более массовых, но, естественно, образованных слоев... Речь идет о дореформенных славянофилах и П. Я. Чаадаеве, называются также Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев. Об этих последних делается примечание, что «отнюдь не все проявления мессианизма имели имперскую подкладку». Идеологические построения включают несколько стойких тем: презумпция превосходства православия; особая духовность русских людей; вера в то, что Россия спасет Запад и весь мир. В рубрику «Мессианство в революционных одеждах» В. Г. Хорос относит П. И. Пестеля, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, П. Н. Ткачева, С. Г. Нечаева. Хорос убежден, что мессианская традиция революционного движения, имевшая несколько поколений общественных деятелей, не могла не передаться большевикам. «Большевики, — пишет он, — воссоздали под новыми знаменами пошатнувшиеся было имперские структуры... Принесли огромные жертвы на алтарь империи, Россия стала лидером „второго мира“». Но этот мир рухнул и страна оказалась «перед необходимостью смены культурно-исторической парадигмы» [13. С. 39—42].

Размышления В. Г. Хороса о способах трансформации «русской идеи» в соответствии с кардинально изменившимися историческими условиями наткнулись на трудный вопрос о том, возможно ли вообще существование этой идеи «без имперства и мессианства». Ответ автора статьи в общем положительный, но без полной уверенности. «Природа России, — пишет он, — имеет полиэтничные, „евразийские“ черты, поэтому „русская идея“ не может объединить все ее население по этническому признаку», эту роль возьмет на себя русская культура, которая «отнюдь не исчерпывается имперскими и мессианскими мотивами». Приведя «русскую идею» в соответствие с новыми условиями, В. Г. Хорос призывает «способствовать» ее «переориентации на достойное обустройство российского общества и российской земли». Ориентироваться следует, в частности, на «веками сложившийся коллективистский, „общинный“ стереотип поведения русского человека», не забывая при этом и «о возможной роли религии в формировании обновленной национальной идентичности» [13. С. 45—46].

«Вопросы философии» в 1992 г. организовали «круглый стол» на тему «Россия и Запад: взаимодействие культур», в котором участвовали, кроме философов, также историки, культурологи, другие обществоведы. Естественно, что видное место в материалах «круглого стола» по такой теме заняли вопросы, связанные с «русской идеей». Открывая дискуссию, В. И. Толстых в подтверждение актуальности темы сослался на статью Н. Михалкова в «Правде» от 7 ноября 1991 г. и Ю. М. Бородаев в «Нашем современнике» № 9 за 1991 г., а также на кинофильм С. Говорухина «Россия, которую мы потеряли». Как известно, в этих произведениях отстаивается мысль о том, что России не обязательно переориентироваться на «западный» путь развития, поскольку у нее есть возможность освоить современную технотронную цивилизацию без утраты исконных традиций и самобытности. По мнению Толстых, эта мысль «спорная в частности, но бесспорная... в своем пафосе и главной идее» [14. С. 3—4]. Мнения участников «круглого стола» по данному вопросу разделились.

Ю. М. Бородай, повторяя то, о чем писал в «Нашем современнике», доказывал, что «без веры, без нравственных ценностей человек жить не может», что на Западе «уже необратимым стал процесс разрушения любых соборных ценностных ориентиров, процесс атомизации и замены всех элементов соборности принудительной социальностью», что мучительный вопрос выбора пути он однозначно решает в пользу «соборности». «Я надеюсь,— заявил Бородай,— на воспроизведение... „Евразийской империи“», только «меня не устраивало бы ее воспроизведение на коммунистических началах» [14. С. 23—24]. Позицию Ю. М. Бородая активно поддержал В. И. Толстых, не только открывая заседание, но и специально взяв слово в дискуссии, чтобы заявить, что Россия «имеет все основания не желать соития, полного слияния с Западом, предчувствуя страшную цену, которую придется за это заплатить. А именно — потерять себя, свою культуру» [14. С. 41]. С некоторыми оговорками «почвенническую» точку зрения поддержал В. Н. Шердаков, высказавшийся за сближение русских со всеми народами, но при сохранении своеобразия. «Надо помнить,— заявил он,— старый христианский принцип: „В главном — единство, не в главном — различия и во всем — любовь“. Это важнее, чем любая экономическая идея, чем идея „свободного рынка“» [14. С. 37—38].

С возражениями против «почвеннического» варианта в подходе к проблеме «Восток — Запад» выступили многие участники дискуссии. Т. А. Алексеева, например, говорила, что индивидуализм и коллективизм присущи как Западу, так и Востоку; что община, возможно, и сохраняет некоторое значение в селах русского Севера или в Сибири, но не в крупных городах и промышленных зонах, где преобладают скорее индивидуальные ценности; что предлагаемый Ю. М. Бородаем подход сулит «целый ряд серьезных напряженностей, по существу обрекающих его на неудачу». «Так не пора ли,— вопрошает Алексеева,— перестать пятиться назад, изыскивая „третий путь“?» [14. С. 38—40]. Ф. Т. Михайлов призывал не преувеличивать различия и антагонизм Запада и Востока, исходить из того, что мир один, а происходящие перемены неизбежны. Надо, заявлял он, остыть от споров об особом пути России и начать «с интегративной по цели и супертехнологической по средствам модернизации, ориентируясь на конкурирующие друг с другом корпорации кооперированного (обобществленного) труда с акционерной собственностью... объективная потребность в антропогенной культуре такого [...] производства сама заставит нас перемолоть массовую „глобальную — американизированную“ культуру потребительского общества и, участвуя в диалоге элитарных культур Востока и Запада, приумножив, сохранить национальное своеобразие базовых (этнических) [...] национальных элитарных культур наших народов» [14. С. 35—36]. Критикуя рассуждения Ю. М. Бородая о том, что Россия должна пойти в технологии по японскому пути, но в остальном сохранить свою самобытность, В. С. Степин сказал следующее: «...Что такое русская самобытность? В чем она заключается? Вы говорите о дореволюционной России, имея в виду ее культурные традиции. А вы подумайте: сохранились ли они за эти 74 года? [...] Некоторые черты традиционной самобытности можно отыскать и в нашей жизни, но многие уже исчезли. О каких, например, общинных связях можно сейчас говорить?» [14. С. 49].

Сделанный выше обзор имеющейся специальной литературы и посвященных «русской идее» публицистических выступлений, появившихся за последние годы в различных периодических изданиях, не претендует на исчерпывающую полноту. Думается, однако, что он достаточен для того, чтобы, во-первых, констатировать наличие очень большого и все растущего интереса к «русской идее» не только в научной среде, но и далеко за ее пределами, во-вторых, убедиться в том, что этот термин, казалось бы ясный с первого взгляда, на деле был и остается весьма неопределенным, позволяющим вкладывать в него самое разное содержание. Совершенно правы П. Йосифова и Н. Цимбаев, назвавшие понятие «русская идея» неопределенным и противоречивым, поскольку оно «позволяет говорить о „русской идее“ как о крайне своеобразном, напряженно болезненном элементе национального сознания, порождает сомнения в ее объективности и

целесообразности». По их мнению, ставши модным и получив распространение в далекой от науки журнально-газетной периодике, понятие это служит ныне «своего рода печкой, от которой пляшут... кто умеет и кто не умеет» [15. С. 4, 13].

Почти все, кто пользуется термином «русская идея», так или иначе вспоминают В. С. Соловьева, которому принадлежит первое монографическое исследование об этом понятии, опубликованное в 1888 г. на французском языке и переведенное на русский язык после смерти автора [16. С. 219—246]. При этом далеко не все вчитываются и вдумываются в весьма содержательный текст указанного сочинения. Нередко вне поля зрения оказывается, в частности, исходный пункт рассуждений Соловьева, касающийся соотношения между понятиями «нация» и «человечество». «Раз мы признаем существенное и реальное единство человеческого рода,— писал он,— а признать его приходится, ибо это есть религиозная истина, оправданная рациональной философией и подтвержденная точной наукой... мы должны рассматривать человечество в его целом, как великое собирательное существо или социальный организм, живые члены которого представляют различные нации... Органическая функция, которая возложена на ту или другую нацию в этой вселенской жизни,— вот ее истинная национальная идея, предвечно установленная в плане Бога». В другом месте текста В. С. Соловьев формулирует ту же мысль следующим образом: «Участвовать в жизни вселенской Церкви, в развитии великой христианской цивилизации, участвовать в этом по мере сил и особых дарований своих, вот в чем [...] единственная истинная цель, единственная истинная миссия всякого народа. Таким образом, христианская истина утверждает неизменное существование *наций* и прав *национальности*, осуждая в то же время *национализм*, представляющий то же, что эгоизм для индивида» [16. С. 220—229].

Но в чем же конкретно состоит национальная идея для русского народа, кто должен и может ответить на вопрос «о смысле существования России во всемирной истории»? В. С. Соловьев исходит из убеждения, что эмпирическими средствами (т. е. опросом, референдумом) вопрос этот решить невозможно, ибо «многие нации дробятся», а Россия настоящего, Россия прошлого и Россия будущего — весьма различные вещи. «...Идея нации,— утверждал Соловьев,— есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности». Истинное прозрение даруется только немногим великим людям — один из них Петр I. По словам Соловьева, «отбросив слепой национализм Москвы, проникнутый просвещенным патриотизмом, видящий истинные потребности своего народа, он не останавливается ни перед чем, чтобы внести, хотя бы насильственно, в Россию ту цивилизацию, которую она презирала, но которая была ей необходима». Правителей современной ему России и их советников Соловьев называл «лжепатриотами», для которых истинное величие России — мертвая буква, которые надеются только на силу оружия и считают своим важнейшим делом разрушить империю Габсбургов и наплодить на ее территории побольше мелких национальных государств, что сделает российское государство «орудием „великой идеи“ сербской и „великой идеи“ болгарской» [16. С. 220, 222, 225—226].

Несмотря на это, В. С. Соловьев был убежден, что истинная русская идея существует, «засвидетельствованная религиозным характером народа, преобразованная и указанная важнейшими событиями и величайшими личностями истории». Смысл существования всех наций лежит, по мнению Соловьева, «не в них самих, но в человечестве... Участвовать в жизни вселенской Церкви, в развитии великой христианской цивилизации... вот в чем... единственно истинная цель, единственно истинная миссия всякого народа». Подчиненность церкви государству, считал Соловьев, сковывает национальный дух в России. Религиозное и умственное ее освобождение является в настоящее время «такой же настоятельной необходимостью, каким тридцать лет тому назад являлось освобождение крепостных». Считая необходимым принести национальный эгоизм в жертву истинному Богу, Соловьев призывал отказаться от русификации Польши и политики стеснения католицизма. Более того, он предлагал создать Вселенскую,

или кафолическую, церковь, у которой «должно существовать общее, или интернациональное, священство, централизованное и объединенное в лице общего Отца всех народов, верховного первосвященника» [16. С. 227—228, 235, 237, 240].

Ратую за объединение церквей в мировом масштабе, В. С. Соловьев вовсе не думал об отрицании национальных различий и ликвидации границ между национальными государствами. «Вселенская Церковь,— писал он,— пребывая... хранительницей религии всеобщего... прошлого нашего рода... не исключает, однако, наличного многообразия наций и государств... Церковь признает права наций, нападая в то же время на национальный эгоизм; она уважает власть государства, но противоборствует его абсолютизму». По мнению Соловьева, Вселенская церковь, входящие в нее нации и государства должны образовать неразрывное единство, подобное божественной Троице. «Христианская Россия,— пишет он,— подражая самому Христу, должна подчинить власть государства (царственную власть Сына) авторитету Вселенской Церкви (священству Отца) и отвести подобающее место общественной свободе (действию Духа)» [16. С. 241, 245].

Что касается предстоящего переустройства мира по этому рецепту, то его В. С. Соловьев возлагал прежде всего на свою родину, заявляя: «Русская идея, исторический долг России требуют от нас признания нашей неразрывной связи с вселенским семейством Христа и обращения всех наших национальных дарований, всей мощи нашей империи на окончательное осуществление социальной троицы, где *каждое* из трех главных органических единств, церковь, государство и общество, безусловно свободно и державно, не в отъединении от двух других, поглощая или истребляя их, но в утверждении безусловной внутренней связи с ними. Восстановить на земле этот верный образ божественной Троицы — вот в чем русская идея. И в том, что эта идея не имеет в себе ничего исключительного и партикуляристического, что она представляет лишь новый аспект самой христианской идеи, что для осуществления этого национального призвания нам не нужно действовать *против* других наций, но с ними и для них,— в этом лежит великое доказательство, что эта идея есть идея истинная. Ибо истина есть лишь форма Добра, а Добру неведома зависть» [16. С. 241, 245—246].

Н. О. Лосский в «Истории русской философии» вполне обоснованно отметил, что Н. А. Бердяев часто и много писал о том, что России судьбой предначертано стать «великим целостным единством Востока и Запада, но по своему действительному эмпирическому положению она представляет собой неудачную смесь Востока и Запада» [17]. Почти через 60 лет после В. С. Соловьева — в 1946 г.— Н. А. Бердяев также издал монографию о «русской идее» [18]. Соответствующая проблематика так или иначе затрагивалась Бердяевым и в других работах, в том числе в книгах: Алексей Степанович Хомяков (М., 1912); Душа России (М., 1915); Судьба России (М., 1918); Смысл истории (Берлин, 1923); Мирозерцание Достоевского (Прага, 1923); Константин Леонтьев (Париж, 1926).

Участники нынешних дискуссий ссылаются на книгу Н. А. Бердяева о «русской идее» почти так же часто, как и на работу В. С. Соловьева. Однако в смысле информационной насыщенности эти вещи далеко не равноценны потому, что содержание книги Бердяева соответствует не заглавию, а подзаголовку. Один из ее современных и весьма квалифицированных читателей вполне обоснованно замечает, что «Бердяев говорит то о русской идее, то о русской мысли, то о русской теме, то о русском сознании, то о русском мотиве, русской особенности, свойстве, судьбе, призвании, стремлении, искании, ожидании и т. д. ...Остается неясным, является ли русское призвание или русская мысль в такой же мере русской идеей как и „просто“ русская идея? Первородный грех бердяевских построений заключается уже в его методе и источниках, которыми он для уяснения русской идеи пользовался. И метод и источники были лишь орудием бердяевского мирозерцания и ни к чему иному, кроме подтверждения его собственных идей, привести не могли. Но это могло произойти только потому, что восприятие характера и призвания русского народа у Бердяева в его книге столь же произвольно и субъективно, как и изложение русской идеи. Его

„интуитивное проникновение в наиболее выразительное и значительное“ есть не только выбор, но и отбор и подбор, т. е. за внешним „произволом“ у Бердяева скрывается определенная тенденция и даже тенденциозность» [19].

Вслед за текстом «Русской идеи» Н. А. Бердяева в «Вопросах философии» была опубликована содержательная статья Е. А. Барабанова с критическим разбором теоретических позиций и научной методологии произведения Бердяева. Присоединяясь к оценкам Н. П. Полторацкого, Е. А. Барабанов заявляет, что в книге Н. А. Бердяева изначальная реальность подменена бесплотной схемой, а все опорные категории оказываются мистифицированы. «Из них,— пишет Барабанов,— ничего нельзя извлечь, кроме уже известного. И оттого на место собственно философского описания... торопятся в нарядах „духовных истин“ утопические фантазии и моралистические обличения, вероисповедные формулы и публицистические аргументы» [20].

Как уже говорилось выше, В. С. Соловьев исходил из убеждения в том, что идея нации это не то, что она о себе думает, а то, что о ней думает Бог в вечности. Аналогичными были исходные позиции Н. А. Бердяева, который во введении к своей книге заявлял: «Меня будет интересовать не столько вопрос о том, чем эмпирически была Россия, сколько вопрос о том, что замыслил Творец о России, умопостигаемый образ русского народа, его идея» [18. № 1. С. 78]. Сочинение В. С. Соловьева в основе своей теоретично; его автор старается как можно четче сформулировать понятие «русская идея», как можно разностороннее раскрыть его содержание; что касается конкретики ее трансформаций и бытования, то они остаются при этом на втором плане. Книга Н. А. Бердяева в основном исторична, как с содержательной точки зрения, так и по структуре; она фактически является чем-то вроде автореферата тех его многочисленных, интересных, весьма насыщенных фактами конкретных исследований о трансформациях славянской и русской идеи, которые были выполнены им за многие годы. В подходе к существу проблемы самая важная разница между В. С. Соловьевым и Н. А. Бердяевым заключается в том, что первый занимался «русской идеей», надеясь создать на ее основе всемирное христианское государство на Земле, тогда как второй неразрывно связывал «русскую идею» с апокалипсисом, поскольку считал, что она может реализоваться только в потустороннем мире.

Вот несколько цитат, дающих представление о манере бердяевского философствования и о том, как он оценивал отдельные этапы эволюции «русской идеи». Во-первых, это итоговый абзац пятой главы, посвященной социальной теме в русской общественной мысли от В. Г. Белинского до Г. В. Плеханова: «Подводя итоги русской мысли XIX века, русским исканиям социальной правды, можно сказать, что в России вынашивалась идея братства людей и народов. Это русская идея. Но поскольку эта идея утверждалась в отрыве от христианства, которое было ее истоком, в нее входил яд, и это сказалось на двойственности коммунизма, на переплетении в нем правды и лжи. Эта двойственность была уже у Белинского. У Нечаева и Ткачева началось преобладание отрицательного над положительным. Духовные же течения делались более равнодушными к социальной теме. Так раздвоение, раскол все усливались в России» [18. № 1. С. 144]. Вторая цитата — фрагмент из главы VII, озаглавленной «Тема власти. Анархизм». Утверждая, что «анархизм есть главным образом создание русских» и что русские «или бунтуют против государства, или покорно несут его гнет», Бердяев заявлял: «Обратной стороной русского странничества, всегда в сущности анархического, русской любви к вольности является русское мещанство, которое сказалось в нашем купеческом, чиновничьем и мещанском быте. Это все та же поляризованность русской души» [18, № 2. С. 94—95]. Третья цитата — из заключительной, десятой главы, посвященной культурному ренессансу начала XX в. и распространению коммунистической идеологии: «Марксизм был приспособлен к русским условиям и русифицирован. Мессианская идея марксизма, связанная с миссией пролетариата, соединилась с русской мессианской идеей. В русской коммунистической революции господствовал не эмпирический пролета-

риат, а идея пролетариата, миф о пролетариате» [18. № 2. С. 150—151]. И, наконец, четвертый фрагмент — из той же главы: «Русским чужда мистика расы и крови, но очень близка мистика земли. Русский народ, по своей вечной идее, не любит устройства этого земного града и устремлен к Граду Грядущему, к Новому Иерусалиму, но Новый Иерусалим не оторван от огромной русской земли, он с ней связан, и она в него войдет. Для Нового Иерусалима необходима коммюнитарность, братство людей, и для этого нужно еще пережить эпоху Духа Св., в которой будет новое откровение в обществе. В России это подготовлялось» [18. № 2. С. 154].

В нынешних спорах о «русской идее» почти не используется идейное наследие Г. П. Федотова, хотя оно того заслуживает. Сказанное относится, в частности, к его работам «Трагедия интеллигенции» (1926), «Национальное и вселенское» (1928) (см. [21]). Особого внимания заслуживает опубликованная в 1929 г. статья «Будет ли существовать Россия?» В ней, подводя итог предреволюционной истории «русской идеи» Федотов писал: «Национальная мысль стала монополией правых партий, поддерживаемых правительством. Но что сделали с ней наследники славянофилов? Русская национальная идея [...] в последние десятилетия необычайно огрубела. Эпигоны славянофильства совершенно забыли о положительном творческом ее содержании. Они были загипнотизированы голой силой, за которой упустили нравственную идею». По мнению Федотова, у жителей России «национальное сознание должно быть... одновременно великорусским, русским и российским», а у малороссов (украинцев) — малорусским, русским и российским. Считая, что развитие идет «от русского к российскому», Федотов заявлял: «Россия не только Русь, но союз народов, объединившихся вокруг Руси... Задача империи, т. е. сверхнационального государства, — разрешима... Объединение народов России не может твориться силой только религиозной идеи... духовным притяжением для народов была и остается русская культура» [21. С. 457—460].

Среди оказавшихся за рубежом отечественных ученых, которые подходили к «русской идее» с несколько иных идейно-методологических позиций, но высказывали созвучные к федотовским конкретные оценки, несомненно следует назвать известного социолога П. Сорокина. В 1967 г., т. е. за год до смерти, им была опубликована статья «Основные черты русской нации в двадцатом столетии», в которой говорится: «Русская нация состоит из трех основных ветвей русского народа — великороссов, украинцев и белорусов, а также из „русифицированных“ или ассимилированных этнических групп... Российской империи и современного Советского Союза... Совокупность основных черт русской нации включает ее сравнительно длительное существование, огромную жизнеспособность, замечательное упорство, выдающуюся готовность ее представителей идти на жертвы во имя выживания и самосохранения нации, а также необычайное территориальное, демографическое, политическое, социальное, культурное развитие в течении ее исторической жизни». Подчеркивая свое стремление к объективности и научности в подходе к рассматриваемому кругу вопросов, Сорокин писал: «Я исследую основные черты русской нации как единой социокультурной системы... а не на основе спекулятивных стереотипов или фантастических представлений» [21. С. 469, 471, 472]. Кому именно адресовано обвинение в спекулятивности, из текста неясно; думается, что его вполне уместно было бы адресовать, в частности, Н. А. Бердяеву.

Первая серьезная попытка историографического анализа имеющейся специальной литературы о «русской идее» предпринята, на мой взгляд, в «Вестнике Московского университета» авторами упоминавшейся выше статьи — П. Йосифовой и Н. И. Цимбаевым. Рассматривая «русскую идею» как «органический элемент русского национального самосознания», они констатируют, что на вопрос о том, что же такое «русская идея», ответа пока нет, «как нет ответа» и на вопрос: можно ли говорить, например, об английской идее, о французской или немецкой?» [15. С. 4]. Генезис «русской идеи» Йосифова и Цимбаев датируют 1880-ми годами и почти полностью отождествляют его с происшедшими в это

время переменами в мировоззрении В. С. Соловьева. По их мнению, появление концепции «русской идеи» было следствием, во-первых, разочарования Соловьева в славянофильстве, которое после 1861 г. с нарастающим ускорением эволюционировало к прямой поддержке правительственной внешней политики, во-вторых, резкого осуждения им «воинствующего панславизма» пореформенных славянофилов. Ссылаются два автора также на обескураживавшие российскую общественность решения Берлинского конгресса 1878 г., реализация которых вызвала у Соловьева опасение, как бы болгары не стали «завтра... нашими торжествующими соперниками и господами древней Византии». Основываясь на всем этом, Йосифова и Цимбаев делают вывод, что Соловьев «именно через преодоление „славянской идеи“ приходит... к определению сути „русской идеи“», а несколько ниже повторяют: «Не будет преувеличением сказать, что „русская идея“ есть порождение кризиса славянской идеи» [15. С. 4—7].

Думается, что такая оценка вполне правильна только по отношению к одному из этапов идейной эволюции В. С. Соловьева, на котором он действительно по отдельности рассматривал «русскую» и «славянскую» идеи, даже противопоставлял их друг другу. Но если рассматривать его воззрения в целом, как и всю историю развития «славянской» и «русской» идей в отечественной общественной мысли, то станет очевидным, что они эволюционировали в тесном переплетении, причем были периоды, когда «русская идея» выступала как составная часть «славянской идеи», как были и периоды, в которые «славянская идея» отходила на второй план, неизменно сохраняя, однако, органическое единство и неразрывную связь с «русской идеей»¹.

Что же касается содержащегося в статье очень важного оценочного суждения П. Йосифовой и Н. И. Цимбаева о сути и общественной значимости «русской идеи», то оно имеет по-настоящему новаторский характер; их приводившееся выше высказывание о неопределенности и противоречивости этого понятия едва ли может быть опровергнуто. Дискуссии о славянском вопросе и «русской идее» в конце 70-х — 80-е годы прошлого века Йосифова и Цимбаев характеризуют следующим образом: «Строго говоря, искусственность именно „русской идеи“, как бы ее ни раскрывать, очевидна... „русская идея“ безнадежная и бесполезная утопия... усилия правительства Александра III... реализовать идею „Россия — для русских“ имели самые пагубные последствия». Называя «русскую идею» безнадежной и бесполезной утопией, указывая на искусственность этого термина, Йосифова и Цимбаев противопоставляют «русской идее» — «российскую идею». Исходя не из этнического, а из государственного истолкования термина «нация», они утверждают: «Для России подлинная национальная идея — это *российская идея*», идея исторически и политически точная». Те безоглядные панегирики шовинистически трактуемой «русской идее», которые содержатся в упоминавшихся выше работах Е. Троицкого, В. Аксючица и других сочинениях национал-патриотического направления, оцениваются Йосифовой и Цимбаевым резко отрицательно. «Жаль,— пишут они,— что столь непрочна нить исторических размышлений о России и в России» [15. С. 9, 10, 13—15].

Подведение итогов сказанному приходится начать с констатации того, что у давно существующего и широко используемого понятия «русская идея» общепринятого и четко сформулированного определения пока не существует. Это обусловлено, с одной стороны, многоаспектностью и сложностью чисто научных задач, встающих перед исследователем «русской идеи», с другой — большой остротой идейно-политических дискуссий, которые велись и ведутся вокруг данного понятия на пограничье с наукой или за ее пределами. Исчезновение советской империи и нынешнее противоборство центробежных и центростремительных тенденций во взаимоотношениях независимых государств, которые возникли при

¹ Не имея возможности подтверждать все это конкретными примерами, вынужден сослаться на свою недавно вышедшую книгу «Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России» (М., 1993), там достаточно доводов для подтверждения сказанного.

ее распаде, приводят к столь сложному переплетению науки и политики в спорах вокруг «русской идеи», что ученые нередко теряют объективность, а общественные деятели и публицисты охотно прибегают к наспех позаимствованным и произвольно истолковываемым научным аргументам. Как бы то ни было, термин «русская идея» существует, а следовательно требует спокойного и максимально объективного рассмотрения учеными имеющегося фактического материала.

Становление «русской идеи» В. С. Соловьев датировал XVI в.— временем появления теории «Москва — Третий Рим»; видное место он отводил в ее истории Петру I, а дальнейшую судьбу связывал с дореформенным славянофильством. «Русская идея» постоянно развивалась в тесной взаимосвязи со «славянской идеей» и примерно в тех же идейно-политических интерпретациях: реакционно-охранительной, либеральной, радикально-демократической. С некоторыми оговорками в числе либеральных предшественников В. С. Соловьева в трактовке «русской идеи» могут быть названы не только Ф. М. Достоевский, но также А. Д. Градовский и А. Н. Пыпин, а среди его наследников следует упомянуть Н. П. Аксакова и других неославистов. На протяжении всего XIX — начала XX в. параллельно с либеральной трансформировались и иные трактовки «славянской» и «русской» идей: реакционный вариант — от С. С. Уварова до В. И. Ламанского, радикально-демократической — от руководителя «Общества соединенных славян» П. И. Борисова до лидера эсеров В. М. Чернова. Революции 1917 г. и их последствия добавили к уже упомянутым еще один специфический вариант, получивший название «евразийство» [22]. Что же касается современных трактовок «русской идеи» в науке и публицистике, то о них было подробно рассказано выше.

Суммарная библиография книг и статей по данной тематике включает многие сотни позиций, но исследовательские результаты пока недостаточны, о чем свидетельствует хотя бы то, что в имеющейся литературе нет общепринятой формулировки самого понятия «русская идея»². Мне представляется, что это понятие должно включать основную суть национального самосознания людей, веками обитавших на одной территории и обладающих более или менее единой ментальностью, которая выработалась под воздействием специфики соответствующего социокультурного пространства. Из приведенного выше материала видно, что существует два основных подхода к истолкованию «русской идеи»: при этнонациональном подходе она распространяется только на «этнически чистое» русское население, а при государственно-национальном (этатистском) подходе включает всех тех граждан Российского государства, которые считают себя россиянами. Этнонациональный подход, ведущий к шовинизму и национальной нетерпимости, едва ли имеет серьезные шансы на реализацию. По этнологическим и историческим условиям для нашей страны гораздо более подходит государственно-национальный подход, трансформирующий «русскую идею» в идею российской. Этот вариант приемлем для большинства россиян, и потому, думается, за ним будущее.

«Русская» и российская идеи, наряду с внутренним, имеют и внешний аспект, связанный с взаимоотношениями русских или россиян с другими странами и народами, с осознанием своего места в мировой цивилизации. Для решения «внешних» проблем предлагалось и предлагается три различных подхода. Первый из них можно бы назвать сепаратистски-изоляционистским — его сторонники, хотя и маскируют свою позицию различными оговорками, фактически исходят из убеждения о неповторимости и превосходстве «русского пути», из почти полного неприятия для России западного опыта как в духовной, так и в материальной сферах. Такой подход характерен для национал-патриотического на-

² Существенно меняет историографическую ситуацию книга «Русский народ: историческая судьба в XX веке» (М., 1994), подготовленная группой квалифицированных специалистов во главе с академиком Ю. С. Кукушкиным. Однако она вышла в свет после того, как настоящая статья была подготовлена к печати, и потому автор ограничивается здесь лишь упоминанием названия книги, безусловно заслуживающей внимания.

правления, которое делает ставку на непримиримость противоречий между Востоком и Западом, на идеализацию прошлого и специфические черты русского народа, на призывы не следовать примеру цивилизованных стран и двигаться своим специфическим путем, ориентируясь лишь на «земско-советскую власть» либо на экономические реформы по рецептам П. А. Столыпина. Противоположной крайностью мне кажется второй — космополитично-мессианский — подход, отразившийся в статье Л. З. Копелева, который явно преувеличивает как нынешний уровень единства мировой цивилизации, так и возможности России «в спасении человечества».

Комплексным по отношению к двум первым и наиболее обоснованном по сути мне представляется третий подход, к которому так или иначе склоняются большинство участников описанных выше дискуссий. Речь идет, во-первых, о трактовке «русской идеи» как идеи российской, во-вторых, о признании того, что Россия является неотъемлемой частью цивилизованного мира, развивающейся вместе с ним, хотя и имеющей определенную специфику. Если так понимаемую российскую идею очистить от вредных имперских амбиций и наполнить демократическим содержанием, то она, мне кажется, может сыграть положительную роль в преодолении кризисной ситуации на территории нашей страны и всего постсоветского пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнов Ю. В., Дробижева Л. М. Русские в распадающемся Союзе//Отечественная история. 1992. № 3. С. 7.
2. Булычев Ю. Русский консерватизм: обретение утраченного?//Москва. 1993. № 2. С. 131.
3. Аксютц В. Бог и Отечество — формула русской идеи//Москва, 1993. № 1. С. 122—127.
4. Шишов А. Два взгляда на русскую идею//Литературная газета. 1992. № 36. С. 13.
5. Троицкий Е. С. Русская нация и обновление общества. М., 1990.
6. Троицкий Е. С. Возрождение Русской идеи. Социально-философские очерки. М., 1991.
7. Копелев Л. Русская идея — это идея спасения человечества//Известия. 1993. 13.III.
8. Библер В. С. Национальная русская идея? — Русская речь. Опыт культурологического предположения//Октябрь. 1993. № 2. С. 156—158, 163, 183.
9. Зубов Б. Третий национализм//Знамя. 1993. № 1. С. 154—161.
10. Русская идея и новая российская государственность: проблемы, направления, перспективы. Материалы дискуссии, проведенной в 1992 г. в «Горбачев-фонде»//Новый мир. 1993. № 1.
11. Моисеев Н. О России с тревогой и надеждой//Свободная мысль. 1992. № 3. С. 6—7.
12. Сахаров А. Д. О письме Александра Солженицына «вождям Советского Союза»//Сахаров А. Д. Тревога и надежда. 1990. С. 63—72.
13. Хорос В. Русская идея на историческом перекрестке//Свободная мысль. 1992. № 6.
14. Россия и Запад: взаимодействие культур (материалы «круглого стола»)//Вопросы философии. 1992. № 6.
15. Иосифова П., Цимбаев П. «Русская идея» как элемент национального самосознания//Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1993. № 2.
16. Соловьев В. С. Сочинения. М., 1989. Т. 2.
17. Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 315.
18. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века//Вопросы философии. 1990. № 1—2.
19. Полторацкий Н. П. Россия и революция. Русская религиозно-философская и национально-политическая мысль XX века. Сборник статей. Нью-Йорк, 1988. С. 131, 140—141.
20. Барабанов Е. А. «Русская идея» в эсхатологической перспективе//Вопросы философии. 1990. № 8. С. 70—71.
21. О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.
22. Дьяков В. А. О научном содержании и политических интерпретациях историософии евразийства//Славяноведение. 1993. № 5.

ОТ ТОТАЛИТАРИЗМА К ДЕМОКРАТИИ: НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ИТОГОВ

Миновало пять лет со времени обвального крушения в Центральной и Юго-Восточной Европе (ЦЮВЕ) коммунистических режимов и последующего распада Советского Союза. Подобная экстраординарная ситуация обусловила новую геополитическую обстановку. На Европейском континенте отошли в область истории идеологический и военный раскол на силы демократии и тоталитаризма, изнурительная и опасная «холодная война». Последствия этого имеют поистине эпохальное значение, хотя они и неоднозначны.

Идеологический раскол Европы преодолен в результате поражения в «холодной войне» марксизма-ленинизма, претендовавшего на роль единственно верного на все времена и для всех народов учения. Центральными в нем были идеи о первостепенной важности в общественном развитии классовой борьбы и возможности построения в результате революционной победы в этой борьбе социализма и коммунизма. Упомянутые идеи, давно подвергавшиеся аргументированному сомнению, потерпели сокрушительный крах, когда перестало существовать в Европе то, что называлось советской системой, реальным социализмом, социалистическим содружеством и т. п. «Советская система, которая, казалось, могла конкурировать с капитализмом, рухнула как картонный домик,— заметил в интервью братиславской „Pravde“ известный политолог, в прошлом деятель „пражской весны“ Зденек Млынарж.— После нее осталась весьма непривлекательная действительность. Крах так называемого реального социализма нанес серьезный урон самому понятию „социализм“, идеи построить нечто отличное от капитализма или попыткам подвергнуть его кардинальной реформе. Различие между капитализмом и социализмом еще долго будет восприниматься как конфликт между тем, что существовало в Советском Союзе, и тем, что существует в западных демократических государствах» [1].

Главные причины, приведшие коммунистов к такому удручающему финалу,— неререформируемость экономических основ советской системы, нелегитимный репрессивно-полицейский характер власти, утопизм марксистско-ленинской идеологии. Однако велико было влияние и международного фактора. Прав бывший госсекретарь США Джеймс Бейкер, подчеркнувший в апреле 1992 г. на слушаниях в сенатском комитете по иностранным делам: «Хотя могут заявить, что „холодная война“ была прежде всего геополитическим соперничеством, вызванным столкновением интересов, в действительности масло в огонь конфронтации поступало

Новопашин Юрий Степанович — д-р философск. наук, проф., зам. директора Института славяноведения и балканистики РАН.

из более глубинного источника — острого и непримиримого столкновения основных ценностей» [2].

К этим ценностям противостоявшие коммунистическому миру западные страны, которые с апреля 1949 г. объединились в рамках Североатлантического договора, относили решимость «оградить свободу, общее наследие и цивилизацию своих народов, основанные на принципах демократии, свободы личности и господства права» [3]. Марксизм-ленинизм же отрицал даже саму постановку вопроса о приоритетности подобных общечеловеческих ценностей. «Такая внеклассовая или надклассовая, якобы общенародная, постановка вопроса, — утверждал Ленин, — есть прямое издевательство над основным учением социализма, именно учением о классовой борьбе» [4. Т. 37. С. 491]. Он неустанно призывал смотреть на все «с точки зрения классовой борьбы и социализма» и «подчинить все интересы этой борьбе» [4. Т. 40. С. 5; Т. 41. С. 311], т. е. отдавал безусловное предпочтение пресловутой революционной целесообразности, а не общечеловеческим ценностям, принципам демократии. Последние не находили у вождя мирового пролетариата иного названия, кроме «мещанского фразерства о свободе, равенстве, трудовой демократии и воле большинства, того мещанского тупоумного фразерства, которым нас угощают меньшевики, эсеры, вся эта „демократия“» [4. Т. 39. С. 158].

Презрительный тон, стремление говорить о демократии не иначе, как закывчивая это понятие, — очевидные проявления теоретико-идеологического антидемократизма коммунистов; отсюда же берет свое начало и практика тоталитаризма советского типа, если под ним понимать огосударствление всех легальных организаций, дискреционные (законом не ограниченные) полномочия властей, запрещение демократических партий и движений, фактическую ликвидацию конституционных прав и свобод, всепроникающую милитаризацию общества, репрессии в отношении оппозиции и инакомыслящих вообще, т. е. контроль партгосаппарата над общественной жизнью сверху донизу. Именно эта антидемократическая, тоталитарная суть марксизма-ленинизма отвергнута ныне большинством населения восточноевропейских стран при активном участии всех тех общественно-политических сил в каждой из них, которые на первом этапе своего подпольного, а затем и вполне легального существования объединились, чтобы положить конец антигуманной системе советского типа. И Дж. Буш в последнем в его президентство ежегоднике «Стратегия национальной безопасности» имел основание заявить, что «коммунистическая идеология, господствовавшая от Бранденбургских ворот до Берингова пролива, сегодня в большей части мира дискредитирована, презираема и сброшена со счетов» [5].

Однако подобные обобщения всегда требуют известной коррекции, хотя в принципе они, быть может, и верны. Утверждение Дж. Буша, конечно же, нуждается в существенных оговорках, если относить его к республикам бывшего СССР, скажем, к среднеазиатским, Казахстану да и к России, собственно говоря, тоже. Даже страны ЦЮВЕ подпадают под это утверждение лишь в общем и целом. Как констатировал, находясь в Праге, видный в прошлом польский правозащитник, а ныне главный редактор «Gazetnie Wyborczej» Адам Михник, «коммунизм был гениальной идеологией, которая давала простые ответы на все сложные вопросы. Потребность в простоте осталась и в нас, она трансформировалась, например, в шовинизм или фундаментализм... Все эти люстрации и дебольшевизации — откровенная глупость, пережиток большевистского менталитета, которым, к сожалению, заражены многие антикоммунисты. Так случилось, что и нынешние антикоммунисты не заметили, когда они превратились в антикоммунистических большевиков или в антикоммунистов „с большевистским лицом“» [6].

И если марксистско-ленинская наследственность дает о себе знать в деятельности ряда партий и их руководящих работников в Польше или Венгрии, то что же говорить о балканских странах? Ведь Польша и Венгрия уже в 1956 г., а Чехословакия в 1968 г. опасно поколебали устои коммунистического режима.

Менталитет же населения стран Юго-Восточной Европы во многом отличается от центральноевропейского. И хотя нынешние балканские лидеры, будь то Слободан Милошевич в Сербии или Ион Илиеску в Румынии, предпочитают не апеллировать к марксистско-ленинской идеологии, они ее не забыли, как не отказались и от многих приемов управления, культивировавшихся этой идеологией. Во всех бывших социалистических государствах региона немало сейчас разного рода заявлений от имени правящих и оппозиционных партий о том, что коммунизм на Балканах больше не существует. Но в сознании и особенно в психологии людей оставленные им следы еще далеко не стерлись. Недвусмысленно можно сказать, что «национальный» коммунизм РКП во главе с Чаушеску и СКЮ во главе с Тито проложил путь нынешним «национал-коммунистам», которые поддерживают С. Милошевича и которых использует И. Илиеску.

Но речь здесь о многочисленных последователях не только румынского или югославского «национального коммунизма», но и «интернационального коммунизма» советского образца. В одной из отечественных публикаций этот большевистский «интернациональный коммунизм» был остроумно определен как «высшая стадия шовинизма», как «даже не идеология, а компенсаторская реакция люмпена, ищущего некий аналог личностному самоутверждению в могуществе и блеске державы, империи» [7]. После распада СССР организационно-политическая активность и идеологическая агрессивность «интернационалистов-державников» только возросли. Они ратуют за восстановление Советского Союза и былой мощи его опорно-двигательного аппарата — компартии, КГБ и армии, подорванных, дескать, «оккупационной властью ельцинских псевдомонократов».

Кстати, об этом опорно-двигательном аппарате коммунистического режима стоит сказать особо. Его мощь заботливо поддерживалась не столько ввиду реальности внешней угрозы для тоталитарных государств, сколько по причине внутренней для данных государств опасности, исходившей от народа, который узурпировавшая у него власть партноменклатура стремилась удерживать в повиновении как с помощью прямых репрессий со стороны своих «вооруженных отрядов» (МВД, КГБ и армии), так и посредством косвенных привязок: прописка, необходимость вставать и сниматься с военного учета при любой перемене места жительства и работы, военные кафедры в вузах и школьная допризывная подготовка, вездесущие «вторые отделы» в районкоматах и т. д.

Только огражденные от народа многочисленной вооруженной силой, всегда готовой на кровопускание, могли функционировать в СССР и социалистических странах ЦЮВЕ тоталитарные структуры. Денег на эту вооруженную силу (выступала ли она в обличье «искусствоведов в штатском» или в армейских мундирах) никогда не жалели. Соответствующие силовые ведомства пухли, словно на дрожжах, превращая слезку за согражданами, всевозможные меры по их устрашению в подлинную синектуру. Когда в январе 1992 г. один из тех, кому гэбисты бывшей ГДР немало испортили жизнь, активный борец за гражданские права, ныне депутат бундестага Герд Поппе получил возможность ознакомиться со своим досье, он заявил: «То, что я увидел, оставляет тягостное впечатление. Начиная с 1976 г. за мной вели наблюдение около 60 человек. Ими исписаны горы донесений, пополнявшиеся ежегодно в среднем на 800 страниц. Скрупулезно документировался буквально каждый мой шаг. Без всякого стеснения ворошилось „постельное белье“, излагались факты, подсмотренные в замочную скважину. Эти „кучи навоза“ невозможно даже раскопать, не говоря уже о глубоком изучении собранного материала» [8].

Борьбу с собственным народом органы внутренних дел и госбезопасности бывших СССР и восточноевропейских социалистических государств всегда считали, с подачи партийного начальства, главной своей задачей, хотя некоторые гэбистские начальники и пытаются это сейчас оспорить [9]. Поэтому и на коммунистических бонзах, и на сотрудниках «органов» как вооруженной опоре этих бонз несмыслимая вина за усердное насаждение лжи, порушенные жизни, потерянные годы, несостоявшиеся карьеры, за деформацию сознания запуганного и расчлененного на разные уровни общества.

Негативные последствия структурированных лжи, насилия и коллективной безответственности настолько были очевидны для руководителей и всех участников революционных событий конца 80-х — начала 90-х годов в ЦЮВЕ, что дискуссий вокруг проблемы упразднения такой, например, репрессивной воензированной структуры, как органы безопасности бывших социалистических государств, практически не возникало. Они были распущены в большинстве восточноевропейских стран, ибо демократии не пристало наследовать в какой бы то ни было форме эти мерзости коммунистического тоталитаризма. Разве можно говорить о наследовании, спрашивает журнал «Der Spiegel», если «управляемое СЕПГ государство измывалось над своими гражданами в течение времени, в три раза превышающем время господства нацистов. За этот период оно смогло не только осуществить более глубокие преобразования в структурах общества и народного хозяйства, чем это могли бы сделать наци, но и более эффективно организовало надзор за своими подданными. Свыше 85 тыс. штатных и сотни тысяч привлеченных в качестве осведомителей сотрудников „штази“ находились на посту: подслушивали и фиксировали, запугивали и „дисциплинировали“. 78 тыс. граждан ГДР в течение этих лет были осуждены за „действия против общественной безопасности и антисоциальное поведение“, 23 тыс. — за бегство из республики, 11 тыс. — за „сопротивление мероприятиям государства“. 700 тыс. мин, 60 тыс. автоматических стреляющих устройств и 1100 собак на „пограничных заставах“¹ показывают, сколь мало режим доверял своему народу» [10].

Добившиеся в начале 90-х годов государственной самостоятельности Эстония, Латвия и Литва также упразднили республиканские филиалы КГБ, как это сделал позднее и президент Калмыкии К. Илюмжинов. Однако многие другие пошли иным путем, проще говоря, переподчинили «органы» себе, не только полностью их сохранив, но функционально даже усилив. Смысл подобных действий понятен, ибо в большинстве из 15 бывших советских республик у руля сейчас вчерашние коммунистические деятели.

Что касается конкретно России, то ветры перестроечных и особенно после-путчевских демократических перемен, казалось бы, опасно поколебали репрессивно-коммунистического государственного истукана. Зашаталась такие его опоры, как МВД, КГБ и армия. Ведь руководством именно этих ведомств была выведена на улицы Москвы гэкачепистская вооруженная сила, по их вине пролилась кровь трех молодых защитников демократии. Поэтому-то осенью 1991 г. многие считали, что страна накануне решительных мер российского руководства, позиции которого окрепли в результате пресечения попытки антидемократического переворота. В частности, не только закономерной, но просто неизбежной представлялись ликвидация КГБ, немедленный приступ к глубокой реформе в армии, которая могла бы превратить ее из большой полицейской дубинки в руках власть предержащих в эффективный механизм выполнения нормативных обязанностей защиты государства от внешних врагов.

Но ожидания эти не оправдались. Российское руководство ограничилось полумерами, опираясь на те же силовые структуры, которые верой и правдой служили коммунистической доктрине. Был еще Горбачевым после путча вроде бы сделан замах на радикальную реорганизацию гэбистской службы, и с этой целью направлен туда «партдемократ» Вадим Бакатин. Однако всемогущее чиновничество быстро опомнилось и приняло свои меры. «Бакатина в КГБ нет, — комментировал в апреле 1992 г. ситуацию В. Буковский, — а КГБ есть. Продолжает существовать, мало в чем изменившись. А кому, скажите, нужен такой комитет, как бы он ни назывался, в свободной стране свободных людей? В каком нормальном государстве мира есть что-то подобное этому образованию?» [11].

Начальствующие лица Министерства безопасности Российской Федерации

¹ Сухопутная германо-германская граница имела протяженность 1533,1 км. Из них 1378,1 км составляла граница ГДР с ФРГ и 155 км — с Западным Берлином, больше известная как берлинская стена.

(МБ РФ), наследника КГБ СССР, силились уверить общественность, что с чекистскими палаческо-провокаторскими традициями покончено, что численность «органов» уменьшилась с 515 до 137,9 тыс. человек, ликвидировано около 400 генеральских должностей, что и количество негласных агентов госбезопасности по сравнению с 50-ми годами сократилось в пять раз [12]. Возможно, приведенные ими данные и были верны, хотя так и остается неизвестным ни тогдашнее, ни сегодняшнее число и генеральских должностей в этой мало подконтрольной закону «конторе», и стукачей как негласных ее агентов.

Однако, думается, что скорее права поэтесса И. Ратушинская, когда утверждает, что «налицо историческая преемственность» того истинно полицейского, что «товарищи комиссары отладили до полной бесчеловечности» и что находится в непримиримом противоречии с задачами детоалтаризации российского общества, достижения им гражданского состояния, включая формирование правового государства. Она надеется на естественное отторжение одиозных «органов» нарождающимся у нас гражданским обществом: «Спасает от отчаяния только одно: это, как бы он, она, оно ни называлось — III отделение, ГПУ, КГБ или опричнина — всегда вызывало в России ужас и омерзение, в общем-то здоровую реакцию» [13].

Разумеется, тезис о необходимости роспуска в посткоммунистической России гбистских органов, унаследованных от полицейско-милитаристской системы СССР, вовсе не тождествен тезису о ненужности службы безопасности вообще. Такая спецслужба нужна, ибо уровень безопасности общества находится в прямой зависимости от усилий в пресечении разведывательных акций зарубежной агентуры, наносящих урон национально-государственным интересам России; эффективного противодействия незаконному распространению в стране оружия и террористической деятельности; от профессионализма в борьбе с наркомафией и т. п.

Вернемся, однако, к сюжетам более общего плана. Со стороны иногда, говорят, виднее. Западные ученые, например, убеждены, что «сегодня условия в России не способствуют консолидации демократических идей и институтов. Националистические силы, одни — ультраправые, другие — умеренные, имеют реальный шанс на победу в борьбе за душу и политическое будущее России, по крайней мере в ближайшем будущем» [14]. Это мнение Уолтера Лакера, видного советолога из Вашингтонского Центра стратегических и международных исследований, отражает российскую действительность и легко поддается экстраполяции на другие восточноевропейские страны. Иначе говоря, явно преждевременно оборотной стороной поражения марксизма-ленинизма в «холодной войне» считать полную и окончательную победу принципов демократии, свободы личности и господства права.

Совсем другие взгляды и принципы нередко обнаруживают себя на поверхности отвоёванного у коммунистов идеологического и политического плюрализма. «Мы верим в то, что развитие наших стран пойдет по демократическому пути, — писал в 1990 г. А. Михник. — Но что, если мы ошибаемся?» [15]. Тревожным был уже тогда этот оставленный без ответа вопрос. Еще более тревожно звучит он сегодня, когда распались и советское федеративное государство, и югославское, и чехословацкое, когда пролилось немало крови в столкновениях на национально-этнической почве в пределах бывших СССР и СФРЮ. По данным Европейской экономической комиссии ООН, в этих столкновениях только за 1992—1993 гг. более 200 тыс. человек убиты (примерно 170 тыс. в Югославии) и около 3 млн изгнаны со своих мест [16]. Так что последствия победы в Европе над идеологией коммунистического тоталитаризма оказались весьма противоречивыми, проявились пока, скорее, в негативном, чем в позитивном плане.

Конечно, проблемы адаптации к современным условиям разнятся от страны к стране. Хотя общие тенденции тоже очевидны. Выше говорилось об объединении на рубеже 80—90-х годов общественных сил и движений, позволившем положить конец господству систем советского типа, как о первом этапе собственно уже посттоталитарного развития в ЦЮВЕ. Но оно безвозвратно миновало, сменившись вторым, прямо противоположным первому этапом. Речь идет о процессах, связанных с «раздроблением» политической жизни и возникновением множества

мелких союзов и группировок, в том числе откровенно националистического или даже коммуно-фашистского типа. Как тут не вспомнить о почти дословном совпадении политических лозунгов советских большевиков, которые твердили о борьбе за «полную и окончательную победу социализма», и немецких нацистов, тоже излагавших, по словам своих лидеров, «нашу программу будущего Европы, предполагающую создание нового, социалистического порядка на этом континенте» [17]. Совпадение политических установок «красных» и «коричневых» или даже их объединение, нацеленное против парламентарно-демократического строя, — не только исторический прецедент, но и действительность второго этапа посттоталитарного развития, который переживает в частности Россия, хотя и не она одна.

Есть, видимо, основания говорить и о третьем этапе посттоталитарного развития, которым завершится более или менее растянутое во времени вхождение стран ЦЮВЕ в русло европейской цивилизации с ее общечеловеческими ценностями демократии и либерализма. Для этого этапа характерны процессы концентрации мелких союзов и группировок и создания истинных политических партий. Такие основания дает развитие прежде всего нынешних центрально-европейских государств, тогда как страны Восточной и Юго-Восточной Европы, как представляется, целиком и полностью находятся еще в рамках второго этапа.

Разумеется, освобождение от тоталитарного коммунистического наследия и приобщение к ценностям и институтам европейской цивилизации — не панацея. В статье «Столкновение цивилизаций?» об этом справедливо предупреждает профессор Гарвардского университета С. Хантингтон: «Поскольку идеологическое разделение Европы исчезло, вновь возникло культурное разделение этого континента между западным христианством и православным христианством и исламом» [18. Р. 29—30]. Это культурное разделение, по его словам, весьма небеспроблемно. А посему С. Хантингтон считает, что «в близком будущем явно в интересах Запада обеспечить большее сотрудничество и единство в рамках собственной цивилизации, в особенности между ее европейским и североамериканскими компонентами; включить в Запад те общества в Восточной Европе и Латинской Америке, культуры которых близки к культуре Запада; поддерживать группы в других цивилизациях, симпатизирующие западным ценностям и интересам; и поддерживать международные институты, отражающие законные западные интересы и ценности» [18. Р. 48—49].

В приведенных словах американского ученого немало резонного, в том числе насчет последствий исчезновения идеологического разделения Европы, что составляет в данной статье первую из двух ее основных проблем.

Вторая проблема касается преодоления военно-политического раскола. Он заключался прежде всего в существовании на Европейском континенте двух блоков — НАТО и ОВД и в их противостоянии, сопряженном с гонкой вооружений, многолетним присутствием на территории западно- и восточноевропейских стран армий США и СССР, другими атрибутами милитаристской политики. Например, Западная группа советских войск, располагавшаяся с 1945 г. в Восточной Германии, состояла к началу 90-х годов из 546 тыс. солдат и офицеров, членов их семей и вольнонаемных; Центральная группа, образованная после вторжения в Чехословакию, насчитывала к тому же временному рубежу 87 тыс.; Северная группа, находившаяся в Польше, была равна 67 тыс. военнослужащих, членов их семей и вольнонаемных; Южная группа, дислоцировавшаяся в Венгрии, — 65 тыс. человек [19].

Этими советскими группировками, как и армиями на европейской части СССР были накоплены буквально горы наступательного оружия, боеприпасов и техники. Ценой пятикратно или даже шестикратно больших, чем в США, т. е. ненормальных, самоубийственных расходов на оборону поддерживался примерный паритет с американцами по оружию стратегической триады, а также нашей «дальновидной» партноменклатуре, ее генеральной части прежде всего, удалось значительно превзойти НАТО по химическому оружию, бронетанковой технике, артиллерии, автономным подлодкам, многим типам ракет. За последние 25 лет своего существования Советский Союз, например, произвел танков больше, чем

все остальные страны мира, вместе взятые. В 1987 г. при решающем вкладе СССР общее количество этой наступательной техники у стран ОВД достигло 68,3 тыс. боевых единиц, из которых в Европе находилось 52,2 тыс., т. е. почти в два с половиной раза больше, чем у Североатлантического союза (22,2 тыс.). Атомных субмарин у СССР тоже было в 2,5 раза больше, чем у американцев. Что касается ракет средней дальности, то когда в соответствии с договором они уничтожались, их общее количество оказалось у США равным 826, а у СССР — 1846 [20].

Или возьмем арсеналы Национальной народной армии ГДР к моменту объединения (3 октября 1990 г.) с ФРГ. В них оказалось в общей сложности 1 231 209 единиц военного имущества, в том числе: 2396 танков, 5095 артиллерийских орудий, 446 боевых самолетов, 69 боевых и 122 вспомогательных корабля. Количество стрелкового вооружения, полученного бундесвером от бывшей ННА, составило 1 209 699 единиц. Все эти горы в основном уже устаревшего наступательного оружия и военных материалов, производству которых была подчинена экономика ГДР, подлежат уничтожению или передаче в другие страны. Лишь около 17% от перечисленного пошло на пополнение арсеналов бундесвера. Часть военного имущества отправлена в качестве гуманитарной помощи.

На судьбы военного имущества ННА ГДР обращено здесь внимание не случайно. Деятельность федеральных властей — пример весьма заинтересованных шагов по демилитаризации восточной части Германии, выступавшей европейским форпостом «реального социализма» и потому, что называется, вооруженной до зубов. Федеральное правительство предпринимает также шаги по структурной реорганизации милитаризованной экономики восточных земель. От 15 до 20 предприятий бывшей ГДР переходит ежедневно частную собственность — таковы темпы приватизации, осуществляемой Попечительским ведомством. Из 8 тыс. крупных промышленных предприятий проданы уже около 5 тыс. Завершена приватизация торговли и коммунального хозяйства, пищевой промышленности и строительных фирм. В более сложном положении машиностроение. Многие заводы и фабрики этой отрасли оказались неконкурентноспособны, их выгоднее закрывать, чем тратить средства на реконструкцию. Хуже всего положение в текстильной и кожевенной промышленности — здесь предполагается сохранить лишь $\frac{1}{10}$ часть рабочих мест. Иными словами, из 9,7 млн рабочих мест, существовавших до падения берлинской стены, осталось в Восточной Германии чуть больше половины — 5 млн. Число безработных достигло 1,2 млн человек, что составляет 15% трудоспособного населения. К этому нужно добавить 1,5 млн учащихся, пенсионеров и частично безработных.

Таким образом, радикальная реорганизация восточногерманской экономики — чрезвычайно сложное и дорогостоящее дело, сопряженное с феноменом роста там социального недовольства. К тому же не в восторге и налогоплательщики западных земель, которым и далее предстоит раскошелиться на эти цели. «Западные немцы, — отмечал журнал „Time“, — были потрясены тем, что интеграция 16 млн немцев из бывшей коммунистической Германии требует ежегодно 100 млрд долларов; хотя Восточная Германия может подключиться к уже готовой юридической и коммерческой системе, для достижения экономического паритета ей, возможно, потребуется 20 лет» [21]. Однако направление реформ определено, они энергично начаты, ибо налицо и решимость подавляющего большинства жителей бывшей ГДР включиться в этот процесс, и достаточно мощные источники его стимулирования (западногерманская экономика).

Если обратиться к любой другой бывшей европейской социалистической стране, дело обстоит гораздо сложнее. За шесть лет горбачевской перестройки, например, так и не было вразумительно определено направление структурной демилитаризации, не начались соответствующие реформы. Единственное реальное достижение свелось к уничтожению части уже имевшегося наступательного оружия (ракеты средней и меньшей дальности, танки). Производство же его абсурдным образом продолжалось. Только с 1992 г., когда российское руководство приняло постановление о 70% сокращении заказов на вооружения, было положено видимое начало демилитаризации.

По данным Разведывательного управления Министерства обороны США, результаты российской демилитаризации в ряде сфер весьма ощутимы, и газета «Washington Post», публикующая эти данные в номере за 13 июня 1993 г., употребляет даже термин «драматическое сокращение». Так, производство истребителей-бомбардировщиков, составлявшее в 1990 г. 575 машин, уменьшилось в 1992 г. до 150. Танков было в 1990 г. изготовлено 1300, а в 1992 г. — 675. Сократилось также производство штурмовых вертолетов (с 70 до 5), бронетранспортеров (с 3500 до 1100), подводных лодок (с 20 до 8) и т. д. [22].

Однако сопротивление такому, как многие считают, обвальному характеру российской демилитаризации не только налицо в различных коридорах власти, но оно серьезно усиливается во всех слоях глубоко военизированного нашего общества. Директорский корпус ВПК всеми правдами и неправдами продолжает «выбивать» кредиты, массовое сознание, воспитанное в реликтовой традиции гордиться военной мощью, как правило, на стороне «обиженной» оборонки. На предостережения ученых, что «страна, чья промышленность на две трети занята производством оружия, обречена» [23], общественное мнение России реагирует вяло, а вот демагогическими призывами сохранить военное сверхмогущество легко возбуждается. Все это представляет благодатную почву для торможения процесса демилитаризации, всевозможных ухищрений со стороны ВПК, идущего и на шантаж, и на откровенный обман как своего правительства, так и мирового общественного мнения. «По количеству ядерных зарядов, — признал Б. Н. Ельцин во время беседы с Дж. Бушем весной 1992 г., — мы тоже повели себя как бесчестные люди. Так воспитаны. Обманули по количественному составу армии и обещанному сокращению. Специально занизили состав вооруженных сил, чтобы фактическое сокращение было меньше обещанного» (см. [24]).

Сокращение наступательных вооружений и численного состава армии — одна из важнейших сфер демилитаризации посткоммунистического мира. Еще в начале 1990 г. советские вооруженные силы насчитывали «свыше 5 миллионов солдат и офицеров, т. е. почти на 3 миллиона больше, чем в Соединенных Штатах, и на 2 миллиона больше, чем в Китае» [25]. По данным лондонского Международного института стратегических исследований, российская армия по-прежнему имеет ныне в европейской части страны 25 000 танков, 45 000 боевых машин пехоты и бронетранспортеров, 22 500 артиллерийских систем, 3500 штурмовых вертолетов и 800 оперативно-тактических ракет. По условиям же заключенного в 1990 г. в Вене Договора о сокращении обычных вооруженных сил и вооружений в Европе Россия может иметь, к примеру, в соединениях действующей армии на северном и южном флангах континента не более 700 танков, 1280 артиллерийских систем и 580 бронетранспортеров. Меры по выполнению этих условий под нажимом соответствующих инспекционных органов, видимо, предпринимаются или будут предприниматься, хотя общественности о них мало что известно.

Страны ЦЮВЕ также выполняют свою долю обязательств по названному Договору, не делая из этого большого секрета. По данным агентства МТИ, в ходе сокращения войск и вооружений венгерской армии был полностью ликвидирован арсенал оперативных ракет, на 43% сокращается число танков, на 16 — артиллерийских средств, на 26% — бронетранспортеров. Чехия до 13 ноября 1995 г. должна ликвидировать в общей сложности 1278 танков, 1689 бронетранспортеров, 1488 артиллерийских орудий и 64 самолета, т. е. к концу 1995 г. численность вооружений Чешской Республики будет ограничена 957 танками, 1367 бронетранспортерами, 767 артиллерийскими системами, 230 боевыми самолетами и 50 штурмовыми вертолетами. Для Словакии венским Договором установлены следующие максимальные квоты вооружений: 478 танков, 683 бронетранспортера, 383 артиллерийские системы, 115 боевых самолетов и 25 штурмовых вертолетов. Поскольку армия СР располагает сейчас большим количеством военной техники, оно в период до ноября 1995 г. также будет сокращено.

Что касается стран Балканского полуострова, то Болгария к ноябрю 1995 г. сократит 670 танков, 204 бронетранспортера, 366 артиллерийских единиц и 8 боевых

самолетов. Румыния — 1476 танков, 1035 бронетранспортеров, 2344 артиллерийских единицы. Турция в те же сроки уменьшит свой танковый арсенал лишь на 28 единиц и увеличит на 1618 единиц парк бронетранспортеров, на 81 единицу артиллерию и на 301 единицу боевые самолеты. Греция сократит 144 танка и 30 артиллерийских единиц, а увеличит на 899 единиц свой парк бронемашин и на 181 единицу численности боевых самолетов.

Иными словами, в выполнении Договора о сокращении обычных вооруженных сил и вооружений в Европе будут сделаны за 1993—1995 гг. шаги вперед, дело демилитаризации континента существенно продвинется. Всего же предстоит уничтожить примерно 53 тыс. единиц оружия, размещенного в громадном районе от Атлантического океана до Уральских гор. Кстати, на долю армии Российской Федерации как правопреемницы вооруженных сил СССР и армий других государств — участников бывшей ОВД, которая обладала немалым превосходством во многих видах тяжелых наступательных вооружений, приходится уничтожение около 95% от упомянутых 53 тыс. единиц этих вооружений.

Однако проблем, связанных с процессом сокращения обычных вооруженных сил и вооружений в Европе, множество. Скажем, сокращаемые из армии люди. Они пополняют рынок труда, а на нем в связи с кризисом российской и восточноевропейской экономики предложение намного превышает спрос. Чрезвычайно острым, например, для этого контингента российских офицеров и прапорщиков является жилищный вопрос. Тем более что жилье требуется также тем, кто находится в составе подразделений, выведенных с чужих территорий. Не будем пока касаться присутствия российских воинских частей на Украине, в Беларуси, среднеазиатских республиках, Азербайджане, Грузии и Молдове, хотя понятно, что там они тоже не на веки вечные.

Процессу сокращения российской армии ставили и будут ставить палки в колеса различные псевдопатриотические партии и объединения, генералитет, лишаящийся многих тепленьких мест. До сих пор этот генералитет блокирует процесс декоммунизации в российских вооруженных силах. Политработники, семь десятилетий вбивавшие в головы военнослужащих догмы марксизма-ленинизма, живут и здравствуют. Их обязанности лишь переименовали из политических в воспитательные. Но воспитывать личный состав иначе, чем на упомянутых догмах, они не хотят и не умеют. Блокада декоммунизации в войсках есть сохранение и даже будирование обстановки неприятия демократических реформ, обстановки необходимости реванша (с помощью армии) за поражение коммунистов, их отстранение от власти, т. е. от привольного для всевозможных военных чинов номенклатурного грабежа страны.

Иными словами, сопряженный с демократическими реформами процесс декоммунизации общественной жизни затрагивает только «гражданку», а за воротами усеявших всю российскую территорию военных городков сохраняется тоталитарно-коммунистический мир с присущими ему мышлением начальства, характером воспитательной работы среди подчиненных, соответствующей внешней атрибутикой и т. д. Как долго такое раздвоение государственного механизма может продолжаться — трудно сказать. Ясно одно: это раздвоение чрезвычайно опасно для дела преодоления тоталитарных структур, демилитаризации Российского государства и общества. Выборы 12 декабря 1993 г. показали явное тяготение военной части электората к реакционному крылу политического спектра РФ.

Возвращаясь к основной канве изложения, укажем, что преданные в Германии гласности секретные документы ОВД свидетельствуют: армии «социалистического содружества» готовились нападать, а не защищаться [26]. Поскольку же в ОВД решающее или, скажем так, хозяйское положение СССР было очевидным фактом, постольку планы молниеносного захвата Западной Европы — лишь еще одно доказательство неистребимого экспансионизма милитаризованного сверху донизу Советского государства и одна из причин столь же неистребимого недоверия к нему со стороны не только предполагавшихся противников, но и партнеров по военно-политической коалиции.

Это недоверие еще в июне 1990 г. вылилось в заявление министра обороны Венгрии о намерении выйти из ОВД. Затем последовали другие заявления, и не оставалось иного выхода, как согласиться на упразднение организации военно-политического контроля советского руководства за развитием своей послевоенной зоны влияния, определенной ялтинско-потсдамской договорной системой. Не оставалось иного выхода, во-первых, потому, что характер развития ЦЮВЕ радикально изменился, ибо коммунистические режимы потерпели крах. Во-вторых, под ялтинско-потсдамской системой сама жизнь подвела черту, что и отразила Парижская хартия для новой Европы. «Эра конфронтации и раскола Европы закончилась,— подчеркнули подписавшие ее главы европейских государств, а также США и Канады.— Мы заявляем, что отныне наши отношения будут основываться на взаимном уважении и сотрудничестве» [27].

Действие Варшавского договора соответствующим протоколом от 1 июля 1991 г. было прекращено. Автору этих строк уже приходилось писать о том, что Североатлантическая оборонительная организация оказалась настроенной на более широкий спектр отношений, чем лишь конфронтация и противоборство, а вот восточноевропейская полицейская система советского типа смогла просуществовать ровно столько, сколько сохранялась в Европе и во всем мире обстановка противостояния, «холодной войны» [28].

Однако это одна сторона дела. Другая заключается в том, что упразднение ОВД привело к своего рода «фрагментаризации» международных связей в странах ЦЮВЕ, замыкавшихся во многом на Советский Союз, который в декабре 1991 г. тоже перестал существовать. «Развал союзов в „холодной войне“,— пишет американский политолог Уильям Хайленд,— привел к трем геополитическим изменениям, которые для Соединенных Штатов затмевают все другие: возникновение Германии, освобождение Восточной Европы и дезинтеграция бывшего Советского Союза» [29]. Ему вторит четырехзвездный генерал Колин Пауэлл, являвшийся до середины 1993 г. председателем Комитета начальников штабов вооруженных сил США. «Американо-советское противостояние,— замечает он,— налагало что-то вроде двухполюсного замка на весь мир и во многих отношениях способствовало его сохранению. Сейчас Советский Союз исчез, и этот замок снят. Новые тектонические пласты передвигаются под нами, вызывая нестабильность в десятке различных мест» [30]. Эту тему по-своему продолжает публицист из ФРГ Удо Бергдолль. «Как просто было все же ориентироваться в условиях конфликта между Востоком и Западом в биополярном мире! — восклицает он.— Немцы могли блистать в роли верного союзника по отношению к Западу и партнера из другого мира по отношению к Востоку, проявляющего большое сочувствие. Политическая география и колючая проволока спасали от опасности заблудиться. Но после падения берлинской стены, банкротства сталинских диктатур на Востоке, германского объединения и пробуждения националистических эмоций все оказалось на незнакомой территории» [31].

Возникшая из ликвидации военно-политического раскола Европы неопределенность, «незнакомая территория» новых непростых проблем заключается, в частности, в опасении со стороны стран ЦЮВЕ нежелательных последствий и консервативного наступления в России, и усиления Германии, и выхода из-под контроля национально-этнического конфликта в Боснии и Герцеговине, и т. д. Какая-никакая, пусть недемократическая, насквозь гегемонистская, но все же существовала в восточноевропейском регионе система безопасности в коммунистическом его прошлом. Она основывалась на милитаристской мощи СССР как одной из двух имевшихся в мире ядерных сверхдержав и на его союзнических обязательствах, взятых по двусторонним договорам о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи и в рамках многосторонней ОВД. Мысль лорда Каррингтона о том, что «если бы не пала советская империя, не произошло бы ни вторжения в Кувейт, ни развала Югославии» [32], заслуживает внимания.

В посткоммунистическом настоящем от упомянутой системы мало что сохранилось, интенсивность межгосударственных связей в регионе сильно упала, в

особенности связей с Россией. «От нынешней склонности русских к общечеловеческим ценностям, — пишет одна из пражских газет, — не стоит ждать принципиальных изменений в отношении к нам, тем более если учесть, что перспективы демократии в России весьма туманны» [33]. Такого рода суждений немало во всех странах ЦЮВЕ. Их нынешнее руководство проявляет настороженность по поводу развития событий в Российской Федерации и других государствах, возникших на территории развалившегося СССР. Развитие это в подлинно демократическом направлении кажется туманным, если вообще не маловероятным, не только, кстати, нашим «братьям» по бывшему социалистическому содружеству, но и все более значительной части самого российского населения.

В одном из отечественных журналов было справедливо замечено, что в самом общем, не абсолютном, но все же «достаточно строгим значении демократией принято считать такое политическое устройство, при котором народную жизнь (включая и власть) организует право (закон). Диктатура — когда народную жизнь (включая и право) организует власть» [34]. И если под углом этих определений взглянуть на пятилетний период перехода от коммунистического тоталитаризма к демократии, как-то не очень вырисовывается общий положительный вывод, остается больше тревожных вопросов, чем получается удовлетворительных ответов. Из преодоления идеологического и военно-политического раскола на Европейском континенте в результате повсеместного краха «реального социализма» не следует автоматической гармонизации национально-государственных интересов бывших членов ОВД ни между собой, ни с участниками НАТО, в частности интересов России и США. Обращаясь к этой мысли, «The New York Times» пишет: «Путаница в вопросе об отношениях Америки с Россией возникает из-за ложной предпосылки, что единственным конфликтом с Москвой во время „холодной войны“ была идеологическая борьба между демократией и коммунизмом. Все внимание уделялось именно этой борьбе. Но ведь был и другой, менее очевидный, конфликт еще до того, как Россия в 1917 г. стала коммунистической. Этот конфликт существует и по сей день — соперничество из-за сырья, экономического богатства и безопасности. Россия, занимающая одну седьмую часть суши с населением 150 миллионов человек, всегда будет соперником за обладание ресурсами, кто бы ее ни возглавлял» [35].

Этим весьма уместным в данном случае напоминанием влиятельной американской газеты об очевидной, в общем-то, реальности современных международных, межгосударственных отношений и хотелось бы закончить статью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pravda. 1993. 22 IV.
2. Congressional Research Service. The Library of Congress. 1990—1992. Washington, 1993. P. 257.
3. Североатлантический договор//Век XX и мир. 1990. № 11. С. 19.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
5. The Strategy of National Security. January. Washington, 1993. P. 3.
6. Rudé právo. 1993. 21. II.
7. Шушарин Д. Большевизм как высшая стадия шовинизма//Независимая газета. 1991. 26 II.
8. Die Welt. 1992. 13 I.
9. Шебаршин Л. Государственность новой России невозможна без сильной системы госбезопасности//Российская газета. 1993. 5 VIII.
10. Kein Verbrechen ohne Schuld//Der Spiegel. 1991. № 52. S. 33.
11. Буковский В. Чтобы противостоять правым, необходима сильная левая оппозиция//Известия. 1992. 3 IV.
12. Мурашкин В., Семедьяев С. Анетов стало меньше. Генералов — тоже//Российская газета. 1992. 15 V.
13. Прогулки с несуществующим поэтом//Московский комсомолец. 1992. 9 V.
14. Laquer W. Russian Nationalism//Foreign Affairs. 1992. Vol. 72. № 5. P. 103.
15. Михник А. Национализм: чудовище пробуждается//Век XX и мир. 1990. № 10. С. 15.
16. Обзор экономического положения Европы за 1992—1993 гг.//Компас. 1993. № 86. С. 26.
17. Goebbels J. Tagebucher 1945. Die letzten Aufzeichnungen. Hamburg, 1977. S. 177.
18. Huntington S. P. The Clash Civilizations?//Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. № 3. P. 29—30.
19. Spring in Winter. The 1989 revolutions//Ed. by Jwyn Prins. Manchester; New York, 1990. P. 235; Московские новости. 1990. № 23. С. 12; Правда. 1990. 1 VI. С. 8.

20. Известия. 1992. 16 VI. С. 3; Международная жизнь. 1988. № 11. С. 41.
21. *McAllister J. F. O.* A2 Trillion wick List. Russia require money and expertise beyond what even the richest donor nations can provide. But the West should still more//Time. 1992. № 49. P. 52.
22. Цит. по: Меньше танков — меньше работы//Аргументы и факты. 1994. № 4. С. 7.
23. *Александров Е., Колбин В.* Экономика страны погребена под горами оружия//Известия. 1992. 16 VI.
24. *Захаров М.* Визит к президенту//Известия. 1992. 22 IV.
25. *Adams G., Milar P.* Trayed Russian Army in an Area of Fragmentation//The Sunday Times. 1990. 21 I.
26. *Гук С.* Несостоявшийся марш-бросок к Атлантике//Известия. 1992. 22 II; *Бангерский А.* Западная Европа шокирована планами нападения на нее армий Варшавского договора//Независимая газета. 1991. 8 VIII.
27. Парижская хартия для новой Европы//Известия. 1990. 22 XI.
28. *Новопашин Ю. С.* О причинах краха международного коммунизма//Восточная Европа: контуры посткоммунистической модели развития. М., 1992. С. 12.
29. *Hyland W.* The Case for Pragmatism//Foreign Affairs. 1992. Vol 71. № 1. P. 44.
30. *Rowell C. L.* U. S. Forces: Challenges Ahead//Foreign Affairs. 1992. Vol 72. № 5. P. 41.
31. *Bergdoll U.* Der stille Triumph des alten Routiniers//Suddeutsche Zeitung. 1992. 7 I.
32. *Jackson J. O.* The Lessons of Bosnia//Time. 1993. № 30. P. 20.
33. *Česky denik.* 1993. 11 II.
34. *Разумов А.* Демократия в стране диктатуры//Свободная мысль. 1993. № 15. С. 7.
35. The New York Times. 1994. 14 II.

© 1994 г.

ПОСТТОТАЛИТАРНАЯ ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ (материалы «круглого стола») ¹

НОВОПАШИН Ю. С. В ноябре—декабре текущего года будет уже пять лет со времени крушения в Центральной и Юго-Восточной Европе (ЦЮВЕ) коммунистических режимов и последующего распада Советского Союза. Одни называют эти события революционными и видят «их существо в переходе от тоталитаризма к парламентскому плюрализму, гражданскому обществу, правовому государству» [1]. Другие — именуют контрреволюцией, выступающей под маской «реформ» и ставшей «сейчас всемирной витриной дискредитации капитализма» [2]. Третьи толкуют о «начале долгого, трудного возвращения народов региона в качестве европейцев к своим культурно-политическим корням, совершающих катастрофический прыжок в капитализм конца XX в.» [3].

Я придерживаюсь первой точки зрения, т. е. считаю крушение коммунистических режимов в странах ЦЮВЕ на рубеже 80—90-х годов и последующую пятилетнюю деятельность их новых властей революционными событиями, отражающими общемировую демократическую тенденцию. Разумеется, в разных странах эти революционные события происходили не совсем одинаково. Но очевиден и скрепляющий их стержень, если в подлинных революционерах видеть не разрушителей, а прежде всего новаторов, ищущих пути, способы и формы изменить старое, но делающих это терпеливо и разумно, не нанося вред тому, что выдержало проверку временем. Вполне согласен с профессором Л. Васильевым, когда он пишет, что «подлинные революционеры в конечном счете те, кого нетерпеливые разрушители с наганом именуют ревизионистами» [4].

Однако и две другие точки зрения, высказанные, кстати, нашими зарубежными коллегами, имеют под собой известные основания. Теперь, когда уже улеглись восторги относительно открывшихся перспектив развития восточноевропейских революций, а действительность оказалась весьма отличной от первоначальных позитивных прогнозов и глубины демократических преобразований, такого рода суждений становится все больше.

События пяти последних лет в регионе не назовешь ординарными в смысле их будничного протекания, не бьющего по карману большинства населения, а наоборот, укрепляющего народное благосостояние в том или ином аспекте.

¹ «Круглый стол» проводился в отделе современной истории и социально-политических проблем Института славяноведения и балканистики РАН в мае 1994 г. Участники — проф. Ю. С. Новопашин, д-ра ист. наук Б. Й. Желицки, Э. Г. Задорожник, Н. В. Коровицына, канд. ист. наук Е. Л. Валева, Ю. Ф. Зудинов, В. В. Мирошников, Г. Ю. Харциева.

Радикальность перемен во всех странах ЦЮВЕ проявилась пока что главным образом в полном сломе их старых производственно-хозяйственных и политико-идеологических систем, посредством которых осуществлялось функционирование и развитие этих стран четыре с половиной послевоенных десятилетия. Безболезненными такие перемены не были нигде и никогда. Тем более, что становление новых систем происходит, как правило, медленно, часто непродуманно и непоследовательно. Однако называть катастрофическими для восточноевропейских стран последние пять лет их развития, мне кажется, тоже было бы неправильно.

Таким образом, если кому-то хочется подчеркнуть радикальность происходящих в регионе перемен с помощью понятия «прыжка» от одного общественно-экономического строя к другому, возражений не возникает, но когда к этому понятию пристегивается определение «катастрофический», закрадываются все же сомнения в научной корректности подобного словоупотребления. Очевидно, это словоупотребление больше подходит к характеристике нынешнего состояния дел в России и ряде других государств, возникших в начале 90-х годов на территории бывшего СССР. Но разговор об этом, отнюдь не простой и однозначный, выходит за рамки нашего «круглого стола». Что же касается рассмотрения избранной для него темы, я думаю, следует, во-первых, остановиться на экономической ситуации в странах ЦЮВЕ; во-вторых, уделить внимание социальным аспектам, изменениям в общественной структуре этих стран; в-третьих, охарактеризовать панораму нынешних политических сдвигов в восточноевропейском регионе.

И еще одно соображение, которым и завершится мое вступительное слово. Вряд ли нам удастся сейчас избежать известной фрагментарности в анализе успехов и трудностей в деле трансформации хозяйственных и общественно-политических систем Центральной и Юго-Восточной Европы, в оценке первых пяти лет их посттоталитарного развития. Одна из причин моих на этот счет сомнений в том, что мы, так сказать, несколько опережаем события, ибо собрались в мае 1994 г., а пятилетие антикоммунистических революций будет отмечаться в этих странах лишь в ноябре—декабре текущего года, когда усилится, видимо, поток научных и публицистических материалов итогового содержания, которыми сейчас наши специалисты-страновики еще не располагают. Другая причина — сократившееся число наших специалистов по современной истории восточноевропейских стран.

ЖЕЛИЦКИ Б. Й. Поставленные Юрием Степановичем весьма важные и принципиальные вопросы переходного периода охватывают широкий круг проблем системного характера, которые возникли перед странами региона, отказавшимися на рубеже 80—90-х годов от прежнего советского типа социалистического развития. Действительно, встает вопрос о сущности наступивших перемен, о характере произошедших изменений — был ли отказ от прежней системы «прыжком в капитализм» или же его дискредитацией? К чему идет общество посткоммунистических стран?

Мне представляется, что при поисках ответа на эти и им подобные вопросы весьма важно учитывать следующие факторы. После того, как страны ЦЮВЕ отвергли прежний режим, отказались от командно-административных методов управления, в общественной сфере они безусловно повернулись в сторону демократии, базирующейся на многопартийной политической системе. Демократизация и плюрализм несомненно стали не только важнейшими составляющими или элементами зародившейся системы общественно-политических отношений, но и сущностью наступивших за последние пять лет изменений. По сути они и есть тот позитив, то основное достижение, которое необходимо отметить при анализе постсоциалистических преобразований в жизни стран региона. Не детализируя здесь издержки переходного процесса, следует подчеркнуть, что общество каждой из стран параллельно с отмеченными достижениями ожидало быстрых и стремительных перемен в экономической сфере и безусловного улучшения своего материального положения. Вместо этого, однако, период возвращения к ценностям буржуазного типа оказался весьма сложным и противоречивым, по

ряду причин сопровождался углублением социальных проблем. Социальная стабильность основной массы населения оказалась расшатанной, и это воспринимается как отрицательные последствия переходного периода. Видимо, сказывается отсутствие мирового опыта перехода от тоталитарных систем к демократии, от планово-распределительных — к рыночным.

Иными словами: основным содержанием наступивших перемен, которые я бы назвал политической революцией, является демократизация общественной жизни, плюрализация политической системы. Это — реальные достижения на пути к общечеловеческим ценностям. Но, а то, что происходит в сфере экономики и социальной жизни, мне представляется предметом особого разговора. Здесь, однако, все же следует отметить, что не политические, а именно социально-экономические факторы, те трудности и нерешенные (часто оставленные за пределами внимания новой политической элиты) проблемы вызвали нестабильность, социальную неуверенность в завтрашнем дне у большинства населения стран «новой демократии». Вследствие этого мы уже можем наблюдать некоторый процесс «отлива». Примером тому служат Польша и Венгрия, где политический «маятник» качнулся в обратную сторону. Представляется, что это не просто ностальгия по прошлому, а скорее предупреждение политикам, что с социальными факторами необходимо считаться.

Если пять лет назад массы стремились, главным образом, к изменению политической системы, то вопросы сегодня стоят иначе. Появились усталость и известная неудовлетворенность той политикой (и прежде всего ее социальными аспектами), которую проводит новая политическая элита в этих странах. Не замечать эти политические и социальные проблемы, а тем более проявившие себя тенденции в общественно-политической жизни, невозможно.

ЗУДИНОВ Ю. Ф. Нынешняя социально-экономическая и политическая ситуация в странах ЦЮВЕ не поддается однозначной оценке. Эйфория от быстрого крушения коммуно-тоталитарных режимов уже ушла, и на общественные настроения сильное влияние оказывает синдром «несбывшихся ожиданий». У значительной части населения, выросшей в атмосфере «развитого государственного патернализма», обеспечивающего пусть невеликие, но достаточно надежные социальные гарантии, не хватает способности адаптироваться к новым условиям. Но и значительная часть политической элиты ощущает себя не вполне «комфортно». Идет очередная перегруппировка политических сил, причем многие, совсем недавно составляющие ударную силу антикоммунизма, сегодня оказываются непримиримыми оппонентами. Явления раскола присущи всем частям политического спектра — и левым, и правым, и центристам.

В целом вряд ли возможно доказательно прогнозировать, сколько продлится в этих странах переходный период, дать четкую дефиницию нового общественного строя, к которому они движутся. Вряд ли это будет либеральное общество американского типа. Для Европы это не характерно — здесь либерализм, как правило, сочетается с обильными социалистическими (социал-демократическими) вкраплениями.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

ЗАДОРЖНИК Э. Г. Ключевой пункт трансформации экономической системы посттоталитарных стран Центральной и Юго-Восточной Европы — приватизация, выводящая хозяйство из удушающих объятий административно-командной системы управления. Проблема приватизации настолько серьезна, что с ней отчасти связан даже процесс распада Чехословакии. Раздел страны во многом пошел по линии большей или меньшей способности к приватизации, точнее, большей или меньшей привязки ее к целям экономического развития по принципиально новой модели. Чешской Республике, как представляется, удалось избежать мук посткоммунизма, которые являются причиной нестабильности других стран восточ-

ноевропейского региона и дают основание для приводившейся уже оценки их нынешнего развития как катастрофического. Премьеру В. Клаусу могут позавидовать не только его партнеры по бывшему «социалистическому содружеству», но и лидеры западных стран. Характерные черты нынешнего состояния чешского общества: политическая стабильность, социальное спокойствие, один из самых низких в Европе уровень безработицы, составляющий менее 4% (в Словакии, к примеру, — 15,1%), сбалансированный бюджет, положительное сальдо в торговле с 12 странами ЕС. Потрясающий результат: после первой волны приватизации с помощью купонов 80% взрослого населения владело акциями, а частный сектор к началу 1994 г. обеспечивал 60% валового национального продукта. Приватизация сыграла огромную роль в формировании социально-экономической структуры Чехии. В стране продолжает бурно развиваться частный сектор, который уже поглотил более 1,5 млн работников, уволенных с государственных предприятий.

ВАЛЕВА Е. Л. Можно ли, на Ваш взгляд, говорить о «чешском экономическом чуде», напоминая «немецкое чудо» конца 40-х — начала 50-х годов?

ЗАДОРОЖНЮК Э. Г. Думается, нет. И прежде всего потому, что, как говорится, от добра добра не ищут. То есть если экономические преобразования приобретают такой «чудесный» масштаб, когда зримо растет благосостояние всех вместе и каждого по отдельности, страна укрепляется, а не распадается... А здесь был скорее передел имевшегося, а не наращивание чего-то кардинально нового. Следует напомнить, хотя бы для контрастного сравнения с российской ваучерной приватизацией, что в течение первой волны чешской приватизации, завершившейся в 1993 г., купонная книжка, обладателем которой мог стать каждый совершеннолетний гражданин, давала ее владельцу в среднем около 30 акций одного или нескольких из 1491 приватизированного предприятия. Основные их фонды были оценены в 200 млрд крон. При 4,5 млн зарегистрированных дееспособных граждан это означало 44,4 тыс. крон (около полутора тысяч долларов) на каждую купонную книжку. Сейчас в республике проходит вторая волна приватизации. На этот раз будет делиться бывшее государственное имущество 800 предприятий и учреждений, стоимость которого составляет 146 млрд крон. Это означает около 37 тыс. крон на человека. И все же об экономическом чуде тут говорить вряд ли уместно, как представляется, по следующей причине. Перераспределение собственности — условие достижения благополучия, но отнюдь не само благополучие. Правда, указанное условие обнадеживает, ибо в немалой степени связано с фактом, что еще до ноября 1989 г. Чехословакия была высокоразвитой страной с производительными промышленностью и сельским хозяйством. Уровень богатства и эффективность трудовых ресурсов, на мой взгляд, и определили успех приватизации. Он состоит в том, что продуманность процесса разгосударствления собственности, обращенного в первую очередь к широкому слою населения, позволила в значительной степени сформировать и оживить рынок ценных бумаг. Это — «дыхательная система» экономики, без которой, как считалось ранее, можно и обойтись.

ЗУДИНОВ Ю. Ф. А как оценивают экономическую реформу в Чехии оппозиционные правительству силы?

ЗАДОРОЖНЮК Э. Г. Оппозиция заявляет: успех правительства объясняется главным образом тем, что трудные реформы в действительности еще не начались. Нельзя считать, что это полностью не так. Хотя приватизация с помощью купонов пользуется несомненным успехом у населения (в стране с населением 10 млн человек насчитывается 6 млн акционеров), она в настоящий момент сводится в основном к юридической передаче собственности, не обеспечив капиталом для модернизации предприятий. Приватизация не решила и такую серьезную проблему, как взаимная задолженность этих предприятий, которая оценивается Чешским национальным банком в 130 млрд крон (около 14% валового национального продукта), что значительно ограничивает возможности дальнейшего развития и капиталовложений. В настоящий момент Чешская Республика нахо-

дится у поворота. После первого этапа либерализации экономики, который повсюду в странах ЦЮВЕ повлек за собой появление множества мелких торговых предприятий и сектора услуг, оздоровление отраслей промышленного производства оказалось делом гораздо более сложным и рискованным. Эта задача является особенно деликатной в бывшей Чехословакии, где искусственно насаждалась и естественно отвергалась крайне немобильная и непроизводительная экономика.

Приступив ко второму этапу преобразований в экономике, социальная цена которого может оказаться очень высокой, правительство В. Клауса занимает выжидательную позицию. Это мнение западных экспертов. А эксперты восточные считают: все хорошо, есть на кого равняться...

МИРОШНИКОВ В. В. Успех экономической реформы в Чехии очевиден. Интересно было бы сравнить ее с ходом и результатами трансформации экономики в Словакии.

ХАРЦИЕВА Г. Ю. В событиях 1989 г. словацкие граждане поддержали радикальные экономические реформы. Но негативное отношение к прошлому не было подкреплено разработкой позитивной модели будущего хозяйства. Программа экономических преобразований в Словакии стала формироваться позже, чем в Чехии, скорее как реакция на экономическую реформу В. Клауса, не желавшего учитывать словацких реалий. В первой половине 1990 г. декларировалась лишь независимость частной собственности и допущение ее различных типов, включая и государственную. Как отмечается в подготовленном в апреле 1994 г. Экономическим университетом в Братиславе аналитическом обзоре состояния экономики Словацкой Республики, до сих пор отсутствует однозначно сформулированная цель трансформации экономики, программа будущего общественного устройства, прежде всего концепция рыночной экономики с ее социальными, экономическими и моральными аспектами. Подход к реформам неадекватен хозяйственным условиям Словакии; без подробного анализа состояния экономики осуществляется «шоковая терапия», поддерживаемая оживлением монетаризма. Авторы обзора считают, что концепция реформы была разработана по «федеральному сценарию», когда существовала единая Чехо-Словакия. Эта концепция подвергается критике, но мало что делается для ее изменения, некоторые подвиги заметны лишь в методах приватизации. Все это приводит к большим потерям в хозяйственной сфере. Так, валовый национальный продукт по сравнению с 1989 г. сократился на 68%, промышленное производство только за минувший год снизилось на 13,9%.

ВАЛЕВА Е. Л. А как все-таки проходит процесс приватизации в Словакии?

ХАРЦИЕВА Г. Ю. Как справедливо писал в братиславской «Pravde» 3 мая 1994 г. доцент А. Цыприх, этот процесс практически стал актом перераспределения национального богатства, идет фактическое разграбление страны. По его словам, прошедшая в стране «малая» приватизация принесла 14 млрд крон, но в действительности эта сумма не отражает реальной стоимости приватизационных объектов. Известно немало случаев, когда процветающие предприятия целенаправленно объявлялись банкротами, чтобы затем можно было продать их за бесценок. Такая же судьба, по мнению автора статьи, ожидает и 200 млрд крон, которые поступят от «большой» приватизации.

В программном заявлении правительства от 12 апреля 1994 г. говорится, что оно исходит из долгосрочного народнохозяйственного планирования, стремясь «заложить базу для динамичных преобразований, ускорить процесс трансформации экономики». И далее: «Мы даем новый старт процессу приватизации и возвращаемся к проверенному методу купонной приватизации». Правительство обязуется сохранять социальный мир, вести политический диалог для достижения наиболее приемлемых решений в процессе реформ, а также обеспечить «равенство методов приватизации и равноправие ее участников» [5].

МИРОШНИКОВ В. В. В Польше начавшаяся в 1990 г. приватизация дала не очень ощутимые результаты. В бюрократическом аппарате возникли Министерство преобразований форм собственности; Управление национального достоинства с местными отделениями; различные фонды на государственной финансовой

основе; структура Национальных инвестиционных фондов, Фонд развития рынка и демонополизации торговли. Демонополизация, кстати, в период перехода от административно регулируемой экономики к рыночной, не имея четко очерченных критериев, не всегда оказывалась благом, зачастую ее результаты были деструктивными. Например, именно такими, по мнению многих специалистов, стали последствия ликвидации снабженческо-заготовительной системы сельского хозяйства. Вообще реформирование сельского хозяйства приобрело весьма драматический характер. Лишенные всякой поддержки и намеренные к приватизации через акционирование госхозы в подавляющем большинстве представляют собой абсолютно разложившиеся и нежизнеспособные экономико-производственные комплексы. Немногим лучше выглядит ситуация и в единоличном секторе. В подавляющем своем большинстве слабо технически оснащенные и с низкой фондовооруженностью крестьянские хозяйства оказались неприспособленными к новым экономическим условиям. Цены в рамках госзакупок, хотя и были низки и зачастую не обеспечивали не только расширенного, но и простого воспроизводства, все же гарантировали какой-то минимальный доход. Результатом внедрения рыночных отношений и демонополизации стало то, что крестьянин остался наедине со всеми своими проблемами, лишившись какой-либо поддержки государства. Если к этому добавить резкое повышение процентов на кредиты и хлынувшее на польский рынок продовольствие из западных стран (где, кстати, сельскохозяйственное производство щедро дотируется из государственного бюджета), то станет ясно, что польские крестьяне оказались в очень тяжелой ситуации. Они реагируют на нее манифестациями, массовыми акциями протеста и т. д.

Не лучше обстояло дело в 1990—1991 гг. в промышленности. Ее государственный сектор вследствие проводившихся преобразований, изменения в экономической политике и внешнеэкономических приоритетах уподобился в значительной мере огромной, аморфной деградировавшей массе. Разрыв экономико-производственных связей со странами, входившими в бывший СЭВ, резко повысившаяся себестоимость продукции из-за роста цен на сырье и энергию, взаимные неплатежи и непоставки и т. п. вели к спаду производства. Сказалось также и то, что управление промышленностью в рамках планово-административной системы не было заменено на адекватное периоду вхождения в рынок. В соответствии с принятой в начале 1991 г. Программой повсеместной приватизации (ППП) предполагалось акционирование самых крупных предприятий. 60% акций предназначалось к передаче в совместную собственность всех взрослых граждан. Принцип уравнительности вызвал острую критику ряда специалистов. Сомнению были подвергнуты и другие положения приватизации. Одним из наиболее существенных изъянов программы признавалось то, что она не создавала условий для развития самостоятельного предпринимательства «снизу».

Не отстоявшись концептуально, имея в себе множество противоречивых моментов, направленных на ликвидацию малых предприятий и рецессию производства в крупных, приватизационная программа наряду с общей направленностью экономической политики имела своим итогом как снижение жизненного уровня, так и прогрессирующую безработицу.

НОВОПАШИН Ю. С. Я бы хотел дополнить выступление В. В. Мирошникова, который, на мой взгляд, нарисовал несколько более мрачную картину развития Польши, чем она есть на самом деле. Согласен, что в конце 80-х — начале 90-х годов спад там был чрезвычайно чувствительным. Причин этого много. Одна из них состояла, несомненно, в полном развале торгово-производственных связей страны с государствами, входившими в СЭВ. После упразднения последнего в Польше за короткий срок закрылись, по словам президента Л. Валенсы, 70 тыс. предприятий. То есть прекратился выпуск множества необходимых товаров, десятки и десятки тысяч людей остались без работы. Особенно сказался разрыв экономических связей с Советским Союзом, откуда поступало 50% импорта и куда направлялось 60% польского экспорта. Однако постепенно Польша начала выкарабкиваться из кризисной ямы. В 1992 г. она была единственной восточноев-

ропейской страной, у которой обозначились положительные показатели развития. После увеличения валового национального продукта в 1993 г. на 4%, а промышленного производства — на 6,2% она может рассчитывать в текущем году на аналогичный позитивный прирост.

Правда, безработица составляла к концу 1993 г. все же внушительную цифру — 15,7% всего трудоспособного населения страны. Эксперты указывают, что частный сектор, который произвел в прошлом году 55% ВВП Польши, пока еще не может предложить достаточное число рабочих мест для трудоустройства всех увольняемых сейчас работников государственных предприятий. По их прогнозам, к концу текущего года безработица может возрасти до 17%. В 1993 г. уровень инфляции составил 33,3%, что по сравнению с астрономическими показателями ее роста в России выглядит вполне удовлетворительно.

ЖЕЛИЦКИ Б. Й. Венгерское политическое руководство, которое в результате парламентских выборов весной 1990 г. пришло к власти, получило в наследство от прошлого весьма сложную экономическую ситуацию. А заключалась она в том, что в 80-е годы в хозяйственной сфере наблюдался спад производства, изнашивался машинный парк промышленности, структура производства медленно менялась и отвечала критериям «социалистической экономики», где промышленные гиганты часто являлись убыточными и почти повсеместно держались на государственных дотациях. Размеры внешнего долга, по подсчетам отдельных экономистов, достигли тогда такого уровня, что страна вышла на первое место в мире по этому показателю. К 1990 г. сумма долга составляла 20 млрд долларов на 10 млн венгров. Перед только что пришедшим к власти кабинетом Венгрии стояли четыре задачи первоочередной важности: 1) сохранение платежеспособности страны (эта задача была им успешно решена); 2) создание рыночной экономики и ее стабилизация; 3) обуздание инфляции и безработицы; 4) обеспечение роста производства. Уже с начала 1990 г. венгерское руководство решилось на проведение коренных реформ в экономике.

Согласно правительственной концепции необходимо было в интересах эффективности экономики передать государственную собственность в частные руки, возродить слой предпринимателей. Это предполагало прежде всего дать возможность бывшим собственникам (или их наследникам) некогда национализированных предприятий (банков, землевладений) получить возможность на частичную компенсацию убытков или на частичное возвращение бывшей собственности. Такой возможностью в Венгрии воспользовались около 800 тыс. граждан. К середине 1993 г. в ходе начавшейся после этого приватизации на месте нескольких тысяч госпредприятий и социалистических кооперативов было создано порядка 180 тыс. новых хозяйственных единиц. Около 600 тыс. предпринимателей стали работать в сфере производства в качестве частников. В конце 1992 г. они давали уже до 45% товарной продукции страны. Возрождение частного хозяйства руководство правившей партии (Венгерского демократического форума — ВДФ) считало сопитием исторического значения.

От приватизации ожидали модернизации производства, а также совершенствования структуры национальной экономики, создания активного и мощного класса собственников. Эти ожидания, однако, не оправдались. Сократились темпы приватизации. Государственное имущественное агентство, занимавшееся этим вопросом, нередко обвинялось со стороны оппозиционных сил в коррупции и взяточничестве. В 1993 г. даже представители Партии мелких хозяев, входившей в коалиционный с ВДФ правительственный блок, оценили приватизационные процессы как неудовлетворительные, считая, что госказна получила от приватизации мало средств. Представители Социалистической партии отмечали, что госсобственность передавалась собственникам за бесценок.

ЗУДИНОВ Ю. Ф. Поскольку Запад вложил немалые суммы в венгерскую экономику, какую роль сыграли в оживлении хозяйственной жизни страны иностранные инвестиции?

ЖЕЛИЦКИ Б. Й. Расчеты на то, что экономику страны поможет быстро

поднять и стимулировать иностранный капитал, также не оправдались. Ведь иностранные инвесторы, вкладывая свой капитал в производство и торговлю, стремятся к монополии в своей сфере. Они начали занимать ключевые посты и позиции в самых выгодных, прибыльных, в самых преуспевающих отраслях венгерской экономики. Они практически (что естественно) шли не туда, где в них больше всего нуждались, а туда, где им это было выгодно.

Правда, что касается иностранных инвестиций, вложенных в промышленность страны, то Венгрия находится впереди остальных стран бывшего соцлагеря. Если в 1990 г., т. е. до парламентских выборов, общий объем вложенного капитала составлял всего 1 млрд, то сегодня — уже 7 млрд долларов. Среди стран-инвесторов венгерской экономики первые места занимают США (29%), Германия (25%) и Австрия (12%), значителен также удельный вес французских, шведских и нидерландских вкладчиков. В целом, по данным международных экспертов, на Венгрию приходилось до 3/4 всех капиталовложений Запада в бывшие страны социализма в 1990—1993 гг.

Переход экономики на новые рельсы был связан с немалыми проблемами. Наблюдался спад производства, который привел к тому, что за период 1990—1993 гг. валовый национальный продукт уменьшился на 2%. Особенно резким был спад производства в 1991 г., когда в результате развала экономических связей стран, входивших в СЭВ (а сельское хозяйство Венгрии во многом было ориентировано на восточноевропейский рынок), объем промышленного производства в венгерской промышленности сократился на 41%, а в сельском хозяйстве — на 45%. В условиях кризиса перепроизводства затруднялась реализация товаров и продуктов питания. Но венгерские внешнеторговые работники, однако, быстро перестроились, и произошла переориентация на западные рынки. Ныне около 70% экспорта Венгрии идет в страны ЕЭС. В последнее время венгерские экономисты с надеждой смотрят на возможности восстановления и расширения связей со своими бывшими партнерами по СЭВ, в том числе с Россией и другими странами СНГ. Уже сегодня этот процесс активно разворачивается, в частности на начало 1994 г. в СНГ действовало почти 300 совместных с венгерскими предприятий, которые являются основой для укрепления экономических контактов. Говоря о масштабах экономического спада, надо отметить, что с 1988 по 1991 г. включительно промышленное производство в Венгрии сократилось наполовину. В 1992 г. практически оставалось на прежнем уровне, но с 1993 г. начался медленный рост.

ЗАДОРЖНЮК Э. Г. А как обстояло дело с перестройкой в сельском хозяйстве? Как известно, при кадаровском «либеральном социализме» аграрный сектор давал Венгрии первоклассную сельскохозяйственную продукцию. Следовало ли проводить реформы и в этой области?

ЖЕЛИЦКИ Б. Й. Да, этот вопрос неоднократно поднимался в парламенте: «А надо ли ломать то, что оправдало себя?» — вопрошали одни. Премьер-министр Й. Анталл с цифрами в руках доказывал, что в отличие от Дании (где сельское хозяйство тоже получает дотации от государства) венгерское производство в этой сфере более затратно и живет за счет госсубсидий. В итоге пришли к выводу о целесообразности развития фермерской системы хозяйства, но для селекционных работ решили сохранить стабильные госхозы и кооперативы. Началось преобразование собственности в сельском хозяйстве. Было разрешено кооперативное имущество распределить между 1,5 млн собственников. Государственная программа предлагала почти все земли госхозов передать в частные руки. Характерно, однако, что в 1992 г. появилось уже 1,2 млн собственников, но из них только 70 тыс. пожелали наладить свои самостоятельные фермерские хозяйства. Остальные вновь выбрали сельскохозяйственные кооперативы. Таким образом оказалось не только полностью сохранено 1200 кооперативов, но даже создано 200 новых! В целом же венгерское сельское хозяйство переживает глубокий кризис, очевидно, затяжного характера. Ведь по причине перепроизводства продуктов сельского хозяйства, сужения рынка сбыта наблюдается спад производства, снижаются посевы.

ВАЛЕВА Е. Л. В контексте только что сказанного кризис в сельском хозяйстве

Венгрии, конечно, несопоставим с тяжелейшим состоянием сельского хозяйства другой страны с традиционно развитым аграрным сектором — Болгарии. Одной из причин глубочайшего кризиса болгарского сельского хозяйства является резкая и неподготовленная ломка его социальной структуры в связи с восстановлением прав бывших собственников на землю, роспуском кооперативов и расхищением их имущества. На нынешнем положении сказались и негативные последствия аграрной политики в последние два десятилетия, когда ускоренное развитие престижных отраслей экономики (тяжелого машиностроения, электроники) привело к упадку сельского хозяйства. С 1990 г. ежегодное падение производства в этой отрасли составляло 5—7%, а в 1994 г. объем сельскохозяйственной продукции сократился на 20%.

Промышленность Болгарии также переживает кризис. За 1991—1992 гг. промышленное производство сократилось почти на 40%. В 1992 г. спад производства по отношению к предыдущему году составил 22%. По спаду валового внутреннего продукта (ВВП), инфляции, безработице, росту внутренней и внешней задолженности и некоторым другим показателям Болгария занимает первое или второе место среди всех восточноевропейских государств, а по объему иностранных капиталовложений стоит среди этих государств на одном из последних мест. Переориентация внешнеэкономических связей с Востока на Запад идет медленнее, чем у других стран бывшего «социалистического содружества» из-за слабой конкурентоспособности болгарских товаров. К нынешней тяжелой ситуации во многом привели грубые ошибки в процессе перехода к рыночной экономике. В частности, от существовавшего в Болгарии ранее планового хозяйства был осуществлен переход к строго монетарным мерам без какой-либо структурной перестройки.

ЗУДИНОВ Ю. Ф. Надо отметить, что Болгария вообще очень запоздала с началом экономической реформы, и осуществляется она крайне непоследовательно. Нередко не стыкуются и даже противоречат, взаимно тормозят друг друга процессы приватизации и реституции (возврата национализированной собственности прежним владельцам). В обществе высказываются опасения, что «народная», «социальная» приватизация (как это обещано правительством) в ряде случаев подменяется вполне реальной «номенклатурной» приватизацией. Тем не менее, в конце 1993 — начале 1994 г. в частную собственность уже перешло около 50% земли, более 60% сферы торговли и услуг (на долю частных приходится 2/3 розничного товарооборота). Примерно 3% болгарских граждан стали владельцами небольших магазинов, мастерских и т. п. В целом частный сектор охватил 20—25% экономики. С другой стороны, мало каких-либо заметных сдвигов в деле приватизации крупной промышленности (стратегический замысел правительства, обнародованный в конце 1993 г., — приватизировать до 1997 г. примерно 40% государственных предприятий). Практически ничего не сделано в области структурной перестройки хозяйства. В аграрной сфере наблюдается стремление не только сохранить старые, «социалистического образца» кооперативы (об их роспуске принят специальный нормативный акт), но и восстановить уже распущенные.

ВАЛЕВА Е. Л. Несколько слов в контексте обсуждаемой проблемы я хотела бы сказать о румынской ситуации. Пожалуй, в самом тяжелом положении находится именно экономика Румынии. Проведение реформы в 1994 г. задержалось, хотя законодательные основы приватизации начали там разрабатываться с весны 1990 г., практически сразу после отказа от административно-командного управления народнохозяйственным комплексом. Была разработана концепция приватизации, созданы новые общественные институты. В настоящее время в румынской экономике уже функционирует около 480 тыс. частных компаний. Приватизацию, как считает правительство, необходимо ускорить: ведь за 1993 г. власти продали лишь 220 небольших предприятий вместо предусматривавшихся 800—1000. Не было также ликвидировано ни одно обанкротившееся государственное предприятие среднего или крупного размера. 1994 год должен стать в

Румынии, согласно правительственным планам, годом «большой» приватизации: намечено акционировать 2,5 тыс. небольших, средних и крупных предприятий. Всего же в стране подлежит передаче в частные руки свыше 6 тыс. предприятий из семи. Еще в 1990 г. в Румынии принят закон о приватизации, по которому все заводы и фабрики были поделены на две категории: стратегические, не подлежащие приватизации; и предприятия, которые могли перейти в частные руки. Этим законом определялось соотношение: 70% собственности временно остается в руках государства, 30% — распространяется бесплатно среди населения в форме сертификатов. В отличие от России или Чехии, здесь не была применена система ваучеров (из соображений защиты интересов «маленького человека», не знакомого с биржевой игрой). Поэтому 30% бывшей госсобственности бесплатно распределено между 15 млн взрослых членов румынского общества при помощи сертификатов на собственность, которые представляют собой своеобразный гибрид между акцией и ваучером. Ход приватизации вызывает в Румынии (как, впрочем, и в других бывших социалистических странах) бурные споры: консерваторы обвиняют правительство в «распродаже родины», радикалы — в торможении передачи собственности в частные руки.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ. ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА

ВАЛЕВА Е. Л. Любой переход от одной системы хозяйствования к другой сопряжен со многими сложностями и издержками. Процесс вхождения восточноевропейских стран в рыночную экономику не составляет здесь исключения. Либерализация цен, инфляционные процессы, политика сдерживания денежных доходов населения везде привели к снижению реальной заработной платы. Собственно, ничтожная часть населения сумела за эти годы «сделать деньги», разбогатеть, все остальные мало что выиграли от рыночных (или псевдорыночных) преобразований. Предоставление самостоятельности предприятиям, их приватизация, сокращение государственных дотаций и кредитов привели к спаду производства. Пожалуй, одним из самых тяжелых последствий всего этого оказалась безработица — безошибочный индикатор серьезного обострения социального климата. На одном из первых мест по уровню безработицы стоит Болгария.

ЗУДИНОВ Ю. Ф. Действительно, численность «лишних людей» в Болгарии превысила в 1994 г. 600 тыс. человек, что составляет более 16% трудоспособного населения. Кроме того, ежемесячно пребывают в принудительных неоплачиваемых отпусках по 65 тыс. занятых. Эксперты полагают, что при переходе к следующей стадии реформы — структурной перестройке экономики — уровень безработицы еще больше повысится.

Другая проблема, создающая почву для социальной напряженности, — инфляция. В первом квартале 1994 г. инфляция в Болгарии составила 16,6% (вместо прогнозируемых 10%), а общий рост потребительских цен — 17,2%. Более половины болгар живут на уровне или ниже черты бедности. Обострению социальных проблем служит, в частности, и введение с 1 апреля текущего года налога на добавленную стоимость и очередное повышение цен на электроэнергию и бензин.

ВАЛЕВА Е. Л. В марте 1994 г. произошел серьезный «срыв» на валютном рынке Болгарии. Если Центробанку до этого в течение долгого времени удавалось обеспечивать сравнительно стабильный курс национальной валюты (22—24 лева за 1 доллар), то в конце марта официальный курс поднялся до уровня 1 : 65. В принципе к такому положению привело общее неблагополучие в экономической сфере. Немалая доля вины ложится и на отдельные политические и финансовые силы, которые пытаются создать панику на валютном и товарном рынке страны. Финансовые потрясения на валютном рынке привели к обострению социально-экономического кризиса в Болгарии.

ЖЕЛИЦКИ Б. Й. Проблемы инфляции, роста цен и безработицы стоят и в Венгрии, хотя там они не достигли той остроты, что в Болгарии. В венгерской экономике еще со второй половины 70-х годов началась медленная и затяжная инфляция, которая в 90-е годы по ряду причин ускорила. Здесь следует,

однако, указать на то, что в отличие от большинства восточноевропейских стран причиной венгерской инфляции был не дефицит товаров, а, наоборот, их перепроизводство. В конце 1990 — начале 1991 г. рост цен на энергоносители вызвал новую волну подорожания товаров. В 1991 г. произошел рост как оптовых, так и розничных цен в среднем на 30%, а в 1992 г. оптовые цены выросли уже только на 10%, а розничные — на 21%; примерно такой же была инфляция в 1993 г., что фактически означает ее снижение. Здесь же следует отметить, что в отличие, например, от Польши венгерскому руководству удалось избежать «шоковой» терапии или же гиперинфляции. Переход к рыночной экономике, осуществление реформ проходили плавно. Правда, даже рост цен за год на 10—20% так или иначе болезненно отражается на социально чувствительных слоях населения, бьет по жизненному уровню средне- и низкооплачиваемых. Характерно, что в этих относительно умеренных рамках (в России, например, в 1992 г. инфляция составила 2600%, в 1993 г. — 1100%), инфляцию в Венгрии удалось удержать в то время, когда цены на 90% товаров и услуг были уже полностью отпущены.

Безработица в Венгрии в ее скрытой форме имела место и ранее. В современных условиях она регистрируется официально. В 1990 г. безработные составляли 0,2%, а в 1991 г. — уже 1,7% трудоспособного населения страны, к началу 1993 г. удельный вес безработных достиг 13%, а затем началось его снижение, т. е., по расчетам специалистов, пик безработицы в Венгрии миновал. Возросшие капиталовложения, начавшееся оживление в промышленности и сельском хозяйстве позволили создать 50 тыс. новых рабочих мест. Ныне армия безработных составляет 650 тыс. человек, притом по сравнению с прошлым годом она сократилась на 1% и составляет 12% экономически активного населения. Безработные в Венгрии получают пособие, выделяемое правительством. Так, в 1993 г. для этих целей было выделено 52 млрд форинтов, что соответствовало тогда 600 млн долларов. Безработный в Венгрии (1991—1994 гг.) в первые три месяца получает 75% своей основной зарплаты, последующие девять месяцев — 60%. Минимальный размер пособия по безработице в 1993 г. был 8600 форинтов (или около 90 долларов), максимальный же — 18 тыс. форинтов (около 185 долларов) в месяц. По истечении года безработный, если ему не было найдено место работы, получает месячные субсидии в зависимости от общего дохода семьи.

МИРОШНИКОВ В. В. В Польше, как уже отмечалось, безработица прогрессирует. Так, в январе 1994 г. число безработных достигло 2,9 млн человек (при общей численности населения в 39 млн человек), что означало увеличение по сравнению с декабрем 1993 г. почти на 70 тыс. человек. Зарегистрировано же в январе было 190 тыс. новых безработных. Более 65 тыс. среди них не имели права на пособие. Считается, что если ведомство по безработным не получит дополнительных существенных средств на целевые и публичные работы, то можно ожидать увеличения численности безработных к концу года до 3,5 млн человек.

Растущая безработица привела к обострению еще одной серьезной социальной проблемы — проблемы бездомных. Решается, а точнее смягчается эта проблема в основном усилиями неправительственных организаций. Только в 1993 г. в Варшаве было открыто 6 новых приютов для бездомных, что позволило увеличить общее число мест до 1000 при численности бездомных в несколько тысяч. Однако ситуация в Варшаве по сравнению с другими городами выглядит благополучно. Например, в Лодзи, имеющей наиболее высокие показатели безработных и бездомных, в соответствующих приютах только 150 мест.

ЗАДОРОЖНИК Э. Г. В Чехии уровень безработицы самый низкий в Европе. Но при этом не надо забывать, что переход к рыночной экономике в Чехии осуществляется в специфических условиях. Здесь на фоне других стран ЦЮВЕ традиционно сохранялись более высокие материальные жизненные стандарты, трудовая этика и уровень культуры. Высоким был и интеллектуальный потенциал ученых-обществоведов, в частности экономистов, что позволило выдвинуть нескоропелые, а весьма продуманные концепции перехода к рыночной экономике.

А осознание необходимости кардинальных реформ зрело в чехословацком обществе еще со второй половины 60-х годов и особенно после подавления «пражской весны» и последующего процесса «нормализации». Т. е. весьма пригодились здесь разработки оппозиционных интеллектуальных сил. Конструктивную роль — и это следует подчеркнуть особо — играл и играет психологический фактор благоприятных ожиданий. Все это объясняет и успех экономической реформы в Чехии, и то, что социальные проблемы не достигли в ней такой остроты, как в других восточноевропейских странах. Тем не менее лидер чешских социал-демократов М. Земан, представитель главной оппозиционной партии в парламенте, отмечал: «Говорят, что уровень безработицы низкий, но в действительности мы все еще имеем дело с избыточным числом работников, так как к реорганизации промышленности еще не приступили» [6]. Он подчеркивал, что 65% промышленных предприятий и 85% сельских хозяйств неплатежеспособны, поэтому после первой волны приватизации следует ожидать волну банкротств. Представители же официальных властей придерживаются иного мнения, заявляя, в частности, что за последние четыре года число рабочих мест в промышленности уже сократилось на 25%, а в сельском хозяйстве — более чем на 50%, т. е. пик безработицы страной пройден.

ХАРЦИЕВА Г. Ю. Совершенно иная картина наблюдается в Словакии. В посттоталитарный период определенные негативные (хотя часто неизбежные) последствия экономической реформы, проводившейся В. Клаусом еще в бытность его главой правительства ЧСФР, больше всего ударили именно по Словакии. В республике, буквально наводненной (в отличие от Чехии) предприятиями ВПК, конверсия, осуществляемая в рамках реформы, повлекла за собой массовую безработицу, что в свою очередь способствовало созданию достаточно широкой базы для словацкого сепаратизма. По подсчетам экспертов, «экономика Словакии достигнет дна в 1995 г.». Среди специалистов существуют опасения, что стагнация может продолжаться несколько лет. Это положение в экономике вызывает напряженность и в социальной сфере. Около 43% граждан СР живут за чертой прожиточного минимума, а 15% просто бедствуют. Прогнозируется, что уровень безработицы с 14,5% в 1993 г. достигнет к концу 1994 г. 17—18%. Если учесть, что пределом, за которым ситуация чревата социальным взрывом, является двадцатипроцентная безработица, то прогнозируемая динамика не сулит ничего хорошего.

До конца года правительство планирует проводить такую макроэкономическую политику, которая снизила бы рост цен до 11—13%, безработицы — до 17% и увеличила валютные резервы до уровня, поддерживающего внутреннюю конвертируемость словацкой кроны и положительный платежный баланс. Особое внимание уделяется положению в здравоохранении и системе просвещения: предлагается увеличить расходы на эти нужды, изыскав дополнительные источники финансирования, в том числе и за рубежом.

ВАЛЕВА Е. Л. Экономическая реформа резко обострила социальные проблемы и в Румынии. Безработица, инфляция, падение жизненного уровня большей части населения привели многих румын к ностальгии по времени кажущейся стабильности и обеспеченности в прошлом. Девять из десяти румын считают (по данным опроса общественного мнения), что они живут «бедно» или «скромно». Реальная заработная плата, согласно официальной статистике, упала с 1989 г. на 45%. После либерализации цен в октябре 1990 г. к осени 1993 г. произошел рост цен на 3300%. Некоторые товары, например предметы домашнего обихода, стали дороже в 100 и более раз, что делает их недоступными не только для малообеспеченных, но и для среднего класса. Этот скачок цен лишь на 65% компенсируется повышением заработной платы. Понятно, что галопирующая инфляция и все «прелести» румынского перехода к рынку так же обесценили денежные сбережения населения, как это произошло и происходит в России. Если кто и приближается к границе, определенной Эндрю Нагорски как «катастрофический прыжок» в капитализм, который вряд ли может закончиться

чем-либо иным, кроме падения в бездонную экономическую пропасть, так это именно Румыния. Чтобы насмерть не разбиться в результате прыжка, правительству страны надо принимать уже просто неотложные и эффективные меры, которые бы снизили социальную напряженность, остановили продолжающийся падать жизненный уровень подавляющего большинства населения.

НОВОПАШИН Ю. С. Интересно было бы проследить, к каким изменениям в социальной структуре общества привел переход к рыночной экономике.

ЖЕЛИЦКИ Б. Й. В Венгрии еще в 1990 г. правительство провозгласило целью перемен создание среднего класса общества. Наряду с этим безусловно ставилась задача и укрепления позиций мелких предпринимателей. Следует отметить, что в Венгрии еще с кадровских времен в обществе образовался слой тружеников, которые в основное время работали на госпредприятии или в сельхозкооперативе, а в свободное время — как мелкие производители. В 80-е годы этот слой жил довольно зажиточно. Со сменой режима, когда провозглашалась задача создания среднего класса и отечественной буржуазии, некоторые из упомянутых тружеников приспособились и стали средними или мелкими предпринимателями. Появилась прослойка и крупных или акционеров-предпринимателей (среди последних немало выходцев из бывшей партийной элиты). В целом же подавляющее большинство таких тружеников превратились в наемных рабочих. Для немалого числа бывших среднезажиточных слоев венгерского общества оказалась реальной угрозой обеднения. Это, в свою очередь, означает, что развернулся процесс дифференциации в средних слоях общества, которые составляли значительную часть венгерского общества кадровских времен. Пренебрежение интересами этих слоев, основное ядро которых составляла венгерская интеллигенция, фактически и привело к поражению на майских (1994) выборах правящей коалиции.

Процесс «обуржуазивания» общества сложен. В стране недостает средств для поддержания среднего и мелкого предпринимателя. Прослойка «новых богатых», как их именуют в Венгрии, вышла из рядов бывших директоров госпредприятий, кооперативов, партноменклатуры 80-х годов, которые кооперировались, акционировались с представителями иностранного капитала и фактически заняли все ведущие экономические посты.

Таким образом, в Венгрии, как, впрочем, и в других странах ЦЮВЕ, в истекший пятилетний посттоталитарный период не произошло ощутимого расширения среднего слоя (класса), как это ожидалось или предполагалось новой политической элитой. Скорее наоборот — наблюдался процесс пролетаризации. Это подтверждено конкретными социологическими исследованиями, которые проводились в Венгрии, Чехии, Словакии, Польше, а отчасти и в России.

Новая система ценностей, связанная с материальной сферой, попытки создания рыночных отношений при отсутствии конкуренции приводят к наживанию и приобретениям часто нечестными путями, к обогащению узкого круга лиц. Однако это еще не означает, что создана в подлинном смысле слова новая буржуазия той или иной посткоммунистической страны. За пять лет такое совершить просто невозможно. Надстроечный уровень общественного организма, разумеется, более подвижен, чем базисный. Т. е. появилась новая политическая элита. Однако и она сильно поляризуется, а отчасти даже сменяется.

МИРОШНИКОВ В. В. Можно ли сделать вывод, что социальное неравенство в системе рыночных отношений стало значительно большим, чем было при прежней социалистической системе хозяйствования?

ЖЕЛИЦКИ Б. Й. Да, это несомненно так. Что касается Венгрии, то в 1992 г., согласно социологическим исследованиям, к прослойке наиболее бедных людей причислялось 2 млн человек (из 10 млн населения страны). В 1993 г. наступило некоторое улучшение благосостояния части составлявших эту категорию людей, однако на их место пришли другие, и данная процентная прослойка не уменьшилась. Конечно, такое количество остро нуждающихся, необеспеченных людей, подлинных бедняков, медленно, но верно сползающих к категории изгоев, люмпенов, — весьма опасное явление, так как из их рядов выходят сторонники

крайних политических сил. Массовое обнищание населения, равно как и пренебрежение интересами интеллигенции приводят к разочарованию в рыночном хозяйствовании и парламентских механизмах управления, создают в обществе устойчивый стереотип противоположности социально-ориентированного курса, с одной стороны, и либерально-демократического — с другой. Последствия этого уже рельефно проявились в сфере политики. Достаточно сослаться на польский, литовский, а также и на венгерский опыт.

КОРОВИЦЫНА Н. В. А мне хотелось бы остановиться на чешском опыте, который, при наличии в нем общих для всех восточноевропейских стран, имеет все же свою специфику. Развитие частного сектора экономики и формирование нового среднего класса в Чехии по существу возобновились только после 1989 г. Поэтому изменение системы общественных отношений и социальной структуры чешского населения в прошедшее пятилетие вместило в себя важнейшие особенности посттоталитарной трансформации стран бывшего «советского блока». Речь идет об уже практически повсеместно завершившемся первом этапе этой трансформации. Что было характерно для него? Прежде всего начавшийся отход от эгалитарных основ общественной жизни, от ее уравнилельных принципов, нивелирующих материальные и духовные потребности и возможности отдельных групп населения. Сравнительные социологические данные демонстрируют значительный рост неравенства людей в доходах — индивидуальных и семейных. Наиболее интенсивным этот рост был в 1992—1993 гг. Он последовал за быстрым спадом уровня жизни населения первых лет экономической реформы (в 1991 г. до 75% от показателя 1989 г.). В результате особенно резко обозначилась на общем фоне материальной дифференциации наиболее преуспевающая — примерно десятая часть чешского населения.

Роль главных, хотя и теряющих свой вес, факторов расслоения общества все еще сохраняли демографические: прежде всего пол, а для женского населения — еще и возраст, а также величина семьи. Степень участия в управлении тоже имела свое достаточно большое значение в распределении доходов мужской части населения. Что касается уровня образования, то роль его как преимущественно формального условия социального продвижения в системе отношений уравнилельно-перераспределительного типа снизилась уже в 1989—1991 гг. В следующие годы наметилась явная тенденция замещения традиционных демографических факторов материальной дифференциации новыми, характерными для общества либерального, рыночного типа — профессиональная деятельность и сложность труда, тесно связанная с уровнем его квалификации. Однако пока, как и раньше, шансы высококвалифицированных специалистов достичь высшего положения в обществе все еще значительно меньше, чем аналогичные шансы специалистов среднего уровня и даже квалифицированных рабочих. Слабое проявление меритократических тенденций общественного развития отличает его первую посткоммунистическую стадию. Для нее оказалась характерной симметричная модель социальных перемещений: примерно каждый десятый опрошенный повысил свой социально-профессиональный статус в 1988—1993 гг., но столько же — понизил.

ВАЛЕВА Е. Л. Можно ли говорить о том, что сегодня в Чехии существует многочисленный отряд частных предпринимателей?

КОРОВИЦЫНА Н. В. Несомненно. Он возник уже за два послереволюционных года. Около миллиона человек стали владельцами главным образом малых собственных предприятий, преимущественно в сфере торговой, транспортной или строительной деятельности. Однако уже к началу 1992 г. общая численность мелких предпринимателей относительно стабилизируется. Завершается период «рыночного романтизма» с его идеологией равенства возможностей быстрого обогащения, которая сменила идеологию тоталитарно-коммунистического эгалитаризма. Одновременно заканчивается и процесс резкого спада уровня жизни, вытолкнувший из госсектора на поиски новых источников доходов большое количество людей. Для преобладающего большинства лиц, входящих в разного рода предпринимательские структуры, эта их деятельность остается все же не

основным, а лишь дополнительным видом занятости. И хотя, по некоторым оценкам, каждый пятый чех трудоспособного возраста имеет теперь то или иное отношение к сфере малого бизнеса, но подавляющая часть экономически активного населения по-прежнему сохраняет свою связь с государственным или часто лишь формально приватизированным предпрятием.

В целом главные социальные сдвиги — возникновение среднего класса, как и становление экономической элиты — очевидно, еще впереди. Финансовая и имущественная дифференциация предварила этот пока неопределенный по срокам и содержанию процесс формирования новой, в сильной мере поляризованной социальной структуры населения. Первый этап посттоталитарной трансформации оставил после себя массовую категорию лиц с двойным или промежуточным статусом. А это значит, что переходный период общественного развития еще далек от своего завершения и допустимы различные его варианты. Даже в таком стабильном и благополучном, в отличие от других, обществе, как чешское.

ПАНОРАМА ПОЛИТИЧЕСКИХ СДВИГОВ

ХАРЦИЕВА Г. Ю. В политическом развитии Чехо-Словакии в первые же годы после «бархатной революции» первостепенную роль стал играть вопрос о государственно-правовом устройстве страны. С лета 1990 г. проблема будущего чехо-словацкой государственности становится даже более важной, чем экономические проблемы. После многочисленных переговоров чешских и словацких руководителей на высшем уровне, когда не удалось добиться ни четкой договоренности в отношении компетенций федеральных и республиканских органов, ни, тем более, заключения договора между обеими республиками, в июне 1992 г. прошли новые парламентские выборы. В результате в Чехии наибольшую поддержку избирателей получили реформаторы во главе с В. Клаусом, резко отрицательное отношение которых к конфедерации или «более свободной федерации», а также к каким бы то ни было коррективам в экономической реформе ради Словакии было известно еще ранее. Надежд на то, что они проявят готовность договориться с пришедшими в Словакию к власти членами ДЗДС (Движения за демократическую Словакию) во главе с В. Мечьяром, было ничтожно мало, ибо последние ориентировались в основных вопросах на диаметрально противоположные позиции. Это еще больше осложнило положение чехо-словацкой федерации. Определяющим у ведущих политиков страны стало стремление не к выяснению компетенций и формы федерации, а к «разводу». И несмотря на то, что социологические опросы даже в июле 1992 г. показывали, что ни в Чешской, ни в Словацкой республиках число сторонников разделения ЧСФР не достигло и половины (соответственно 43,7% и 34,9%), не был создан референдум, предлагавшийся президентом ЧСФР В. Гавелом еще в 1991 г. Судьбу единого государства решили политики, в результате чего на его месте в начале 1993 г. появились два новых — Чешская и Словацкая Республики. Этот акт, осуществленный цивилизованным путем, без вспышек митинговой активности или насилия, тем не менее, достаточно болезненно затронул экономику и другие стороны жизни Словакии, обострил проблему национальных меньшинств, создал опасность ухудшения геополитической обстановки в Центральной Европе, а в перспективе, возможно, и на европейском континенте в целом.

В начале 1993 г. в Словакии были постепенно сформированы новые органы власти. Президентом страны избрали Михала Ковача, экономиста из ДЗДС, получившего поддержку Партии левых демократов, Словацкой национальной партии и Христианско-демократического движения, а также малых партий, представляющих словацких венгров. Сильное политическое влияние оказывала фигура В. Мечьяра, премьер-министра с июня 1992 г. по март 1994 г., лидера ДЗДС.

В качестве приоритетов внешней политики неизменно рассматриваются формирование тесного сотрудничества с Чешской Республикой и достижение «словацко-венгерского» урегулирования. Последняя проблема непосредственно связана

с постоянно поднимаемым лидерами венгерских словаков и официальным Будапештом вопросом о положении венгерского нацменьшинства, проживающего в основном на юге Словакии.

Наиболее критический период для развития демократии в СР, когда продолжалось длительное противостояние между президентом и премьером, очевидно, закончился. Нестабильное правительство, создававшее риск социального и национального взрывов, окончило свое существование в марте 1994 г. С уходом с поста премьера В. Мечяра было сформировано новое коалиционное правительство во главе с Й. Моравчиком, в которое вошли представители Партии левых демократов, правого Христианско-демократического движения, а также партий центра (Альянс демократов СР, Национально-демократическая партия, Альтернатива политического реализма). Оно стоит перед весьма сложными задачами во всех основных сферах жизни страны и прежде всего в экономике.

МИРОШНИКОВ В. В. Политическую ситуацию Польши в начале посттоталитарного развития в значительной мере определяли стороны, участвовавшие в переговорах «круглого стола» в феврале 1989 г., т. е. ПОРП и ее союзники, общепольское соглашение профсоюзов и, конечно, «Солидарность». Последняя стала главной политической силой, но уже в 1989 г. в этой организации обозначились признаки серьезных противоречий: появилась фракция, заявившая о самостоятельности и несогласии с деятельностью и взглядами руководства, — «Сражающаяся Солидарность», которая обвинила руководство в забвении идеалов августа 1980 г. Но настроения раскола в некогда единой «Солидарности» охватывали и серьезных политиков. Эти настроения оказались настолько сильными, что даже в Гражданском парламентском клубе, объединявшем депутатов Сейма — членов «Солидарности», стали говорить о необходимости раздела по идейным соображениям. Особенно настойчиво выступали за такое разрешение противоречий представители правоцентристского «Соглашения Центр». Вообще довольно быстро после падения власти коммунистов началось разложение существовавших к этому времени политических блоков, течений и партий. Распад коалиции ПОРП с Объединенной крестьянской партией (ОКП) начался еще во время предвыборной кампании 1989 г., когда идеологи людовского (крестьянского политического) движения по существу развязали против коммунистов настоящую идейную войну. Впоследствии само людовское движение стало ареной острейших идейно-политических и личностных конфликтов. В нем наряду с организациями, даже своими названиями декларировавшими принадлежность или тяготение к «Солидарности», сформировались право-либеральный блок и блок, который можно назвать постОКП-вским. Функционеры, активисты и основная «членская масса» из бывшей ОКП сформировали после определенных перипетий Польскую людовскую партию, доминирующую в людовском движении. С некоторым опережением в левом движении того же результата достигла «Социал-демократия Республики Польша» — правопреемница ПОРП. На базе «Солидарности» в 1991 г. сформировались следующие идейно-политические направления: 1) либерально-демократическое (с лидирующими организациями — Демократический Союз и Либерально-демократический конгресс); 2) христианско-демократическое (Гражданское Соглашение Центр); 3) традиционное, христианско-национальное (Избирательное католическое действие); 4) рабоче-профсоюзное (Солидарность); 5) лево-рабочее (Солидарность труда); 6) радикально-националистическое (Конгресс независимой Польши); 7) людовское (Людовское Соглашение).

В самой «Солидарности», как можно заметить и из перечня направлений, определилось разделение на собственно профсоюзную и политизирующуюся часть, которая, занимая существенное место в политической панораме Польши, никак не покрывает ее всю. Помимо «Солидарности», в посттоталитарной Польше появилось и легализовалось много различных партий и движений. С рядом из них стали сливаться солидаристские организации, находя общую идейную платформу. Уже в 1990 г. в Польше действовало порядка 100 политических партий и движений, а теперь их больше 220. Среди право-националистических партий

можно назвать Национальную партию, Польскую национальную партию, Национальную партию «Щербец», Христианско-национальное объединение, Национальную Демократию, Национальное возрождение Польши, Национальный перелом и др. Консервативно-либеральное направление представлено Гданьским Конгрессом либералов, Движением польской политики и Союзом реальной политики.

ВАЛЕВА Е. Л. Становление новой политической системы в Болгарии протекает в условиях затяжного политического кризиса. Несмотря на то, что практически все партии провозгласили свое стремление к созданию правового государства, гражданского общества и рыночной экономики, политическая борьба между различными течениями не ослабевает. Она идет как за варианты реализации этих задач, так и за власть для их практического осуществления, а ведут ее две основные непримиримые политические группировки: Союз демократических сил (СДС) и Болгарская социалистическая партия (БСП).

ЗУДИНОВ Ю. Ф. Надо отметить, что эту борьбу подпитывают социально-экономические трудности, неурядицы, колебания и просчеты при проведении реформ. Нередко имеет место столкновение узкопартийных интересов, личных амбиций и т. д. Так, в начале апреля 1994 г. Ж. Желев публично заявил о своем отказе в доверии нынешнему правительству страны, которое, по мнению президента, провалило приватизацию, аграрную реформу, не сумело привлечь в Болгарию иностранные инвестиции. Такой кабинет начинает представлять опасность для гражданского мира и стабильности в стране, и он выгоден Болгарской социалистической партии (бывшим коммунистам), так как дает ей возможность управлять страной, не неся политической ответственности за само управление. Глава правительства Л. Беров (беспартийный, экономист, профессор) воспринял это заявление президента довольно хладнокровно, отметив, что глава государства имеет право на личное мнение, но судьбу правительства решает не президент, а парламент. Сам же Л. Беров уходит в отставку пока не собирается.

Однако положение правительства явно непрочно, хотя за полтора года своего существования оно благополучно пережило пять попыток вынесения вотума недоверия в парламенте. Весьма ненадежным, в известной мере противостественным выглядит поддерживающее до сих пор правительство парламентское большинство. Его основные составляющие — БСП и Движение за права и свободы (представляющее интересы мусульман и этнических турок — ДПС), т. е. по существу идеологические и политические антиподы. Достаточно вспомнить заявление лидера ДПС А. Догана, что приход к власти БСП будет означать начало гражданской войны. Против правительства и за досрочные парламентские выборы выступает Союз демократических сил. Аналогичную позицию занимают и наиболее влиятельные профсоюзные центры.

Таким образом, в ближайшие месяцы парламентские выборы в Болгарии (уже третьи за последние неполные пять лет) вполне вероятны, и различные политические силы активно готовятся к ним. Исход и последствия этих выборов неясны, но отнюдь не исключена возможность прихода к власти единолично или в коалиции бывших коммунистов, как это уже произошло в Польше и Венгрии. Прогнозы по поводу результатов выборов неоднозначны. Так, по данным опроса Института Гэллапа, около 31% голосов избирателей может получить БСП, 22% — СДС. Однако Болгарский институт анализа и исследований считает, что верх возьмет СДС — 26%, а социалисты получат 21% голосов. Другие партии — ДПС, аграрии, монархисты, — завоюют, согласно обоим опросам, от 4% до 5%, т. е. имеют шансы остаться, а невходящие — превратиться в парламентские партии. В любом случае ни одна из партий не получит решающего перевеса, и политической стабильности в стране ждать, очевидно, не приходится.

ЖЕЛИЦКИ Б. Й. Бывший венгерский премьер-министр Й. Анталл, единственный в регионе глава правительства, которому удалось остаться на своем посту без правительственных кризисов, заявлял, что ни одна политическая партия не осуществила бы лучше необходимые перемены, чем это сделал его кабинет. И в самом деле, на фоне преобразований в остальных странах региона Венгрия

может записать себе в актив и стабильность кабинета, и умение обойтись без «шоковой» терапии, и относительно низкую инфляцию, и умеренный рост цен, а также некоторые другие достижения. Вновь пришедшая к власти Венгерская социалистическая партия (ВСП), видимо, учтет уроки последних четырех лет и уделит проблемам социальной ориентированности экономики и политики больше внимания, чем бывшее правительство ВДФ, которое именно на этом споткнулось (на выборах в мае 1994 г. ВСП получила 209 из 386 парламентских мандатов, а «форумцы» из прежних 164 мандатов сохранили только 37). Во всяком случае такие намерения выразил лидер социалистов Дьюла Хорн, выступая в печати еще накануне выборов. Он отметил, что «победившее на выборах 1994 г. правительство будет обречено на поражение, если не согласует свою политику в области экономики, социального переустройства, смены рсжима» [7] с профсоюзными и социальными проблемами. Будущее покажет, насколько ВСП сдержит свое слово.

ВАЛЕВА Е. Л. Серьезные экономические проблемы Румынии привели к тому, что в конце 1993 г. румынское правительство меньшинства с трудом избежало вотума недоверия (с разницей всего в 13 голосов). Выступающие за радикальную экономическую реформу оппозиционные партии голосовали за вотум недоверия, исходя из того, что правительство тормозило проведение реформы, не смогло установить контроль над инфляцией, что оно за год пребывания у власти позволило государственным монополиям и коррупции задушить национальную экономику. Голосование проходило на фоне предупредительных забастовок и крупнейших за последние три года демонстраций. Профцентры поддержали оппозицию и угрожали всеобщей забастовкой в случае, если не будут удовлетворены их требования о повышении зарплаты, более быстрой приватизации и реформах системы социальных гарантий. Перед главой государства президентом И. Илиеску встала трудная задача проведения конструктивного диалога с лидерами политических партий.

Такую попытку он предпринял в январе 1994 г., когда состоялся первый раунд консультаций президента с представителями парламентских партий с целью заключения политического соглашения о сотрудничестве. После этого, как полагают некоторые политологи, внутривнутриполитическое развитие Румынии может пойти двумя путями. Первый заключается в сохранении парламентского большинства правящей партии — Партии социальной демократии Румынии, но при кооптации в правительство представителей Партии национального единства румын, Демократической аграрной партии, националистической партии «Великая Румыния», и, возможно, Социалистической партии труда — наследницы компартии. Этот путь, скорее всего, не приведет к реальным политическим изменениям, а лишь усилит зависимость правящей партии от националистических и социалистических партий (популярность которых растет).

Второй путь прогнозируемого политического развития страны — это образование коалиции правящей Партии социальной демократии Румынии и Демократической конвенции, представляющей собой блок оппозиционных партий. Сформирование на основе этой коалиции правительства способствовало бы преодолению политического раскола в румынском обществе. Президент Илиеску весьма скептически относится ко второму варианту развития внутривнутриполитической ситуации, полагая, что разногласия в рядах партий Демократической конвенции делают эту задачу невыполнимой. Однако независимо от того, по какому пути пойдет развитие внутривнутриполитической обстановки в Румынии, трудности неизбежны.

НОВОПАШИН Ю. С. Любопытен следующий факт. Около месяца назад судья бухарестского муниципального суда Мирела Под посчитала, что устав и программа Румынской коммунистической партии (РКП) не противоречат положениям закона и приняла решение о ее официальной регистрации. Таким образом, через четыре года после восстания против режима Чаушеску компартия возродилась в Румынии под прежним своим названием. То есть эти четыре года огромных трудностей для большинства населения не могут не способствовать

известному сдвигу в обществе влево, когда уже далеко не все воспринимают слово «коммунист» как обязательно бранное, оскорбительное, когда увеличивается число по преимуществу молодых людей, отвергающих социальную мимикрию бывших коммунистов типа И. Илиеску, И. Вердеца и других, которые ныне именуют себя социалистами. Эти молодые люди решают «бороться за идеалы освобождения труда под испытанными знаменами марксизма-ленинизма». Новая РКП насчитывает около 4 тыс. членов, имеет филиалы в различных городах страны, а ее председатель — 30-летний экономист Виктор Хынку закончил факультет планирования и кибернетики в бухарестской Академии экономических наук и защитил диссертацию по экономическому менеджменту. Штаб-квартира «новой» партии в г. Тыргу-Жиу. Это, конечно, частный пример известной подвижки общественного сознания влево, но хотелось бы спросить моих коллег о реакции населения на происходящие преобразования и в других восточноевропейских странах. Произошли ли за пятилетие этих преобразований, подчас весьма противоречивых, изменения в ценностных ориентациях «бывших строителей социализма»? Что, в частности, говорят об этом результаты социологических исследований?

КОРОВИЦЫНА Н. В. После 1989 г. опросы общественного мнения по широкому кругу проблем современной жизни в бывших социалистических странах при поддержке западных фондов и специалистов приобрели массовый и достаточно систематический характер. Сравнительный анализ полученных данных показывает значительное разнообразие и объективных характеристик процесса общественной трансформации, и их субъективного восприятия даже для соседних центрально-европейских государств. Наиболее массовое одобрение нынешнего общественно-политического режима на начальных этапах его существования было зарегистрировано в Чехии. Преобладающее большинство опрошенных здесь осенью 1991 г. считало его лучше по сравнению с предшествующим режимом периода «нормализации». Восприятие негативов нового строя, таких, как утрата атрибутов социальной защищенности, проявилось в Чехии, особенно в первые посттоталитарные годы, в наименьшей степени: развитие частного сектора экономики только тогда стало здесь возможным. Оба фактора: режим «нормализации» как крах демократических надежд времен «пражской весны» и последующая коммунистическая реакция, с одной стороны, и расчеты на радикальное обновление после «бархатной революции» 1989 г. — с другой, в Словакии были выражены гораздо слабее, поэтому и реакция населения на перемены здесь в целом была менее оптимистичной, чем в Чехии.

Полярный характер приобрели в Польше оценки действительности, которая уже в 1990—1991 гг. породила большое количество не только сторонников перемен, но и их противников — результат длительного экономического кризиса, разочарования в правительственной политике. Подавляющее большинство поляков чувствовало свою беззащитность перед новой реальностью, испытывало недоверие к властным структурам, допускало возможность массового сопротивления их политике.

На фоне «мягкого» кадаровского варианта социализма 70—80-х годов в Венгрии начало 90-х годов принесло людям ощущение неопределенности и падения уровня жизни, вызвав волну неприятия происходящего. Венгры, в противоположность чехам, в наименьшей степени были склонны считать тогда, что справедливо и оправданно резкое обогащение одних и, напротив, обнищание других и что отсутствует равенство возможностей социального продвижения в новых условиях. Чехи отличались наиболее высоким уровнем удовлетворенности своими доходами. Особенно резко контрастировали их оценки уровня бедности в своей стране по сравнению с аналогичными оценками, сделанными в Польше и Венгрии.

Однако жизнь внесла коррективы в эти представления первого посттоталитарного этапа. Так, уже в 1990—1992 гг. 40% активного населения Чехии на собственном опыте испытало необходимость смены вида профессиональной деятельности, а 14% — так или иначе почувствовало последствия приватизации.

Данные конца 1992 г. свидетельствовали, что достигнутый к этому времени уровень дифференциации доходов населения неприемлем для 90% опрошенных в Словакии и 75% — в Чехии. Для Польши этот показатель составлял 80%. Преобладающее большинство населения высказалось за необходимость государственного регулирования доходов.

По состоянию на 1993 г. достаточно денег в семейном бюджете на покупку продуктов питания было у 60% опрошенных в Чехии и 40% в Словакии, на одежду — соответственно у 42% и 26%, на проведение досуга — у 36% и 18%, на медицинское обеспечение — у 69% и 29%, на получение образования — у 58% и 28%. Ретроспективная оценка теми же респондентами ситуации по перечисленным статьям расхода семейного бюджета по состоянию на 1988 г. была близкой к 80—90-процентному уровню для обеих республик.

ХАРЦИЕВА Г. Ю. Следовательно, можно сделать вывод, что с течением времени отношение населения к послереволюционным социально-экономическим трансформациям существенным образом меняется.

КОРОВИЦЫНА Н. В. Это так. Объективное содержание самих общественных перемен, с одной стороны, и укорененность идеологии государственного патернализма и эгалитаризма — с другой, стимулируют постоянное снижение доли оценивающих происходящее и ближайшее будущее в целом позитивно и тем более идеализированно оптимистично. Одновременно вслед за спадом революционных, антикоммунистических настроений с 1991 г. фиксируется непрекращающееся падение «веса» политических ценностей демократической общественной и государственной жизни. Оно компенсируется значительным усилением роли ценностей, связанных с семейными ориентациями прагматического плана. Через семью, развитие личной, в том числе частнопредпринимательской, инициативы для удовлетворения семейных потребностей в меняющихся и часто не к лучшему условиях происходит постепенная адаптация к ним населения восточноевропейских стран.

ЗАДОРЖНИК Э. Г. Мне хотелось бы остановиться на проблеме поисков региональной идентичности восточноевропейских стран. В течение прошедших после 1989 г. пяти лет в них развертывались неоднородные процессы, которые можно частично обобщить, видимо, только сегодня. И это взгляд, охватывающий страны в целом как регион. Но уже качественно иной, хотя еще и не в полной мере регион сформировавшийся. Я особенно подчеркиваю этот момент, ибо, как представляется, к концу XX в. экономика и политика во всем мире стала определяться как экономика и политика регионов. Ближайший и убедительнейший пример — Западная Европа. Отсюда неизбежен для бывших стран «социалистического содружества» момент выбора: стремиться к интеграции с регионом или организовываться в свой? Поначалу странам бывшего «социалистического лагеря», ощутившим вкус свободы, казалось: лучше, что надо делать, — это в одиночку устремляться к «подлинной» Европе. Государства сегодняшней Центральной Европы слишком демонстративно отворачиваются от России — и поворачиваются к Западной Европе. Там региональная идентичность проявляется, пожалуй, с наибольшей определенностью, но ведь не для того, чтобы меняться. Следовательно, надо или «пристраиваться в очередь» к западноевропейскому уже сформировавшемуся региону (памятуя, что не все еще государства этого региона вошли в Европейское сообщество, ставшее после Маастрихта Европейским союзом; скажем, Греция или Португалия довольно долго ждали своей «очереди»), или же оформляться в самостоятельный регион. Мне представляется более перспективным по целому ряду причин второй путь. Назову лишь одну: устоявшиеся в регионе при всех их плюсах и минусах внешнеэкономические связи. Стоит ли демонтировать их до конца или же, возможно, лучше их «ремонтировать»? Ибо на западноевропейские рынки, учитывая повышение уровня сплоченности стран Европейского союза, прорваться очень трудно. Это ощутила на себе даже Чехия. Существует и другая возможность — развивать свой рынок в рамках региона да еще с ориентацией на «внешнеэкономическую экспансию» в сторону стран СНГ

(пока там «не забыли» вкус болгарского вина, или удобную чешскую обувь, или объемистые венгерские «Икарусы» и т. д.). Либо же развивать эти связи в рамках таких, например, субрегионов, как Вишеградская четверка или Балканы.

ЗУДИНОВ Ю. Ф. С момента последней встречи Вишеградской четверки прошло известное время. Какие же позиции занимают страны в настоящее время?

ЗАДОРЖНЮК Э. Г. Можно сказать несколько слов о некоторых предпосылках и итогах встречи в Литомышле (Чехия) в апреле 1994 г. Что это — приглашение в «переднюю» Западной Европы, демонстрируемое участием Германии и Австрии во встрече? Или попытка определиться самостоятельно? Мне представляется, что большая Германия с достаточной определенностью отметила приоритетность второго пути. Отношения на равноправных условиях для стран ЦЮВЕ с регионом западнее — и с совокупностью стран восточнее (может быть, осознающими, что и они должны стать регионом) и формирование полновесного региона. Внимательнее рассмотрим встречу в Литомышле. Ключевыми в контактах президентов семи стран (Австрии, Венгрии, Германии, Польши, Словакии, Словении и Чехии) были теледебаты и симпозиум по проблемам общеевропейского сотрудничества. Л. Валенса выразил мнение, что лучше говорить о единой, а не Центральной Европе. Но единой — без России. А это для Германии и других стран Европейского Союза, к примеру Франции, нонсенс. Более взвешенную позицию занимал А. Генц (президент Венгрии), который полагает, что общеевропейское и региональное сотрудничество должны дополнять друг друга. Тогда возможна и Европа в качестве «широкого региона» или того, что М. Горбачев именовал «общеевропейским домом». Я вижу нечто символическое в том, что следующую встречу руководителей семи стран будет принимать президент Венгрии, который, на мой взгляд, наиболее адекватно оценивает проблему регионального и общеевропейского единства.

Хотелось бы подчеркнуть следующее: поиски региональной идентичности интенсифицируются. Наша задача — не только внимательно следить за ними, но и учитывать глобальные тенденции жизнеустройства в мире в целом. Одна из них — образование регионов, их укрупнение, эффективное сотрудничество между ними. Без дискриминации стран по идеологическому или геополитическому признакам.

НОВОПАШИН Ю. С. Последнее выступление Э. Г. Задорожнюк выводит наш «круглый стол» на важную и самостоятельную проблему развития посттоталитарной Восточной Европы — международные, межгосударственные отношения в регионе. Мне уже приходилось писать, что за последнее пятилетие интенсивность этих отношений снизилась, в особенности межгосударственных [8]. Внешняя политика России, объявившей себя правопреемницей СССР, энтузиазма у бывших наших «братских» стран явно не вызывает. Жители Центральной Европы, как отмечает пражская печать, «опасаются двух гигантов — России и Германии, в территориальном пространстве между которыми образуется „вакуум безопасности“». Заполнить его и призван Североатлантический альянс. При этом не следует „пугать“ Россию, с ней можно наладить и „особые отношения“, но не допускать ее к полноправному членству в НАТО. В противном случае блок потеряет свою лицо, формировавшееся на протяжении десятилетий. В итоге судьба Европы решалась бы лишь великанами, а малые страны вновь тряслись бы от страха за свое существование» [9].

Иными словами, если Э. Г. Задорожнюк видит перспективу за вторым из обрисованных ею путей региональной политики, то восточноевропейские страны уповают все-таки на первый. А как о промежуточном этапе чешские руководители, к примеру, рассуждают о преимуществах «интеграции Центральной Европы», максимально возможной интенсификации сотрудничества в пределах этого ближайшего для их страны региона. «Мы, — подчеркнул в беседе с корреспондентом «Frankfurter Allgemeine» Бертольд Колером премьер-министр Чешской Республики Вацлав Клаус, — ведем речь о СЕФТА (запланированная центральноевропейская зона свободной торговли). Никто другой, как чехи продвигали вперед

этот проект и испытывали трудности, стремясь увлечь за собой других членов Вишеградской группы (Венгрия, Польша, Чехия и Словакия.— Ю. Н.), а также Германия и Австрия являются естественными партнерами, с которыми хотелось бы поддерживать наилучшие отношения» [10].

Такого рода суждений немало и в других восточноевропейских странах. Они свидетельствуют о смене в этих странах внешнеполитической парадигмы, которая определялась в 40—80-х годах двумя взаимосвязанными процессами — советизации и сателлизации. Последние теперь единодушно квалифицированы как негативные, принесшие только вред. Но если вместо них будет развиваться процесс безоглядной «вестернизации», а внимание к России все более ослабевать, как собственно, и было в истекшие пять лет, это не послужит делу обеспечения европейской безопасности в посткоммунистическую эру.

Однако тему, обозначенную Э. Г. Задорожнюк, оставим для следующего «круглого стола», симпозиума или научной конференции. Она того заслуживает. Одно совершенно ясно: из преодоления идеологического и военно-политического раскола на европейском континенте в результате повсеместного краха «реального социализма» не следует автоматической гармонизации национально-государственных интересов бывших членов Варшавского Договора ни между собой, ни с участниками НАТО. Многие на это за последние пять лет как бы закрывали глаза, находясь во власти некой посткоммунистической эйфории относительно новых горизонтов партнерства во имя мира. Его, однако, ошибочно было бы понимать на манер приснопамятной «теории бесконфликтности». Партнерство во имя мира органически включает в себя элементы не только добрососедства, сотрудничества в разных областях, но и соперничества, конкуренции. Это — объективный закон межгосударственных, международных отношений, игнорирование которого ведет не к прогрессу последних, а лишь к взаимным обидам и осложнениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мусатов В. Перемены в Восточной Европе и наша перестройка//Правда. 1990. 14 V.
2. Давидову М. Любовь к мифам неистребима//Комсомольская правда. 1994. 12 V.
3. Nagorski A. The Birth of Freedom: Shaping Lives and Societies in the New Eastern Europe. New York, 1993. P. 4.
4. Васильев Л. Контрреволюционер Мао и революционер Дэн//Известия. 1994. 21 I.
5. Pravda. Bratislava. 1994. 12 IV.
6. Výber. Bratislava. 1994. N 10.
7. Magyar Nemzet. Budapest. 1993. 10 VII.
8. Политические партии и движения Восточной Европы. Проблемы адаптации к современным условиям. М., 1994. С. 15—16.
9. Mladá Fronta Dnes. Praha. 1994. 10 VI.
10. Frankfurter Allgemeine. 1994. 21 II.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ГРАФА И. БЕТЛЕНА

Нашумевшая и многократно описанная история загадочного исчезновения в Будапеште в конце второй мировой войны шведского дипломата Р. Валленберга была не единственной в своем роде. Почти одновременно с Валленбергом в 1945 г. и при весьма схожих обстоятельствах из Венгрии исчез и бесследно пропал в СССР граф Иштван Бетлен, в 1921—1931 гг. занимавший пост премьер-министра Венгрии, а позднее, вплоть до 1944 г., — влиятельный неофициальный советник регента Хорти. В отличие от «дела Валленберга», «дело графа Бетлена» стало достоянием гласности лишь недавно...

7 декабря 1944 г., когда войска 3-го Украинского фронта под командованием маршала Толбухина вели бои на дальних подступах к Будапешту, в одну из разведывательных частей обратился венгерский гражданин, представившийся графом Иштваном Бетленом и пожелавший как можно скорее встретиться с высокопоставленным офицером из штаба советских войск. Как вскоре выяснилось, незнакомец действительно оказался графом И. Бетленом, бывшим премьер-министром Венгрии. С марта 1944 г. до встречи с советскими передовыми частями, граф Бетлен находился на нелегальном положении, скрываясь в лесном охотничьем домике одновременно и от немцев, и от нилашистов, пришедших к тому времени к власти в Венгрии и объявивших его розыск. Объясняя позднее свой переход на советскую сторону, он заявил, что хотел быть полезным, чем мог, в послевоенном устройстве Венгрии.

О дальнейшей судьбе тогда уже 70-летнего политика до самого последнего времени мало что было известно. Имелись сведения, что с декабря 1944 г. и по апрель 1945 г. И. Бетлен прожил в Венгрии под домашним арестом. Затем якобы был переправлен в Москву, где вскоре предположительно и умер. Но как, при каких обстоятельствах и какие решения принимались в Москве на его счет — не было известно ровным счетом ничего. Между тем, как свидетельствуют недавно рассекреченные советские документы, переданные венгерской стороне и опубликованные в газете «Magyar Nemzet» специальным выпуске от 18 мая 1993 г. [1], все то время, пока граф Бетлен находился под домашним арестом в расположении советских частей, а затем в Бутырской тюрьме, его дальнейшая судьба не переставала заботить высшие эшелоны власти в Москве.

И. Бетлен — потомок древнего аристократического рода, родился в 1874 г. в Трансильвании в семье крупных землевладельцев. Образование юриста получил в Будапештском университете. Совсем молодым человеком в самом начале века Бетлен начинает активно заниматься политикой и вскорости достигает определенных высот. Говоря об И. Бетлене как об одной из самых серьезных и видных фигур

«политического театра» Венгрии между двумя мировыми войнами, стоит отметить, что он практически с начала своей политической карьеры принадлежал к консервативному лагерю, ориентировавшемуся до первой мировой войны на такие политические фигуры, как граф Андрашши младший, последний министр иностранных дел Австро-Венгрии, а после ее окончания — адмирал Миклош Хорти.

Выдвижением на первые роли в политической жизни Венгрии граф Бетлен обязан прежде всего своему участию в ликвидации венгерской Советской республики. После начала революции Бетлен скрывался в Вене, где начал формировать антиреволюционное движение, затем стал инициатором интервенции Антанты в Венгрию и даже призыва румынской армии для разгрома венгерской Красной армии. После разгрома венгерской Советской республики, в 1920 г., граф Бетлен избирается депутатом парламента от города Ходмезевашархей, а через год, во многом благодаря поддержке соратников по «команде Андрашши», самого Андрашши, а также регента М. Хорти, с которым графа связала затем многолетняя дружба, становится премьер-министром Венгрии.

Одним из самых любопытных и во многом показательным эпизодом десятилетней политической деятельности Бетлена на посту премьера стала история с наследником габсбургского престола — Карлом IV. К моменту, когда Бетлен возглавил правительство Венгрии, заграничные и местные сторонники реставрации монархии Габсбургов в стране готовились посадить Карла (Кароя) IV на венгерский престол. Поначалу Бетлен играл в этой истории двойственную роль, выдавая себя за сторонника монарха. Позднее, когда в мае 1921 г. претендент на престол нелегально вернулся в Венгрию, Хорти и Андрашши поручили Бетлену убедить Карла IV до поры до времени покинуть страну, дабы не вызывать распространения нежелательных, явно антимонархических настроений. Бетлен с успехом выполнил возложенную на него миссию.

Однако спустя полгода неугомный наследник опять возвратился в Венгрию, после чего Хорти и Бетлен, по большому счету не желавшие реставрации непопулярного в Венгрии и нежелательного для стран Антанты австрийского монархического дома, решили закрыть этот вопрос окончательно. Посланные против неудачливого наследника войска захватили последнего и передали в руки Антанты. Вскоре парламент Венгрии принял закон об отречении от трона Габсбургской династии, а правительство Бетлена взяло перед Антантой официальное обязательство впредь без ведома держав-победительниц вообще не заниматься вопросом о королевстве.

В советской историографии деятельность И. Бетлена по определенным причинам, в том числе из-за его таинственного исчезновения в СССР, нечасто привлекала внимание специалистов. Впрочем, и в самой Венгрии вплоть до последнего времени о нем вспоминали редко. Если можно так сказать, И. Бетлен «вернулся в историю» с приходом к власти демохристианского правительства Й. Анталла после всеобщих выборов весной 1990 г. После этого о нем и его правительстве стали вспоминать и говорить, вышли первые монографии [2]. Интересно, что из долгого забвения Бетлен вышел вместе со своим покровителем, соратником и другом адмиралом Хорти, которого премьер Й. Анталл в одном из своих выступлений по телевидению назвал «настоящим патриотом», что, на наш взгляд, многое объясняет и в политике кабинета самого Анталла.

В самом деле, всю свою политическую карьеру граф Бетлен был тесно связан с адмиралом Хорти — регентом и практически единоличным правителем Венгрии в межвоенную пору. Они вместе боролись с Венгерской Советской республикой, вместе «отваживали» Карла IV от венгерского трона, каждый на своем месте, но все же сообща добивались ревизии тяжелейшего для Венгрии Трианонского мирного договора 1920 г., по которому страна потеряла две трети своей довоенной территории и треть населения. Кстати, по тому же Трианонскому договору земельные владения самого Бетлена в Трансильвании, как впрочем и сама Трансильвания, целиком отошли к Румынии.

Так что в реваншистской и ревизионистской политике правительства графа Бетлена был и определенный личный момент. Любопытно, что граф и не скрывал своих внешнеполитических задач, откровенно заявляя: «Часто думают, что только говорить

о географических и естественных границах Карпатского бассейна, о нашем экономическом единстве и исторических правах уже достаточно для оправдания нашей ревизионистской программы. Ошибается тот, кто так думает...» [1]. Для реализации своей «ревизионистской программы» премьер Бетлен намечал и конкретные шаги:

1. Без референдума необходимо вернуть Венгрии те пограничные территории, где проживает венгерское население (в частности, южные районы нынешней Словакии, территория вдоль австро-венгерской границы — Бургерланд, часть Закарпатья и Трансильвании);

2. Провести референдум в Банате и Бачке (современные Воеводина в Югославии и часть Румынии), где венгерское население не составляет большинства;

3. Предоставить автономии Трансильвании, обеспечить равноправие всех проживающих там народов [1].

Позднее, уже после ухода Бетлена с поста премьер-министра, внешнеполитическая программа собирания земель «великой Венгрии» была развита регентом Хорти и правящей элитой. В конце 30-х годов, при помощи гитлеровской Германии, дело, как известно, кончилось аннексией части Словакии, Закарпатья, Воеводины, Северной Трансильвании.

Правда, в отличие от Хорти, граф Бетлен не был большим сторонником пронемецкой ориентации Венгрии, отдавая предпочтение «англосакской» линии, отчетливо проявлявшейся во внешней политике его кабинета. Бетлен считал, что реализация «ревизионистской программы» и собирание «великой Венгрии» произойдут с помощью Англии в ходе «крестового похода» против советской России [1]. Верным «англосакской» ориентации Бетлен остался и после отставки, вплоть до окончания второй мировой войны, уговаривая Хорти пойти на сепаратный мир с США и Англией. Не будучи официальным лицом, а лишь доверенным Хорти, одно время он даже пытался начать в Стокгольме сепаратные переговоры...

Уход в 1931 г. И. Бетлена с поста главы венгерского правительства по времени совпал с пиком мирового экономического кризиса, жестоко ударившим и по экономике Венгрии, отозвавшись тяжелым финансовым кризисом [3]. Немалую роль в отставке Бетлена с поста премьера, наряду с давлением оппозиции, сыграла и Франция, имевшая в то время немало рычагов влияния на внутриполитическую ситуацию в Венгрии. Во Франции не забыли, да и не простили графу его участия в крупнейшей международной афере 20-х годов, связанной с изготовлением в Венгрии фальшивых франков для дестабилизации финансовой системы Франции, чтобы хотя бы таким образом «отомстить» последней за Трианонский договор, а заодно получить необходимую валюту для поддержки сепаратистских провенгерских движений в окружающих странах.

Покинув пост премьер-министра, граф Бетлен тем не менее из большой политики не ушел, надеясь со временем вернуться на первые роли. Расчетам его, однако, не суждено было сбыться. После явной переориентации Венгрии на Германию в середине 30-х годов «англофил» Бетлен переходит в оппозицию, сохранив, однако, связи с умеренными кругами правящей Партии единства. Вокруг него группируются антигермански настроенные аристократы, часть финансовой буржуазии, крупные промышленники, духовенство. Ему по-прежнему благоволят и прислушиваются к его советам регент Хорти. Вплоть до начала второй мировой войны граф Бетлен остается очень влиятельной фигурой в венгерской политике.

Не случайно поэтому секретная записка советского МИД, составленная вскоре после того, как И. Бетлен попал в СССР, содержала такую характеристику: «... Бетлен играет ведущую роль в политической жизни Венгрии, имеет большое влияние на консервативное крыло венгерских правящих кругов. Все важные решения принимаются на основании его советов и консультаций с ним» [1].

Что касается отношения Бетлена к СССР, то здесь надо сказать, что он никогда не был сторонником сближения с Москвой, считая, что превращение Советского Союза в военно-промышленную державу «неизбежно приведет к панславянской политике» [1], которая будет угрожать независимости Венгрии и других стран

Карпатского бассейна. Тем не менее, как политик-прагматик, Бетлен не мог делать вид, что СССР не существует. В 1924 г. он вел переговоры с Москвой о взаимном признании и обмене дипломатами. Достигнутое соглашение Бетлен, однако, не передал на ратификацию парламенту, заявив, что венгерское общественное мнение еще не готово к такому внешнеполитическому шагу. И все же весной 1941 г. прагматик Бетлен охотно установил контакт с советской миссией в Будапеште, а осенью 1944 г. вышел из своего убежища навстречу советским войскам.

Судя по рассекреченным документам из архивов МИД и органов госбезопасности СССР по «делу Бетлена», в высших эшелонах власти в Москве были немало озадачены фактом появления в расположении советских войск бывшего главы венгерского правительства [1]. Как явствует из заявления Бетлена перед офицерами Советской Армии сразу же после перехода через линию фронта, бывший премьер Венгрии предложил советскому руководству свои услуги и опыт в деле послевоенного устройства Венгрии. По словам Бетлена, «будущая Венгрия должна иметь такое правительство, члены которого будут представлять все влиятельные партии страны, т. е. христианско-социалистическую, социал-демократическую, демократическую, коммунистическую и крестьянскую партии» [1].

Явно претендуя на роль политического советника-распорядителя в послевоенном устройстве Венгрии, Бетлен уже в беседе с офицерами политуправления 3-го Украинского фронта дает характеристики отдельных венгерских политиков и, соответственно, рекомендации советскому руководству. «Формируемый в настоящее время блок из трех партий¹ без христианских социалистов и демократической партии — нежизнеспособен. Коммунистические эмигранты, как Ракоши, равно как и граф Каройи², который прожил последние 20 лет в Лондоне, как считает Бетлен, не имеют авторитета у нации. Другая ситуация с такими личностями, как бывший премьер-министр Каллаи³, который всячески саботировал требования немцев, вследствие чего был подвергнут аресту со стороны венгерских фашистов, или бывший заместитель министра иностранных дел Сентмиклоши..., имеющие авторитет у широких масс населения. Многих из этих людей гестапо бросило в тюрьму, выслало в Германию, однако в Венгрии еще можно найти людей, способных управлять страной, сохранить ее независимость и свободу, а также обеспечить ей достойное место в семье европейских народов...» [1].

Если судить по рассекреченным документам, переписке высших должностных лиц в Москве, решающую роль в дальнейшей судьбе графа Бетлена сыграла не только его прошлая политическая биография, о которой по заказу Кремля были подготовлены две подробные конфиденциальные справки в МИД СССР и ТАСС. Не меньшее значение имело уже тогда обозначившееся противостояние режима Сталина с союзниками по антигитлеровской коалиции, переросшее чуть позже в «холодную войну».

Вот какую характеристику дал И. Бетлену заместитель наркома иностранных дел В. Деканозов в секретной записке от 17 февраля 1945 г. на имя наркома иностранных дел В. Молотова: «В связи с запросом т. Пушкина о бывшем премьер-министре Венгрии Стефане Бетлене считаю необходимым сообщить Вам следующее. Граф Бетлен является наиболее видной фигурой венгерской реакции и убежденным сторонником английской ориентации. Как в период своего пребывания на посту премьер-министра Венгрии (1921—1931 гг.), так и в предвоенные годы он всегда враждебно относился к Советскому Союзу. Его попытка пассивного „сопротивления“ немцам в последние два года лишь доказывает то, что он в этом отношении шел нога в ногу с кликой Хорти, в силу чего немцы не нашли нужным его изолировать. Бетлен не мог скрыть своих убеждений и на допросе после перехода на нашу сторону, где он лицемерно доказывал, что в новом

¹ Венгерская Компартия, Социал-демократическая партия и Партия мелких хозяев, входившие в Венгерский национальный фронт независимости.

² Граф М. Каройи был первым президентом Венгрии в конце 1918— начале 1919 г.

³ Миклош Каллаи встал во главе правительства в 1942 г. и находился на этом посту до марта 1944 г.

правительстве Венгрии „желательно иметь представителя компартий“, но только „ни в коем случае не на посту премьер-министра, так как страна еще не созрела для коммунистического режима“.

Сам факт перехода Бетлена на сторону Красной Армии следует рассматривать как политический маневр, рассчитанный на то, чтобы спасти себя и те реакционные элементы, которые стоят за ним. Он рассчитывал на активную деятельность, о чем заявил на допросе ясно, что „если после падения Будапешта мне будет дана возможность вернуться в столицу, я безусловно смогу оказаться полезным в деле создания нового временного административного аппарата“...» (цит. по [1]).

Подобная «лестная» характеристика одного из первых лиц сталинской администрации по тем временам не предвещала ничего хорошего для того, кому она давалась. После сказанного было бы странно, если бы сталинский режим принял предложение графа и позволил бы ему играть хоть какую-либо заметную роль в послевоенной Венгрии. Для Москвы оказались однозначно неприемлемой сама фигура Бетлена как политика и перспектива его возвращения. Какие же «выводы» предложил Деканозов Молотову в отношении графа Бетлена?

«Если сейчас, когда в Венгрии стали активизироваться правые элементы..., — продолжал в секретной записке Молотову Деканозов, — мы допустим заниматься политикой таким опытным деятелям венгерской реакции, как Бетлен, это только усилит позиции правых сил в стране. Кроме этого, нельзя оставлять без внимания, что на днях в Венгрию приезжают англичане и американцы⁴. Наверняка, англичане попытаются установить связь с Бетленом, чтобы использовать его в своих собственных интересах...

Мы так решили, что Бетлена нужно изолировать. Вместо этого сейчас он находится лишь под домашним арестом в городе Кишкереш и имеет возможность поддерживать связь с внешним миром. На основании всего изложенного считаю, что *Бетлена на самом деле надо изолировать, отправить в СССР, поддержать там несколько, после чего окончательно уладить вопрос* (выделено в документе.— Ф. Л.).

Зам. Наркоминдел В. Деканозов.
17 февраля 1945 г.

Копия отправлена тов. Меркулову».

Резолюция В. Молотова на записке Деканозова была краткой и однозначной: «Тов. Лаврову. К исполнению» [1].

Как видно, доводы Деканозова оказались настолько убедительными, что Молотов даже не попытался что-то перепроверить или справиться о состоянии здоровья 70-летнего графа. Судьба бывшего премьер-министра Венгрии тем самым была предрешена. 22 февраля 1945 г. последовала депеша Деканозова наркому госбезопасности В. Меркулову: «Исходя из того, что Бетлен — один из видных деятелей венгерской реакции, убежденный сторонник англосаксонской линии и враждебно относится к Советскому Союзу, мы решили не допустить, чтобы Бетлен продолжил политическую деятельность, и изолируем его... Тов. Молотов В. М. согласен с этим предложением и приказал его немедленно выполнить. Вышеизложенные факты я довожу до Вашего сведения для того, чтобы это постановление было выполнено...» [1].

Приказ Молотова и Деканозова, надо полагать, не заставил ждать своего исполнения, и вскоре «до окончательного улаживания вопроса» за графом Бетленом захлопнулись ворота Бутырской тюрьмы. Участвовать в послевоенном урегулировании и политической жизни Венгрии ему уже не пришлось. Напрасно жена — графиня Маргит Бетлен, оставшаяся в Будапеште, после таинственного исчезновения мужа пыталась что-либо узнать о его судьбе. В феврале 1946 г. она пишет письмо на имя всемогущего Генералиссимуса: «Господин Генералиссимус! Я, жена Иштвана Бетлена, после долгих раздумий решила обратиться к Вам. Год назад я получила от него (мужа.— Ф. Л.) письмо из Кунсентмиклоша, где он в

⁴ Члены союзной Контрольной комиссии.

то время находился под охраной как гость Советской Армии. В начале апреля его оттуда вывезли, но куда — не знаю, хотя в Венгрии говорят, что в Москву. С тех пор все мои старания что-либо узнать о нем не увенчались успехом...

Если в Венгрии кто и не заслужил подобной участи, то это мой муж. Несколько раз, выступая в верхней палате парламента, он требовал вернуть наших солдат с Восточного фронта, из-за чего немцы после оккупации нашей страны хотели его арестовать, а ему самому пришлось бежать и на протяжении целого года скрываться... При каждом удобном случае он пытался повлиять на регента в том, что заключение мира — его долг перед страной...

Не знаю, какова причина того, что моего мужа не отпустили на свободу, быть может из-за недоразумения или клеветы..., как бы то ни было, поймите, господин Генералиссимус, моему мужу уже 72 года и он уже не может растрчивать свои годы иначе, как на благо себе и своих любимых...

Извините, что обращаюсь к Вам, но здешние советские военные и политические органы уклоняются от этого вопроса...» [1].

Ответ М. Бетлен так и не дождалась, хотя копии ее письма были разосланы Молотову, Вышинскому, Деканозову. Последний, правда, начертал на письме свою резолюцию: «Тов. Лаврищеву. Запросите СМЕРШ — в каком состоянии Бетлен и где находится». На этом, однако, вся «работа» с письмом графини, видимо, и закончилась.

5 октября 1946 г. 72-летний граф Бетлен, как явствует из заключения медицинской службы Бутырской тюрьмы, скончался «от остановки сердца, наступившей вследствие общего атеросклероза» [1]. Любопытна одна формулировка врача Бутырской тюрьмы — полковника Ларина, подписавшего заключение о смерти бывшего венгерского премьер-министра: «Здоровье заключенного Бетлена резко ухудшилось..., несмотря на то, что он регулярно получал дополнительный паек (яйца, масло, сахар, вино, печенье, сыр, фрукты и т. д.)» [1].

Фраза свидетельствует, что Бетлена в Бутырке считали не временно находящимся там, а обычным заключенным, хотя его не осудил ни один суд и формально считаться заключенным он не мог.

О смерти Бетлена Министерство госбезопасности уведомило Совет Министров СССР. Где похоронили графа — до сих пор неизвестно. Документов на этот счет пока нет, хотя, насколько нам известно, венгерская сторона до самого последнего времени на очень высоком уровне пыталась это выяснить. В самой Венгрии о смерти бывшего премьера узнали не сразу и то далеко не все. Между МИД в Москве и советским посольством в Венгрии (посланник Г. М. Пушкин) началась целая переписка о том, как лучше сообщить венграм о смерти Бетлена.

Товарищу Вышинскому.

Тов. Пушкин ждет указания — может ли он сообщить венграм и если — да, то в какой форме, о смерти бывшего премьер-министра Венгрии Иштвана Бетлена, содержавшегося под стражей в Советском Союзе.

Учитывая сегодняшнее политическое положение в Венгрии в связи с арестом Белы Ковача⁵ и кампании, развязанной англичанами и американцами, не считали бы Вы целесообразным, чтобы некоторое время мы не сообщали венграм о смерти Бетлена. Такое сообщение могли бы использовать против нас венгерские реакционные круги и их союзники.

Прилагаю проект телеграммы, отправляемой тов. Пушкину.

А. Власов⁶
14 апреля 1947 года.

Будапешт. Тов. Пушкину

Телефонограмма № 941
18 апреля 1947 г.

На основании указания тов. Вышинского, прошу информировать насколько по-вашему целесообразно в сегодняшней политической ситуации Венгрии сообщить венграм о смерти Бетлена.

А. Власов [1].

⁵ Генеральный секретарь Партии мелких сельских хозяев, одной из ведущих политических партий в Венгрии. В феврале 1947 г. был арестован органами госбезопасности СССР.

⁶ Завотделом МИД.

В ответной секретной телефонограмме советский посланник в Будапеште на следующий день сообщал: «Москва. Тов. Власову. Не вижу препятствий к тому, чтобы сообщить венграм о смерти Бетлена. Бетлен был в глубоко преклонном возрасте, и здесь никто не удивится его смерти» [1]. Телеграмма была послана в трех экземплярах, в том числе Молотову и Вышинскому.

Заметим, что на дворе уже был апрель 1947 г., а Бетлен умер в октябре 1946 г. Какая в итоге форма была избрана для обнародования столь «взрывоопасной» информации, как смерть бывшего венгерского премьера, бесследно исчезнувшего в Москве, не до конца ясно. Известно лишь, что в канун 1948 г. в венгерских правительственных кругах «распространилась» информация о том, что «недавно» в России скончался Бетлен. Министр финансов в тогдашнем венгерском правительстве Миклош Ньяради 9 марта 1948 г. в неофициальной форме сообщил об этом английскому послу. Никаких официальных сообщений в венгерской печати не появилось. Из этого можно заключить, что советское посольство в Будапеште и советский МИД в конечном итоге остановились на строго конфиденциальной форме оповещения избранных членов правительства⁷.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Magyar Nemzet. 1993. 18 V.
2. Romsics I. Bethlen István graf. Politikai életrajz. Budapest, 1991.
3. Краткая история Венгрии. М., 1991. С. 374.

⁷ Когда статья была в наборе, пришло сообщение, что прах графа Бетлена обнаружен на одном из московских кладбищ и в конце мая 1994 года перевезен в Будапешт, где и захоронен.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

И. ЗАХАРИЕВА. Македония. Името на раздора. Б. м., 1992. Ч. 1: Гръцките комунисти, Коминтернът и македонският въпрос (1918—1940). 200 С.

И. ЗАХАРИЕВА. Македония. Синоним раздора. Ч. 1: Греческие коммунисты, Коминтерн и македонский вопрос (1918—1940)

Новые исследования, непосредственно касающиеся Македонского вопроса, всегда привлекают внимание специалистов и добавляют оттенки в формирование каждой из трех основных концепций — болгарской, греческой и югославской, — отражающих разные взгляды на этнотерриториальный и исторический аспекты этого вопроса. Своевременной в этом смысле оказалась работа И. Захариевой, в которой главным является греческий сюжет. Осенью 1991 г. в результате дезинтеграции СФРЮ появилось новое европейское государство — Республика Македония. Ее признанию сопротивляется правительство Греции, для которого неприемлемо название «Македония». Книга И. Захариевой частично проливает свет на значение Македонского вопроса для Греции.

Рецензируемая монография посвящена межвоенному периоду и отражает всю сложность для греческих коммунистов выработки своей позиции по национальному вопросу. Разногласия внутри партии накладывались на вынужденное лавирование между инструкциями Коминтерна и Балканской Коммунистической Федерации (БКФ), с одной стороны, и требованиями, предъявлявшимися реальной политической и этнической ситуацией в Греции — с другой.

Македонский вопрос в национальной политике греческой компартии до сих пор был объектом исследования главным образом югославских авторов, не располагавших рядом важных документов Коминтерна и БКФ. Позиция югославских историков заключалась в констатации существования «македонской нации» и критике греческих коммунистов за непризнание права на самоопределение «македонского меньшинства» в Греции. В греческой историографии указанной проблеме уделялось скромное место: в межвоенный период

компартия играла незначительную роль в общественно-политической жизни, ее деятельность расценивалась в Греции как «предательство» национальных интересов в пользу Коминтерна и БКФ (в которых ощутимым было влияние болгарских коммунистов).

Основной источниковой базой для автора послужили малоизвестные и неизвестные документы Центрального партархива Болгарской социалистической партии в Софии; используются также материалы национальных библиотек Афин, Белграда, Софии, библиотек «Бенаки» и Института марксистских исследований в Афинах, ЦК АКЕЛ и Патриаршей библиотеки в Никосии, бывшего ЦПА ИМЛ в Москве.

Проблема межнациональных отношений в рамках Греческого государства наибольшую актуальность в межвоенный период имела в первой половине 20-х годов, когда активно шел процесс освоения греками присоединенных в результате войн территорий с компактным негреческим (в основном славянским) населением. Противодействуя попыткам северных соседей — Югославии и Болгарии — протекционировать славянскому населению Северной Греции, греческие власти на короткий период признали македонских и фракийских славян болгарами. Это позволило Афинам свести внешнеполитический аспект проблемы к двухсторонним отношениям с Болгарией. Внутриполитический аспект заключался в борьбе политических партий за голоса представителей национальных меньшинств.

Автор справедливо определяет политическую программу греческого правительства как придание в короткий срок Эгейской Македонии и Западной Фракии греческого общественно-политического, национального и культурного облика. Эта про-

грамма реализовывалась путем вытеснения болгарского населения, законной основой чего стала болгаро-греческая конвенция (1919) о «добровольной эмиграции». Решающим фактором в изменении этнической ситуации в Северной Греции стало расселение более миллиона греческих беженцев, иммигрировавших в страну из Малой Азии после поражения Греции в войне против Турции в 1922 г. К середине 20-х годов эмиграция болгар из Македонии и Фракии значительно сократила их долю в этническом составе населения, усилив его гомогенность. Оставшееся болгарское меньшинство было включено в процесс национальной, политической и культурной ассимиляции и интеграции в греческое общество. Этим перемен долго не осознавало руководство Коминтерна и БКФ.

С присоединением в 1920 г. Греческой рабочей социалистической партии, принявшей добавление «коммунистическая» (ГРСП(к)), а с 1924 г. ставшей Коммунистической партией Греции, к Коминтерну греческие коммунисты восприняли лозунг «Балканско-дунайской советской федерации», призвав существование разъединенных частей болгарской нации в Македонии, Фракии и Добрудже. Один из руководителей БКП, В. Коларов, в 1922 г., будучи секретарем БКФ, предложил выдвинуть лозунг создания «объединенной и независимой Македонии». Между входившими в БКФ компартиями возникли первые трения по национальному вопросу — против предложения Коларова выступили югославские и греческие представители. Они отстаивали «национальное единство новосозданных государств», тогда как болгарские коммунисты выступали за «единую и независимую Македонию» в рамках Балканской федерации.

Пытаясь преодолеть разногласия, Коминтерн заменил тезис о «разделенной Болгарии» тезисом о «разделенных между балканскими странами Македонии и Фракии», вводя термины «македонский народ» и «фракийский народ». С последними не согласны были греческие коммунисты, продолжавшие считать жителей Фракии греками, болгарами и турками, а македонцев — болгарами, стремящимися к независимости Македонии как переходному этапу для воссоединения с Болгарией. В то же время БКФ потребовала от ГРСП(к) вместе с БКП способствовать срыву процесса обмена населением между Болгарией и Грецией, имея в виду перспективу организации восстания в Македонии на почве национальных противоречий. Присоединение руководства ГРСП(к) к решениям Коминтерна и БКФ вызвало сопротивление некоторых членов партии, выступавших против признания права меньшинств Македонии

и Фракии на отделение от Греции. Постоянной являлась угроза раскола в партии.

Участие Внутренней македонской революционной организации в перевороте 1923 г. и подавление коммунистического восстания в Болгарии придали для Коминтерна и БКФ особое значение Македонскому вопросу. Под давлением В. Коларова и Г. Димитрова (члена исполкома Коминтерна) КПГ отказалась от лозунга автономии отдельных частей Македонии в рамках трех балканских государств и поддержала идею создания «независимых и единых Македонии и Фракии» — составных частей будущей федерации. Это произошло несмотря на констатацию греческой стороной неприемлемости и неактуальности этих лозунгов в Греции из-за произошедших изменений в этническом облике региона. Официальная пропаганда Афин представляла болгарское меньшинство, оставшееся в Греции, «славофонами» — греческими гражданами, говорящими на славянском языке.

Задача расширения электората ставила КПГ перед дилеммой: или следовать инструкциям Коминтерна и признать право на самоопределение и отделение от Греции национального меньшинства в Македонии и заручиться его поддержкой или расширять свое влияние среди доминирующего в Эгейской Македонии греческого населения. И. Захариева указывает на сложившийся к середине 20-х годов конфликт в КПГ между «старыми» членами, отстаивавшими более реалистические позиции, и молодым поколением, в большинстве своем бывшим воспитанниками школ ВКП(б). Победа сторонников линии Коминтерна привела к арестам властями руководителей КПГ, обвиненных в антинациональной деятельности, направленной на отделение Македонии и Фракии от Греции.

К 1927 г. в КПГ усиливается центристская группа, готовая защищать в рамках Греции права меньшинств и отрицавшая лозунг «объединенной Македонии». На VI конгрессе Коминтерна поддержанная румынской делегацией КПГ выступила за ликвидацию БКФ, «обслуживавшей» интересы болгарских коммунистов. В начале 30-х годов Коминтерн снял лозунг Балканской Федерации, но принудил КПГ одобрить лозунг самоопределения Македонии и Фракии вплоть до отделения от Греции.

В середине 30-х годов, когда Германия и Италия взяли курс на развал версальской системы, Коминтерн, опасаясь фашизации ряда стран, отказался от прежней политики и акцентировал внимание на сохранении территориального status quo, организации широкого антифашистского фронта и решении национального вопроса в рам-

ках существующих государств. Македонский вопрос становился внутриюгославским. В соответствии с линией, выработанной VII конгрессом Коминтерна, КПГ заменил лозунг «объединенных и независимых Македонии и Фракии» на требование «равноправия угнетенных меньшинств», что обеспечивало возможность союза с другими политическими силами. Автор констатирует, что Македонский вопрос утратил общевосточный характер. В предвоенные годы реалистичная позиция по национальному вопросу стала для КПГ единственно возможной при попытках создания единого антидиктаторского фронта в Греции и в условиях угрозы «территориальной ревизии» со стороны Югославии и Болгарии в отношении греческих земель.

До сих пор в болгарской историографии Македонский вопрос и связанная с ним позиция

коммунистов освещались преимущественно с точки зрения БКП. И. Захариевой удалось создать несомненно оригинальную и достаточно объективную картину взаимоотношений Греческой компартии и Коминтерна, касающихся национального вопроса. Большой интерес для характеристики коммунистического движения в Греции представляют сюжеты внутрипартийной борьбы в КПГ. Монография расширяет представления о планах и деятельности Коминтерна на Балканах. Упрека заслуживают отсутствие указания места издания, а также, поскольку рецензируемая монография представляет собой часть первую исследования, требовалось бы раскрытие планируемого содержания других частей.

Семенов К. Н.

Slawistik in Deutschland von den Anfängen bis 1945. Ein Biographisches Lexikon. Bautzen, 1993 520 S.

Славяноведение в Германии от истоков до 1945 г. Биографический словарь.

Европейская славистика обогатилась еще одним справочным изданием. Подобные работы по истории славистики публиковались и раньше. В 1972 г. в Праге вышел библиографический словарь чешских и словацких славистов [1]. В 1979 г. в Москве увидел свет словарь «Славяноведение в дореволюционной России» [2], в этот же период времени вышло два издания словаря лужицких сербов и лиц, их исследовавших [3], а позднее и другие работы такого рода [4]. Каждое из упомянутых изданий имеет свои особенности. Так, в словаре чешских и словацких славистов главное внимание обращено на информацию о сочинениях этих ученых и на работы о них, а словарь «Славяноведение в дореволюционной России» содержит прежде всего характеристики творчества славистов, подчас довольно пространные. Словари о лужицких сербах отличаются скрупулезным отбором данных по каждому интеллигенту этникума, независимо от его вклада в развитие национальной жизни народа. Хронологические границы упомянутых словарей различны. В расчет принимаются время возникновения науки о славянах в данном регионе, важнейшие вехи её истории. Но все названные справочные издания свидетель-

ствуют о том, что к 1970-м годам в европейском славяноведении утвердился подход к нему как к комплексной дисциплине, изучающей все стороны духовной и материальной жизни славян в их прошлом и настоящем, а также их взаимоотношения и отношения с соседними народами.

Из подобных же предпосылок исходят и составители рецензируемого словаря, в известной мере даже расширяя понятие славистики, которая, по их мнению, включает и «посредническую роль» этой науки, под чем понимается участие тех или иных лиц в устранении в Германии недостатка знаний о славянах, а также в преодолении напряженности в славяно-германских отношениях (С. 6). Именно с учетом всех этих факторов словарь дает сведения о 400 ученых, переводчиках, писателях и публицистах. В лексикон включены лица, которые с XVI в. до конца второй мировой войны занимались изучением славянства, распространяли славянскую культуру, а также содействовали немецко-славянской взаимности. Поэтому наряду с известными представителями славянского языкознания, литературоведения, этнографии и т. д. в словаре можно найти менее известных, а подчас и вообще забытых деятелей.

Показана высокая доля участия славянских ученых, живших в разных частях Германии, в славистических исследованиях и преподавании славистики. Особую роль при этом играли, по мнению составителей словаря, лужицкие сербы и поляки. Каждая статья содержит очень краткую биографию соответствующего деятеля, названия важнейших его работ (в тексте либо в рубрике «Прочие публикации») и указания на литературу и источники. В словарь включен специальный раздел «Славистика в немецком университете в Праге», особенно для периода между мировыми войнами, ввиду ее тесной связи со славистикой в Германии (С. 461—480). Имеются именной указатель (С. 502—519), а также фотографии 80 немецких славистов разных времен.

Создан словарь коллективом немецких славистов во главе с экс-председателем бывшей Комиссии по истории славистики (ГДР) доктором В. Цейлем, одним из крупнейших современных славяноведов. В число издателей словаря входят и другие известные немецкие ученые: Э. Эйхлер, Э. Гоффманн, П. Кунце, Х. Шмидт, Г. Шрётер. Всего в написании словаря участвовали 65 авторов, их список приведен на с. 18—19. Большинство авторов проживают на территории бывшей ГДР.

Рецензируемый словарь — издание чрезвычайно полезное, крупное достижение не только немецкого, но и европейского славяноведения. Он содержит богатейшую информацию, в том числе и о лицах, которые редко упоминаются в отечественной литературе. В их числе забытые на родине российские эмигранты, например, крупнейший исследователь истории, культуры, литературы, историографии Украины Д. И. Дорошенко или филолог, философ, историк культуры Д. Чижевский.

Однако не всегда представляется оправданным отнесение некоторых лиц к числу немецких славистов только потому, что они сколько-то лет прожили в Германии и опубликовали некоторые свои работы на немецком языке. Так, труды русского исследователя П. Г. Богатырева, на наш взгляд, не могут быть отнесены к числу достижений немецкой славистики. Сомнительно включение в словарь С. Пшибышевского, поэта, публициста и переводчика с ярко выраженным польским самосознанием, хотя и прожившего в Германии более десятка лет. Также и включение в число представителей немецкой славистики известного русского писателя Д. С. Мережковского кажется весьма странным. В Германии он вообще не жил, а его популярность среди немецких читателей свидетельствует о его таланте, но никак не о принадлежности к немецкой славистике.

Впрочем, подобных примеров не очень много. Основное же содержание лексикона в интересном и в значительной мере новом материале, отражающем большую роль немецкой славистики в европейском славяноведении до конца второй мировой войны.

Словарь важен не только как свод сведений о немецкой славистике, но и тем, что дает импульсы к пересмотру некоторых устаревших представлений. Так, изучение материалов словаря наводит на мысль о целесообразности скорректировать некоторые выводы относительно значения немецкой науки для развития славяноведения в России. В русской, да и другой славянской историографии, особенно после 1945 г., при изучении истории славяноведения в России периода его становления на первое место выдвигается роль славянских, особенно чешских ученых. Не умаляя этой роли, следует отметить, что первые стимулы изучения славян в России восходят к А. Шлецеру, чья классификация славянских народов была хорошо известна русским ученым XVIII в. Именно к Шлецеру в Геттингенский университет ездили учиться славистические студенты, например А. И. Тургенев и А. С. Кайсаров, известные своим путешествием по славянским странам. Затем, книга К. Г. фон Антона о ранней истории, культуре и языках славянских народов использовалась М. Н. Карамзиным и вообще была хорошо известна в России [5]. Далее, немецкие исследователи индоевропейских языков в их совокупности включали в орбиту своих изучений и учебных курсов также и славянские языки, а русские слависты не только штудировали труды Ф. Боппа, Я. Гримма, А. Ф. Потта и других индоевропейцев, но и посещали их лекции и семинары. Путешествия русских славистов в славянские земли чаще всего начинались с пребывания в Германии, посещения немецких научных центров и отдельных ученых, у которых русские слависты учились методике научного исследования, работая также в архивах и библиотеках Германии. Так, П. И. Прейс, встретив в 1840 г. двух словаков, понял их речь и затем писал, что «не впервые благодарил душевно Я. Гримма за методу: только строго сравнительное изучение славянских языков могло мне дать нить для странствования по лабиринту диалектов» [6]. А. Ф. Гильфердинг, подготавливая «Историю балтийских славян», совершил в 1854 г. поездку по Северной Германии и изучил все доступные источники, среди которых был и вендский словарь Х. Геннига, представлявший собой, по мнению авторов рецензируемого лексикона, самый лучший и объемный источник языка полабских славян. Этот словарь был хорошо известен и А. А. Котляревскому, автору новаторских для своего времени

трудов по древнейшей истории и мифологии балтийских славян, горячему стороннику сравнительно-исторического метода исследования, почитателю Я. Гримма и знатоку его трудов. В. В. Макушев, исследователь истории южных славян, начал свое ученое заграничное путешествие с Кенигсберга (1868), где широко пользовался советами, рукописями и библиотекой известного немецкого балканиста, профессора Кенигсбергского университета Карла Гонфа [7]. Перу Макушева принадлежит и первая в России работа о К. Гепфе [8]. К сожалению, в рецензируемом словаре нет статьи о кенигсбергском профессоре, большом знатке славянских источников и истории задунайских славян. Превосходным руководителем для русского слависта Н. В. Ястребова был профессор Мюнхенского университета К. Крумбаер. В 1901 г. русский ученый три месяца занимался в его семинаре, и книги Крумбаера были Ястребову главным пособием в его занятиях [9].

Приведенные примеры (их можно было бы умножить) свидетельствуют о важной роли немецкой науки в развитии русского славяноведения, что, однако, не нашло отражения в рецензируемом словаре — потому ли, что еще слабо разработана история немецко-русских связей в сфере славистики, или ввиду недостаточной информированности отдельных авторов статей в области истории развития русского славяноведения. Упоминание русских работ о немецких славистах составляет в словаре большую редкость.

Нам представляется, что нелишним было бы указание на публикацию работ ряда немецких славистов в России. В рамках рецензии невозможно привести много примеров, остановимся лишь на некоторых. Так, заслуживал бы упоминания перевод труда Ф. Г. фон Аделунга о сочинениях иностранных путешественников по России [10]. В литературе к статье о Е. С. Бандтке было бы полезно указать на издание его переписки с И. Добровским, осуществленное в 1906 г. В. А. Францевым [11], который в предисловии подробно изложил сведения о жизни Бандтке, привел и текст его автобиографии (1826). Много интересных сведений имеется в русской литературе о серболужицких исследователях, деятельность которых характеризуется в рецензируемом словаре. Это переводы сочинений Я. Барта-Тишинского и статьи о нем, материалы о Я. А. Смолере, Я. П. Иордане, М. Горнике и публикации их работ на русском языке. Особым вниманием русских ученых пользовался член-корреспондент РАН Э. Мука: публиковались его статьи, рецензировались труды, была напечатана большая часть его главного труда — словаря нижнесербского языка. Опубликованы и некоторые письма Э. Муки, на основании его кор-

респонденции с русскими учеными написан ряд статей [12]. В 1887 г. русские ученые В. Н. Шепкин и А. А. Шахматов перевели на русский язык «Граматику старославянского языка» А. Лескина, приложив к изданию перевода статью о языке Остромирова евангелия и ряд замечаний по книге немецкого ученого. Указание на этот факт в статье о Лескине, видимо, способствовало бы устранению некоторой односторонности в оценке значения отдельных работ ученого. В статье о В. Ягиче, вероятно, следовало бы больше сказать о его вкладе в развитие славяноведения в России и указать на существенные недостатки его труда «История славянской филологии», отмеченные уже современниками.

Также и в ряде других статей словаря могла бы быть учтена русская и другая славянская литература, что, думается, способствовало бы созданию более яркой картины развития славяноведения в Германии в обозначенный период.

Высказанные замечания являются, естественно, не более чем субъективными пожеланиями рецензента. В целом же ученые Германии создали труд, необходимый каждому слависту, а также и всем интересующимся историей европейского славяноведения.

Лантева Л. П.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od r. 1760. Biograficko-bibliografický slovník. Praha, 1972.
2. Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979.
3. Serbski biografiski slovník. Budyšin. 1970; Nowy biografiski słownik k stawiznam a kulturje Serbow. Budyšin, 1982.
4. Славяноведение в СССР. Изучение южных и западных славян. Библиографический словарь. Нью-Йорк, 1993.
5. *Lapteva L. P.* Karl Gottlob von Anton und sein «Versuch über die alten Slawen» in Rußland//*Letopis. Bautzen*, 1982. Bd 29/1.
6. П. И. Прејс — М. С. Куторпе 29 авг. 1840 г.// Письма П. И. Прејса М. С. Куторпе, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарыку, Куршату и др. (1836—1846). Материалы к истории славяноведения. СПб., 1892. С. 34.
7. *Lapteva L.* Vikentij Makušev und Karl Hopf. Ein Beitrag zu den russisch-deutschen Wissenschaftsbeziehungen im 19. Jahrhundert// *Jahrbücher für Geschichte der Sozialistischen Länder Europas. Berlin*, 1982. Bd. 25/2.
8. *Макушев В.* Карл Гонф — новейший историк средневековой Греции//*Вестник Европы*. 1868. Т. 3. Кн. 6.
9. *Laptevová L. P.* Ruský historik N. V. Jastrebov (1869—1923) a jeho styky s Čechami a Pražskou Univerzitou//*Acta Universitatis Carolinae*.

Historia Universitatis Carolinae Pragensis. 1989. Т XXIX. Fasc. 1.

10. Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России по 1700 год и их сочинения. М., 1864. Ч. 1—2.
11. Korespondence Josefa Dobrovského. D. II. Vzájemne dopisy Josefa Dobrovského a Jiřího Samuele Bandtkého z let 1810—1827. K vydání upravit V. A. Francev. Praga, 1906.
12. Кораблев В. Э. Ю. Мука в его письмах к русским ученым//Труды Института славяноведения АН СССР. Л., 1934. Т. II; Lapteva L. P.

Die Beziehungen des russischen Slawisten V. A. Francev zu Arnošt Muka anhand seiner Briefe//Letopis. 1967. Bd. 14./1; Лантева Л. П. Связи А. А. Шахматова с серболужицким филологом А. Мукой (по неопубликованным письмам А. А. Шахматова)// Slavia. Časopis pro slovanskou folologie. 1993. Roč. 62; Seš. 2; Лантева Л. П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX в. до первой мировой войны (1914 года). М., 1993.

Sowjetische Forschungen (1917 bis 1991) zur Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen von den Anfängen bis 1949; Bibliographie/Hrsg. von K. Borck. Publikationen der Historischen Kommission zu Berlin. Berlin; 1993. 366 S.

Советские исследования (1917—1991 г.) по истории германо-русских связей с древнейших времен до 1949 г. Библиография/Сост. К Борк. Публикация Исторической комиссии Берлина

В отечественной историографии XX в. фундаментальные библиографические работы — явление чрезвычайно редкое. Особенно это касается библиографий по отдельным направлениям исторических исследований. Поэтому рецензируемая книга имеет, на наш взгляд, большое значение не только для немецкой и зарубежной славистики, но и для развития исследований по истории российско-германских связей в нашей стране, для специалистов по отечественной и германской истории, а также для исследователей истории Польши и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Как пишет составитель в предисловии, еще в конце 1980-х годов секция по истории германо-польских связей Исторической комиссии Берлина решила обратиться к проблемам германо-русских связей. Так в качестве первого шага возник проект обзора советской историографии по проблемам германо-русских и германо-советских отношений (С. 17). Этот проект был реализован с изданием рецензируемой книги.

О значении проделанной работы свидетельствует содержание, которое составитель вкладывает в понятие «германо-русские связи», не ограничиваясь лишь «вехами» истории русско-германских политических контактов в рамках традиционной истории международных отношений. К. Борк включает в это понятие самый широкий комплекс взаимоотношений народов — от территориальных, соседских, хозяйственных, социальных, сословных, политических связей, до связей в области науки, культуры, искусства, личных контактов. Таким образом, все бес-

численное многообразие нитей, соединявших наши народы в прошлом, и есть, по мысли автора, предмет исследования германо-русских связей.

Такому широкому пониманию предмета исследования соответствуют и принципы отбора литературы для включения в библиографию. Весь комплекс работ, включающий 3886 названий, разделен составителем на три класса по признаку происхождения: советские публикации, публикации советских авторов в ГДР и на Западе, прежде всего в ФРГ. В свою очередь, внутри классов было проведено разделение по жанрам: обобщающие труды, опубликованные источники, периодические публикации источников, мемуары, монографии, продолжающиеся издания («Известия», «Труды» и т. п.), антологии, сборники статей, журналы, диссертации, важные рецензии.

Хронологически собранный материал подразделяется на восемь периодов: с древнейших времен до 1689 г.: 1689—1815 гг.; 1815—1890 гг.; 1890—1917 гг.; 1917—1921 гг.; 1921—1941 гг.; 1941—1945 гг.; 1945—1949 гг. Помимо хронологических разделов, представлен особый раздел эмигрантской историографии.

Внутри периодов К. Борк выделила тематические рубрики, в которых отражены работы по истории межгосударственных отношений, экономических связей, связей в области общественной мысли, культуры и науки, общественных движений, связей в военной области, к которым составитель относит и работы, посвященные истории войн.

Особо хочется отметить две рубрики: первая посвящена истории русско-польских и немецко-поль-

ских отношений, вторая — связям России и Германии с другими странами в рамках проблем германо-русских отношений. Их появление не только существенно увеличивает ценность работы как библиографического справочника, но, что особенно важно, свидетельствует о том, что составитель рассматривает русско-германские отношения не изолировано, а в широком контексте европейских экономических, политических и культурных взаимоотношений. При этом К. Борк уделила большое внимание работам по истории Польши и других стран Центральной Европы, стремясь решить не только прикладные проблемы, но и способствовать разрешению вопросов о характере исторического взаимодействия народов и государств Центральной и Восточной Европы.

В своей книге К. Борк отразила не только труды, посвященные конкретно-историческим вопросам. В ней подробно представлены работы, в которых рассматриваются методологические проблемы исторического исследования и вместе с тем затрагиваются вопросы германо-русских связей (С. 30—41). Это же можно сказать и о трудах по историографии, среди которых выделены работы по русской (до 1917 г.), советской, немецкой, польской историографии (С. 43—65).

Работа по систематизации трудов советских историков, сделанная К. Борк, вышла далеко за рамки труда библиографического в традиционном понимании. Составитель производила отбор не только по формальным признакам — соответствующему названию или аннотации, но прежде всего исходя из анализа поставленных авторами проблем, введенного в научный оборот материала, т. е. того вклада, который внесла та или иная работа в изучение германо-русских связей.

К. Борк не только выявила круг проблем, получивших наибольшее отражение в советской историографии (С. 18), но и указала на те вопросы, которые либо не освещены, либо являются дискуссионными и по-разному рассматриваются и оцениваются исследователями в наших странах. К таким вопросам она относит: проблему совершенствования методов и поиска новых подходов к изучению германской истории в нашей стране, отмечая, например, что аналогичная ситуация существует в отношении исследований по польской истории на Западе и в России; историю деятельности немецких учреждений (например, Института им. Гердера в Риге) и организаций немцев в Прибалтике в межвоенный период; изучение скандинавских археологических находок в России; дискуссию по норманской теории; историю немецких колоний и колонистов в России; поиск новых подходов к исследованию советской внешней политики; изучение истории становления капитализма и экономического развития в конце XIX в.

(речь идет о критическом анализе традиционной историографии развития капитализма и империализма в России и в этом контексте истории германо-русских связей); изучение «буржуазных» российско-немецких литературных связей и контактов, а не только революционно-демократических; анализ позиции Розы Люксембург в связи с ее критическими высказываниями о русской революции; Брестский мир и дополнительные соглашения; сотрудничество Красной Армии с Рейхсвером в годы Веймарской республики; изучение угрозы войны против Советского Союза в конце 20-х — начале 30-х годов; дискуссию о стратегии и целях К. Радека; изучение взаимоотношений Сталина и КПГ до прихода нацистов к власти; издание неопубликованных документов кануна второй мировой войны; историю «балтийского вопроса» в 1939—1940 гг.; дискуссию о «проблематичности или необходимости» финляндско-советской войны 1939—1940 гг.; вопрос о советско-германском пакте о ненападении и «затронутых и затронутых им странах»; проблему роли Советского Союза в международном кризисе накануне второй мировой войны; вопрос о военных и дипломатических просчетах Сталина в 1939—1941 гг.; советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г.; историю интернированных в Советском Союзе польских солдат и офицеров; убийство в Катynie; восстание в Варшавском гетто; критический пересмотр истории второго фронта; новые исследования потерь Советского Союза в войне; историю репатриации советских граждан в 1944—1951 гг. (С. 19—20).

Перечень проблем, названных К. Борк в качестве актуальных, не только еще раз обращает внимание на привычные уже «белые пятна» отечественной истории, но и свидетельствует о том, что составитель органически вплетает в ткань проблем российско-германских отношений многие актуальные вопросы истории стран Центральной Европы, в первую очередь Польши, которые исторически связаны общей судьбой с народами Германии и России. Хронологически библиография, составленная К. Борк, ограничивается 1991 г. Многие из вопросов, бывших «белыми пятнами» советской историографии, а именно ей посвящена рецензируемая книга, нашли и продолжают находить своих исследователей сегодня в России, особенно это относится к периоду 1938—1941 гг. Но это не умаляет значение книги К. Борк потому, что она, во-первых, подыала определенный итог изучению германо-русских связей в советский период, а во-вторых, поставила проблемы, которые, по нашему мнению, еще долго будут сохранять актуальность для историков Германии, России, Польши и других стран Центральной Европы.

Носов Б. В.

СЛАВИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ АКАДЕМИКА Н. И. ТОЛСТОГО

В прошлом году вышел в свет сборник статей «*Philologia slavica*» по случаю 70-летия академика Никиты Ильича Толстого [1]. Н. И. Толстой — автор большого числа научных работ по разным проблемам славянского языкознания и духовной культуры славян¹, видный организатор славистической науки и подготовки научных кадров, главный редактор и член редколлегии ряда научных журналов и серийных изданий, профессор МГУ, председатель Российского комитета славистов и член Международного комитета славистов, член Президиума Российской академии наук, иностранный член академий наук ряда зарубежных стран, почетный доктор Люблинского университета².

Подготовленный отделом этнолингвистики и славянских древностей Института славяноведения и балканистики Российской академии наук, который Н. И. Толстой создал и которым руководил многие годы, сборник объединил многих его коллег и друзей, ученых разных поколений из 12 стран (Россия, Австрия, Белоруссия, Болгария, Германия, Израиль, Македония, Польша, США, Украина, Эстония, Югославия). Это дар их признательности и выражение благодарности юбиляру как выдающемуся российскому слависту. Сборник открывается вступительной статьей акад. В. Н. Топорова, в которой кратко охарактеризованы заслуги Н. И. Толстого в славистике и своеобразии пройденного им пути ученого и организатора науки. Одна из главных заслуг Н. И. Толстого заключается в воспитании нескольких поколений славистов, в «привитии им вкуса к общему делу в том понимании его, которое свойственно самому Никите Ильичу, собирании славистических сил вокруг ключевых проблем науки» (С. 5). Общее же дело, которому Н. И. Толстой посвящает свою ученую жизнь, — продуманный, высоко селективный, интенсивный и целенаправленный поиск, учет и отбор новых фактов согласно разработанному изначальному плану. В основе такого подхода, как указывает В. Н. Топоров, лежит некий «предполагаемый смысл», которым «для Н. И. Толстого было слово в его творческой функции, то слово, которое было не только результатом развития духовной культуры славянства и не только инструментом этого развития, но самим субъектом-творцом этой культуры и народа, ставшего ее но-

сителем и отождествившего свое самоназвание, свой этноязыковый знак именно со словом» (С. 5). В. Н. Топоров подчеркивает, что все научное творчество Н. И. Толстого проникнуто верой в живое чудотворное слово, а глубинный пафос его научной и просветительской деятельности определяется «сознанием необходимости и полновластности славянского слова в симфонии слов других культур, народов, языков» (С. 6).

Сборник отличается значительным тематическим разнообразием, которое в целом соотносится с широтой исследовательских интересов Н. И. Толстого. 50 статей, составляющих сборник, распределены по двум разделам, в первом из которых освещаются в основном проблемы этногенеза славян, этнолингвистики, древней духовной культуры славян, а во втором — преимущественно проблемы истории славянских литературных языков и современного состояния славянских языков и диалектов.

Проблеме этногенеза восточных славян посвящена статья Ф. Д. Климчука, в которой дается краткая характеристика важнейших этнокультурных этапов этногенеза и древнейшей истории славян. А. С. Герд высказывает некоторые соображения по изучению этнической истории и исторической географии на базе реконструкции глубинной модели историко-культурной зоны.

Большой блок статей посвящен проблемам истории культуры. Так, дана характеристика типичных взглядов эпохи Древней Руси на некоторые фундаментальные вопросы литературы, культуры и жизни и их отражения в произведениях Кирилла Туровского (А. Е. Наумов), Азбучных молитв — как обращения древних славян к Богу (божествам) и сакрального взгляда на мир (Ю. С. Степанов). В статье В. Я. Петрухина на примере деяний князя Игоря в их историческом контексте и отношения к ним современников князя право рассматривается как один из лейтмотивов древнейшей русской истории. Яркая картина нравственного, духовного и социального положения московских людей в XVII в., совмещение в их сознании христианского и языческого как характерной черты эпохи освещены в статье В. Н. Топорова. В других статьях рассматриваются своеобразии архаической культурной модели, представленной автором Слова о полку Игореве (Д. С. Ворт),

¹ Библиографию его работ см. в опубликованной к юбилею книге [2].

² Краткую заметку о юбилее см. в [3].

особый, отличный от западноевропейской, характер русской культурной истории в связи с сохранением двоеверия — языческих и христианских обрядов на Руси (В. М. Живов), место слова и вещи в русском театре эпохи барокко (Л. А. Софронова), типология русского реализма первой половины XIX в. (Ю. М. Лотман).

В сборнике обсуждаются и некоторые проблемы славянского эпоса, а именно, на примере трансформации мифологического Перуна в эпическое Святогора освещаются мифологические истоки былинных сюжетов у восточных славян (В. В. Мартынов), а на примере некоторых эпических текстов — типологическое сходство закономерных трансформаций эпического творчества на Руси и у южных славян (Б. Н. Путилов).

Заметное место в сборнике занимает тема ритуалов, обрядов, поверий у славянских народов и их соседей — вождение ряженого (Л. Н. Виноградова), «печенье воробьев» (А. В. Гура), функции руки в родильных обрядах (Г. И. Кабакова), имитация лёгкой молотбы хлеба как новогодний обряд у сербов (А. А. Плотникова), специфический вариант обряда вызывания дождя у румын (Т. В. Цивьян), культ муравьев и его роль в мифологии финских скотоводов (О. А. Терновская), некоторые обычаи и поверья у полабских древян по данным известного словаря Хр. Хеннига (А. Е. Супрун). В других статьях анализируются семантические изменения праславянских названий волшебников, шаманов, гадателей (Л. Мошинский), говорится о необходимости изучения календаря народных поверий и обычаев с опорой на церковную традицию, что показано на примере названий седмиц в Постной и Цветной триоди у русских и сербов (А. В. Тарасьев).

В остальных статьях первого раздела сборника дается критическая интерпретация некоторых спорных мест Жития Мефодия (С. Б. Бернштейн), анализируется славянская терминология с корнем *laz- (включая устойчивые и идиоматические сочетания), отражающая лесное бортничество — древнейший вид этого промысла (Р. Эккерт), этимологизируются наименования монастыря Трескавец и реки Треска в Македонии (Б. Конеский), прослеживается фольклорная транспозиция святого Николая-чудотворца у болгарских переселенцев на Украине (Ф. Бадаланова-Покровская).

Во втором разделе сборника значительная часть статей посвящена широкому кругу проблем истории славянских литературных языков: стабилизации нормы в истории русского литературного языка в связи с ее периодизацией (А. А. Алексеев), динамике дивергентных и конвергентных процессов в южнославянских ли-

тературных языках начиная с охридского и преславского центров славянской письменности и кончая событиями нашего времени (Х. Бирнбаум), структурно-генетическим и социолингвистическим свойствам югославо-русинского литературного языка (А. Д. Дуличенко), диалектной основе украинского литературного языка (П. Е. Гриценко), месту первого словацкого перевода Библии в истории словацкого литературного языка (Л. Н. Смирнов), опыту сближения русского и болгарского литературных языков в конце XIX в. (Г. К. Венедиктов). Сюда же следует отнести и статью А. Младеновича, в которой рассматривается первая фиксация термина *сербский язык* в значении «сербский церковный и литературный язык».

Другой блок статей посвящен проблемам лексики и фразеологии славянских языков. Так, описана методика лексико-статистического обнаружения конвергенции славянских языков и дана интерпретация соответствующих статистических данных (А. Ф. Журавлев), рассмотрены некоторые аспекты сопоставительного описания семантики и функционирования общеславянской лексики в русском и болгарском — на примере слова *баба* и его производных (И. А. Седакова), освещены некоторые принципы историко-этимологического анализа фразеологии в собственно лингвистическом плане (В. М. Мокиенко), описано происхождение из идиш некоторых фамилий в восточнославянских языках (В. Москович), рассмотрены этимологии слов *gněvъ (Ф. Славский) и *čerda (Н. В. Никончук, А. Н. Никончук). Описаны также характерные для кашубского междометия с компонентом *ala*, выражающие удивление, нетерпение, гнев (Х. Поповская-Табарская), слова кирилло-мефодиевского лексического фонда в туровском говоре белорусского языка (Г. А. Цыхун).

Отдельные статьи посвящены другим уровням системы славянских языков — грамматике, словообразованию, просодии. Так, представлен опыт единой функциональной классификации словообразовательных формантов (Т. И. Вендина), охарактеризована одушевленность как классификативная категория с мерой ее «жесткости» в славянских языках (В. А. Виноградов), описано возникновение и распространение предложений с псориентированной анафорической связью в русском языке (Г. Хюгль-Фольтер), дана семантическая характеристика оппозиции аориста и имперфекта в болгарском языке в свете «видовой теории» (Е. И. Демина) и характеристика прилагательных, объединяемых признаком общественной известности, типа русск. *знаменательный, славный* (М. Ивич), рассмотрены типы метони-

мии прилагательных в современном русском языке (И. Матешич, А. Бирих). Статья Т. М. Николаевой посвящена темпоральной, акцентной и мелодической характеристике «балканского стиха» на материале славянских и неславянских языков Балкан. Причина икавизма в сербском гидрониме *Дитинья* в свете данных об ассимиляции гласных в северо-восточных штокавских говорах исследуется в статье П. Ивича.

Разнообразие тематики статей, значительный новый материал, постановка и оригинальное решение целого ряда вопросов, касающихся многих проблем современной славистики, делают рецен-

зируемый сборник крупным событием последнего времени в отечественном славяноведении.

Коссек Н. В.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. К 70-летию академика Н. И. Толстого. М., 1993.
2. Н. И. Толстой/Сост. Л. В. Шутько; авт. вступ. ст. А. Д. Дуличенко. М., 1993.
3. 70 лет академику Н. И. Толстому//Славяноведение. 1993. № 5.

Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения 2. Коллектив авторов. Отв. редакторы С. М. Толстая, И. А. Седакова. М., 1993. 156 С.

Сборник состоит из статей, разнообразных по темам и задачам исследования, но единых по этнолингвистической проблематике и интересу к структуре текста. Авторы решают важные теоретические вопросы: место предметного кода и его символики в обряде и паремиях, принципы номинации и др.

В статье анализируется самый разнообразный с формальной и содержательной точки зрения материал: обряды и их составные части, предания, верования, но в центре внимания стоят вербальные единицы — слова, термины, фразеологизмы. Различается материал и по своей «географии»: много внимания уделяется южным славянам (статьи А. А. Плотниковой, В. Ю. Панковой, Е. С. Чирьевой, И. А. Седаковой, Ф. Бадалановой), карпатской зоне (Е. Е. Левкиевская), румынскому языку (Г. И. Кабакова). Сопоставление различных славянских традиций находим в статьях Л. Н. Виноградовой, С. М. Толстой, В. Слащева. В работе Л. Г. Невской анализируются данные как славянских, так и балтийских языков.

Статья Л. Н. Виноградовой и С. М. Толстой основывается на богатом опыте работы над Этнолингвистическим словарем славянских древностей. Очевидно, что конкретное изучение различных «вещей» в символическом языке обрядов способствовало теоретическому осмыслению процессов символизации утилитарных предметов.

Две статьи посвящены терминологии и семантике хлебов у южных славян как важным компонентам рождественской (работа А. А. Плотниковой) и родинной обрядности (работа В. Ю. Панковой). Этнолингвистический анализ позволяет выявить способы отражения символики и семантики обрядов в названиях реальных.

В. Слащев предлагает сопоставительный анализ

южнославянских и украинских демонологических представлений. Эта статья содержит богатейший этнографический материал, который систематизирован и представлен в виде индекса основных атрибутов, locusов обитания и т. п. мифологических персонажей.

Г. И. Кабакова рассматривает одну функцию мифологических персонажей — их способность наносить вред. Автор показывает, как эти представления эксплицируются в румынской лексике, фразеологии и кратких фольклорных текстах (обозначения «больных», «убогих», «несчастливых» и т. д.).

В сборнике представлены самые разнообразные возможности изучения и интерпретации традиционной культуры. Так, в работе Л. Г. Невской реконструкция значений концепта «гость» позволяет увидеть его роль как медиатора в обрядах. Анализ восприятия царя Константина (по фольклорным текстам болгар) приводит Ф. Бадаланову к выводу о влиянии греховности/святости владельца на процветание/гибель его царства.

В сборнике участвуют как уже известные лингвисты и фольклористы, так и начинающие авторы. Предоставление возможности молодым филологам публиковать свои труды — важное достоинство подготовленного сборника и других изданий серии «Балканские чтения».

Во многих работах впервые в научный оборот вводится новый архивный и полевой материал: из болгарских архивов, из материалов полесских и карпатских экспедиций.

Разнообразие тематики делает чтение сборника весьма увлекательным и демонстрирует многообразие возможностей этнолингвистических разысканий.

Свешикова Т. Н.

1. *Die lineare Satzorganisation.* Freiburg, 1989

Р. ВЕЧЕРКА. *Древнецерковнославянский (древнеболгарский) синтаксис.*
1. *Линейная структура предложения*

Вышел из печати новый фундаментальный труд профессора Брненского университета, д-ра филол. наук Р. Вечерки. — автора известных исследований. Назовем хотя бы книги [1; 2; 3]; последняя — одно из лучших современных руководств по старославянскому языку. Р. Вечерке также принадлежит огромное количество статей по различным вопросам старославянского и древнечешского словаря, он — один из редакторов Словаря старославянского языка [4].

Данная работа Р. Вечерки (при участии Ф. Келлера и Э. Вайхера) издана в научной серии «*Monumenta linguae slavicae*»¹. Она является первой частью четырехтомного труда, в котором старославянский синтаксис должен получить всестороннее освещение. Как и первый, второй том этого труда, подготовленный автором к печати, посвящен проблеме внутренней структуры предложения. В третьем томе предполагается дать описание типов простого предложения; сложноподчиненное предложение будет рассмотрено в четвертой книге (S. 11).

Рецензируемая книга Р. Вечерки состоит из введения и двух основных частей — «Порядок слов» и «Потенциальное „не-выражение“ и повторение отдельных частей предложения». В начале работы дана библиография.

Во введении автор отмечает, что «предпосылкой синтаксической экспликации старославянского языкового материала является прежде всего основательно проведенный, насколько это возможно, филологический анализ имеющихся языковых источников» (S. 27). Учитываются данные не только канонических памятников, но и более поздних текстов различных редакций и изводов, так как, — подчеркивает Р. Вечерка, — некоторые элементы синтаксической системы, не закрепленные в каноне (или присутствующие только местами), можно выявить через анализ текстов более позднего времени. В качестве образца текстового филологического исследования брались работы Й. Курца и К. Горалека (S. 27).

В методологическом плане Р. Вечерка исходит «отчасти из лингвистического теоретического наследия Пражской школы (особенно это касается работ В. Матезиуса, Б. Гавранека и К. Горалека), из теории письменного языка вообще, и, в частности, — из учения об актуальном членении предложения» (S. 28). Помимо синхронного аспекта описания, при изложении старославянского синтаксического материала, — как отмечает далее автор, — принимается во внимание и диахронический аспект: исследование синхронического уровня отдельных синтаксических средств, конструкций и типов сопровождается краткой исторической, сравнительной и этимологической характеристикой. В некоторых случаях была сделана попытка «глубже проникнуть в прошлое... и предложить подлинную синтаксическую этимологию, хотя автор знает, что возможно представить лишь гипотетическую исходную модель встречающихся языковых средств и конструкций» (S. 28—29).

Прежде чем приступить к изложению первой главы, Р. Вечерка определяет линейную организацию предложения как структуру, заключающую в себе «дистрибуцию компонентов предложения в их смене, т. е. их позицию и порядок слов, и их повторение или „не-выражение“» (S. 31). Позицию одного компонента предложения по отношению к другому с точки зрения их взаимного порядка следования автор обозначает как AP — предпозицию, PP — постпозицию, CP — циркумпозицию, IP — интерпозицию. С точки зрения предложения как целого выделяются позиция в начале предложения — IP, позиция в конце предложения — FP и средняя, или центральная, позиция — MP (S. 31).

Первый раздел главы «Порядок слов» — «Ритмические факторы в порядке слов» (§§ 3—25) — посвящен анализу двух основных позиций безударного слова. Это позиция в контактной AP (проклиза), характерная в старославянском языке для отрицательных частиц NE, NH, местоимений и некоторых союзов и артиклей (S. 33), и позиция

¹ Здесь в значении термина «старославянский язык» Р. Вечерка употребляет принятый в германской филологии термин «*Altkirchenslavische Sprache*».

в контактной РР (энклиза), свойственная частицам БО, ЖЕ, отчасти ЛН, частице-союзу НБО, а также некоторым кратким словам, грамматически относящимся к сказуемому, т. е. местоименным формам и формам вспомогательного глагола БЫТН, и словам, относящимся к синтаксическому подлежащему (S. 41). Каждый случай безударности слова рассматривается здесь с точки зрения гипотетически возможной его реализации в линейной организации предложения, при этом отмечается характерность или нехарактерность употребления того или иного линейного типа конструкции старославянским рукописям.

В разделе «Грамматические факторы в порядке слов» (§§ 26—39) анализируются принципы расположения членов предложения — регрессивный и последовательно-контактный.

Принцип регрессивного выстраивания членов предложения подразумевает два архаичных порядка следования: AP глагола по отношению к именному комплексу («Verbum-Nomen») и РР номинативной детерминации («Nomen-Attributum») (S. 65). Данный принцип, отмечает Р. Вечерка, широко представленный в эпических славянских текстах, а также в текстах других народов, встречается в старославянском языке лишь частично и применяется не всегда последовательно. Автор приводит примеры РР глагола, как частичной (позиция глагола после подлежащего, но перед дополнением или наречным определением, так что РР с точки зрения целого предложения выглядит как МР), так и полной (когда РР-МР) (S. 65—71). Также приводятся случаи с AP номинативных детерминантов (S. 71—78).

Другой исследуемый Р. Вечеркой принцип расположения членов предложения — последовательно-контактный — «основывается на непосредственном соседстве членов предложения, образованном синтаксическим или морфологическим единством» (S. 89). Тенденция к КР (контактная позиция) членов синтаксической пары, — как отмечает автор, — нередко ведет к изменению греческого порядка следования: многочисленные синтаксические пары греческого оригинала с членами в DP (дистантная позиция) переводятся в старославянском тексте как члены предложения, находящиеся в КР (S. 89). Р. Вечерка приводит схемы гипотетических моделей последовательно-контактного выстраивания и рассматривает вопрос о реализации данных моделей в классических памятниках (S. 91—96). Подвергаются также анализу ситуации, когда происходит коллизия между названным принципом и принципом ритмической организации предложения (S. 96—97).

Небольшой по объему раздел «Семантические факторы в порядке слов» (§ 40) посвящен ре-

чевому порядку синтагм с наречным определением («Семантические факторы в особенности выявляются в порядке следования наречных определений» — S. 98). При линейной организации нескольких наречных определений одной и той же семантической категории, детерминирующих — контактно или дистанционно — общий член предложения, проявляется тенденция к постепенной семантической конкретизации и специализации (S. 98). Р. Вечерка анализирует порядок следования наречных определений различных семантических категорий (S. 99—100).

В разделе «Актуальное членение предложения как фактор порядка слов» (§§ 41—44) рассматривается вопрос о двух различных порядках следования членов предложения — объективном и субъективном. Автор отмечает, что в неэмоциональном высказывании, т. е. при объективном порядке следования, действует принцип прогрессивности динамики высказывания в линии предложения, и, таким образом, коммуникативно важнейшая часть высказывания, ядро — рема — в большинстве случаев стоит в конце всего единства высказывания (S. 100). Обычное развитие тематической линии в связке друг за другом следующих предложений строится таким образом, что рема предыдущего предложения становится темой последующего (S. 101). Также известен старославянским памятникам субъективный порядок построения предложения с коммуникативной кульминацией в начале высказывания (см. S. 102).

Р. Вечерка анализирует причины достаточно частого употребления в старославянском языке ремы в МР: с одной стороны, здесь может быть задействован ритмический фактор, влияющий на окончание предложения сильно тонированным словом, с другой стороны, могло произойти смешение объективного порядка слов и субъективного, когда говорящий, желая скорее ввести новую информацию, строит свое высказывание таким образом, что рема следует сразу же за темой, а нетематическая часть предложения, содержащая несновную информацию, стоит в конце всего высказывания. Последний способ организации предложения «является признаком народно-разговорного языка» (S. 103—104).

Подчеркивая негативную роль, которую играет при анализе старославянского текста в отношении его актуального членения отсутствие фонетической реализации текста, Р. Вечерка дает перечень различных конкретных языковых сигналов текстового членения (см. S. 105—106).

В разделе о стилистических факторах, воздействующих на порядок слов в предложении (§§ 45—46), автор отмечает, что возможность

выбора для конкретного выражения того или иного типа порядка слов реализуется исходя из стилистических оснований как объективных, так и субъективных (S. 107). Подвергаются анализу различные стилистические приемы, как, например, тенденция к так называемой «стилистической текстовой диссимилляции», когда повторяются одни и те же языковые средства и конструкции в близких текстовых сообщениях, или выбор автором высказывания объективного/субъективного порядка слов (S. 107—108). Отдельный, небольшой параграф (§ 46) данного раздела посвящен специфическому стилистическому моменту в использовании различных возможностей в структуре стиха. Здесь приводятся схемы построения стихов из Псалтыри в тексте Синайского требника (S. 108—109).

Вторая часть книги, значительно уступающая по объему первой, — «Потенциальное „не-выражение“ и повторение отдельных частей предложения» (§§ 47—65) — состоит, соответственно, из двух разделов: «Не-выражение» отдельных частей предложения и «Повторение отдельных частей предложения».

Первый раздел начинается с рассмотрения вопроса о контекстуально обусловленном эллипсисе. Р. Вечерка отмечает, что данное «средство экономии высказывания наличествует в переведенных памятниках почти всегда в тех же местах, что и в подлиннике, но, наряду с этим, часто употребляется и в непереведенных текстах, что свидетельствует о нем как о виде лингвистической универсалии, широко распространенном как в древнейших, так и в современных письменных языках» (S. 103). Автор перечисляет типы контекстуально обусловленного эллипсиса, встречающиеся в старославянских рукописях: часто употребляемые эллиптические диалогические реплики; отсутствие темы во второй части дизъюнктивного вопроса; выделяются различные грамматически релевантные составные части высказывания, которые могут не повторяться, поскольку они тематизированы и т. п. (см. S. 110—113).

Отдельно рассматривается вопрос о местоименном дополнении. Р. Вечерка выделяет здесь две различные тенденции: с одной стороны, следование архаическому «неполному» способу выражения, с другой, — при употреблении повторяющегося местоименного дополнения, в соответствии с греческим оригиналом, — действует общая тенденция старославянского языка к усложненному способу выражения (S. 113—118).

Здесь же анализируются конкретные случаи повторения/неповторения возвратной частицы CD, предлога, вспомогательного глагола БЫТИ и монологических/полинегативных структур (S. 118—127). Показано, что в большинстве случаев воз-

вратная частица CD у глагола в возвратной форме повторяется (S. 118—119). Предлог, вопреки общему правилу неповторения его у обоих членов атрибутивной синтагмы, в отдельных случаях может повторяться. Непосредственным основанием такого повторения является дословный перевод греческого оригинала, в котором, однако, имеет место не согласованное определение, а согласованное приложение (S. 120). (Исключительно в монопротетической конструкции используется предлог МЕЖДУ — S. 121). Также делается вывод о том, что греческая полипротетическая конструкция передается в старославянских текстах тоже через полипротетическую конструкцию. Монопротетическая конструкция греческого оригинала переводится и как монопротетическая, и как полипротетическая конструкция (S. 122).

Р. Вечерка приводит очень редкие примеры повторения вспомогательного глагола в индикативе (в этом случае «вспомогательный глагол всегда стоит после причастия на -л, а AP, видимо, вообще не встречается») (S. 124). В кондициональных формах повторение связки возможно в случае, если за положительным сказуемым следует отрицательное (S. 125). Повторение вспомогательного глагола в предложениях с синтаксическим параллелизмом имеет чисто стилистическую мотивацию (S. 125). Относительно монологических/полинегативных структур отмечается, что монологическая структура с отсутствием отрицательного союза при глагольном сказуемом является отличительным признаком старославянского языка (S. 126). Значительно реже в памятниках встречается монологическая конструкция, содержащая местоимение или местоименное наречие без префикса (S. 128—130). В канонических памятниках монологическая структура, являющаяся эквивалентом конструкции греческого оригинала, где она представлена как единственно возможная языковая норма, по отношению к полинегативной структуре находится в пропорции 1 : 2,6, т. е. составляет меньшую часть всех отрицательных предложений (S. 127).

Во втором разделе второй части книги — «Повторение отдельных частей предложения» (§§ 60—65) — Р. Вечерка выделяет два основных типа повтора: лексико-грамматический и лексический. Лексико-грамматический повтор выражается в применении местоименного подлежащего 1 и 2 лица при глагольном сказуемом. В стилистически нейтральных высказываниях АЗЪ, ТЫ остаются (ввиду избыточности) невыраженными, что является отличительной чертой языковой нормы старославянского языка (S. 130—131). Другой по-

втор — лексический — возможен в двух видах: контактное лексическое повторение (когда повторяются слова, идентичные в лексическом аспекте, но грамматически различные, или же слова, образующие лексическое единство, но одно из них несет оппозитивное значение — S. 133—139) и дистантное лексическое повторение частей предложения. Последнее выступает в роли связи высказываний, основывающихся на принципе синтаксического параллелизма (S. 131).

Монография Радослава Вечерки — глубокое, теоретически цельное новаторское исследование труднейших вопросов славянского синтаксиса. Книга одинаково нужна как специалистам по

общему языкознанию, так и ученым, изучающим конкретные славянские языки.

Рыхва Л. А.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Syntax aktivních participii v Staroslověštině. Praha, 1961.
2. Úvod do etymologie (совместно с А. Эрхартом). Praha, 1971.
3. Staroslověština. Praha, 1984.
4. Slovník jazyka staroslověnského. ČSAV. Praha, 1958 — Т. 1 —.

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ЛИНГВИСТИКЕ

В конце 1993 г. вышел из печати сборник «Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании», который содержит материалы межреспубликанской конференции «Типологическое и сопоставительное изучение славянских и балканских языков» (Москва, октябрь 1992 г.) и ряд статей, написанных специально для этого сборника.

При всем разнообразии рассматриваемой в статьях сборника проблематики и анализируемого материала настоящее издание отличается четкой тематической и методологической целостностью. Оно посвящено общим проблемам теории типологических и сопоставительных описаний в основном близкородственных языков, но с привлечением фактов и других языковых семей. Сборник является второй коллективной публикацией Института славяноведения и балканистики РАН по типологической и сопоставительной проблематике (ср. «Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков». М., 1990). Для нынешней публикации характерен теоретический накал и поиск новых ракурсов и аспектов типологических и сопоставительных описаний языков.

Сборник открывается обобщающей статьей А. В. Бондарко «К вопросу о типах грамматической семантики: признак интенциональности», в которой автор продолжает разрабатывать свою лингвистическую концепцию, основывающуюся на выявлении связи системных языковых значений с мыслительно-речевой деятельностью говорящего. Интересные теоретические рассуждения, на наш взгляд, содержится в статье А. Е. Кибрика «Родственные языки как объект типологии». Автор стремится определить место типологии родственных языков в кругу общих типологических ис-

следований как синхронной, так и диахронической направленности. Он высказывается против неправомерной абсолютизации принципа типологического сопоставления структурных параметров языков различных языковых семей; он подчеркивает, что в силу существующего противоречия между стремлением типологии к универсальности и всеобщности и, с другой стороны, практической невозможностью достичь полноты охвата языковых фактов исследование родственных языков (особенно в рамках определенного типа параметров изучения) оказывается особо перспективным.

Несомненно, расширяет горизонты собственно лингвистических исследований предпринятая В. Б. Касевичем попытка сопоставить тип языка, его семантики и тип культуры как менталитета. Как показывает автор, для такого сопоставления необходимы новые подходы как к языковому материалу, так и к культуре как объекту научного изучения. Автор подкрепляет свои рассуждения данными ряда новейших исследований, где чисто лингвистические параметры, например, наличие в языке средств перекрестной референции, увязывается с типом культуры (например, степенью ее традиционализма).

Статья Е. И. Деминой «К проблеме интерференции на грамматическом уровне» продолжает тему картины мира и ее конкретного языкового воплощения. Автор представляет новый ракурс в рассмотрении языкового взаимодействия: объектом анализа становится явление интерференции на грамматическом уровне, которое трактуется как изменение на уровне модели языкового осмысления и представления внеязыковой действительности у носителей одного языка под влиянием модели осмысления того же содержания носителями другого

языка, являющегося источником отмеченных сдвигов или изменений. Конкретной же целью автора является раскрытие причин и механизмов возникновения особого устройства системы глагольных форм и модальных категорий в балканославянских языках (болгарском и македонском) по сравнению с системами всех других славянских языков.

К исследованиям теоретической ориентации тяготеет и статья З. Рудник-Карват «Моделирование как основной метод сопоставительного словообразования». Опираясь на опыт изучения мутационных имен существительных в польском языке, автор постулирует положение, согласно которому именно метод моделирования на базе предикатно-аргументных структур должен быть избран в качестве основы при сопоставлении словообразовательных систем, поскольку он позволяет получить объективную плоскость отнесения сопоставляемых структур и вскрыть сами механизмы славянского словообразования.

Наряду с работами теоретико-концептуального характера в сборнике представлены интересные более частные исследования, касающиеся самых разнообразных уровней языковых систем.

Различные аспекты грамматики и морфологии славянских языков в сопоставительном плане анализируются в статьях Т. Н. Молошной «О временных формах глагола в современных славянских языках» и В. С. Храковского «Условные конструкции (проблемы типологического анализа)». В предельно лаконичной статье Вяч. Вс. Иванов в архаическом способе выражения категории лишительности в славянских языках обнаруживает одну из общих черт типологического строя евразийского языкового союза. Хотелось бы обратить внимание на предлагаемый Т. С. Тихомировой в статье «О некатегориальной эквивалентности польских и русских текстов» способ описания одного из сегментов языковых систем русского и польского языков — межтекстовых коррелятов польских отлагательных существительных с суф.-*л-*. Автор намечает несколько уровней факторов, существенных для выбора текстового коррелята: системно-деривационный, лексемно-деривационный и функционально-текстовый, и в соответствии с этими уровнями проводит свой анализ, который отличается логичностью и композиционной завершенностью и мог бы быть использован как базовая модель описания частных языковых подсистем.

Исследованию лужицких языков посвящена статья М. И. Ермаковой «К вопросу о сравнительной грамматике верхне- и нижнелужицкого литературных языков». Сосредоточив внимание на сопоставлении соотносительных фрагментов двух грамматических систем — грамматических форм времени, автор подчеркивает, что в данном случае недостаточно

ограничиться анализом самих литературных норм, а чрезвычайно важно учитывать их соотношение с диалектными базами, поскольку это позволяет получить более полную, объективную и сложную картину лужицкой системы времен.

Работы А. Ф. Литвиной (о порядке слов в связи с языковой нормой) и Т. М. Судник (об отрицательных конструкциях) представляют сопоставительную проблематику на синтаксическом уровне языка. В сборнике затрагиваются и проблемы фонетики, фонологии (статья Л. Э. Калынь).

Интересны содержащиеся в сборнике сопоставительные исследования в области лексикологии. Так, Л. Н. Смирнов представил аналитический обзор последних чешских и словацких лингвистических работ в области сопоставительной лексикологии, делая акцент на основные проблемные моменты, ставшие предметом научных дискуссий у зарубежных лингвистов и получившие неоднозначную трактовку в отечественной лингвистике (существование так называемой «лексии», конкретное наполнение понятия *tertium comparationis*, проблема эквивалентности и типов эквивалентов и под.). Г. П. Клепикова рассматривает варьирование семантического объема лексем на материале диалектов карпатского ареала, а И. А. Седакова также с привлечением диалектных данных русского и болгарского языков исследует участие генетически единой лексики (термины родства) в процессах вторичной номинации.

Оправданным оказывается, по нашему мнению, и привлечение в ряде статей сборника неславянского языкового материала — балтийских языков (Г. К. Венедиктов — «К семантической характеристике парных глаголов движения в литовском и славянских языках»), германских (Т. Н. Маляр, О. Н. Селивестрова — «Понятие „пространства“ и „расстояния“ в семантике некоторых русских и английских предлогов и наречий») и древнеармянского (Н. А. Козинцева — «Структурно-типологическая характеристика категории пересказываемости/непересказываемости/засвидетельствования»).

В целом можно отметить, что в сборнике раскрываются широкие возможности сопоставительно-типологических исследований и намечаются перспективы для дальнейшей работы в этой области языкознания.

Кроме того, хотелось бы подчеркнуть ценность подобных изданий: оперативное составление сборников и публикация материалов конференций средствами малой полиграфии помогают отчасти смягчить те трудности, которые в последнее время возникли при обмене актуальной научной информацией и изданиях современной лингвистической литературы.

Лешкова О. О.

XI МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

Прошедший в Братиславе с 30 августа по 8 сентября 1993 г. XI Международный съезд славистов стал крупным событием в мировом славяноведении. Это было несомненно значимое событие не только научной, но и общественной жизни, что отметил в приветствии съезду Президент Словацкой республики Михал Ковач.

Работа съезда была организована по пяти направлениям (тематическим группам). Интердисциплинарный подход к формированию секций позволил представителям различных славистических дисциплин провести живой диалог, в итоге показавший широкую панораму научных исследований.

В первой группе докладов — «Великая Моравия и славяне в контексте европейской истории и культуры» — доминировала тематика раннеславянской государственности и письменности. Особую роль великоморавской традиции в славянской культуре подчеркнул Н. И. Толстой (Россия). Ряд докладов словацких ученых освещал проблемы археологии и исторических судеб Великой Моравии (Д. Бялекова, А. Руткай, М. Кучера, Р. Марсина и др.). Р. Крайчович, например, исследовал письменные источники Великоморавской державы и выделил там широкий пласт общекультурной лексики, присущей и двору, и окраинам. Она — в общих песнях, легендах, заклинаниях, стерты следы которых сохранились до нашего времени. Этой же теме был посвящен специальный круглый стол. В его рамках состоялась дискуссия о месторасположении Великой Моравии. В 1971 г. американский славист И. Боба выдвинул положение о том, что это образование находилось далеко южнее, на Балканах. В 80-е годы эту позицию поддерживал австрийский славист О. Кронштейнер. Г. Бикфеллнер, Г. Бирнбаум, Я. Исаевич, И. Шекен, Ф. Уличный, В. Вавржинек на съезде аргументированно доказывали слабую обоснованность подобного положения, хотя и допускали, что крупное государственное образование могло существовать не только на левом притоке Дуная — Мораве, но и на правом — реке с тем же названием. Однако безусловность того факта, что в

863 г. византийский император Михаил III отправил Кирилла и Мефодия именно в государство на левом притоке Дуная, сомнений не вызывает. Большое внимание было уделено кирилло-мефодиевской проблематике. Е. П. Верещагин отметил такой факт, как глубокое понимание Кириллом Философом древнееврейских толкований слов «закон» и «завет» (в дискуссии с хазарскими иудеями). Д. М. Калезич показал, что прозвище «Философ» Кирилл получил как обладатель глубочайших знаний, идущих с античности. А. А. Медынцева проследила влияние кирилло-мефодиевской традиции в предметах христианского культа еще до официального принятия христианства. Так, древнерусские нагрудные кресты явно имеют своим прототипом кресты великоморавские. Следы подобного влияния видны и в древнерусской эпиграфике. Более отдаленные, можно сказать, вторичные и третичные взаимосвязи восточно- и западноевропейского начал в рамках указанной традиции отмечали И. Тот, В. Житник и В. Русановский. Все доклады первой группы объединяла общая идея: кирилло-мефодиевское и великоморавское наследие сыграло определяющую роль в становлении, самоидентификации и традициях славянской культуры. Обсуждались также проблемы этногенеза славян, о чем см. далее.

Вторая тема — «Гуманизм, Ренессанс и барокко у славян» — объединила доклады литературоведов, историков, лингвистов, музыковедов. Особо подчеркивалась специфика славянских гуманизма и барокко, причем последнее рассматривалось как логическое продолжение гуманистических идей на славянской почве (Э. Петру, Х. Роте, В. М. Живов, Л. Боева, А. Мальдзис). Роте, например, выступил с общим докладом о гуманизме славянства, привившемся от общего древа, которое поначалу (с XIV в.) расцвело в Италии. Плодом этого древа стали славянские литературы, созревшие почти везде и в относительно короткое время. Гуманизм как бы «наступал» из-за Альп волнами: в XV в. его восприняли чехи и хорваты, в XVI в. — поляки и словенцы,

в XVII в. — сербы и восточные славяне. Немногим позже появились их великие литературы. Барочная парадигма украинской культуры была блестяще прослежена в групповом (М. М. Гайдай и др.) докладе украинских ученых. Ряд выступлений был посвящен этническому и историческому самосознанию славян (С. Н. Азбелев, Г. П. Мельников, Р. Марсина). Особое внимание было уделено литературе барокко, ее тематике, художественным особенностям, лексическим средствам (Э. Эгеберг, Н. Мячковская, А. Штих, М. Копецкий, М. Чаркич, К. Ханник). Й. Магнушевский поднял проблему границ стиля барокко в славянских литературах. «Славянское барокко» отличалось от римско-латинского и греко-византийского, но и представляло собой некий несущий элемент «континентального барокко». Оно было достаточно «гуманизировано», даже допуская «невиданные чудеса Божьи». Роль украинской культуры как посредницы между Западом и Востоком подчеркнули на примере Острожской академии и музыки барокко Я. М. Стратий и Н. О. Герасимова-Персидская. Многие докладчики отмечали, что именно барокко стало тем стилем, который объединил славянские культуры, поскольку оно получило распространение у всех ветвей славянства.

Третью тематическую группу составили доклады о славянском национальном возрождении XVIII—XIX вв. Особое место было уделено юбилею года Я. Коллару и его идеям славянской взаимности. Этой теме был посвящен специальный круглый стол. Польский славист С. Козак в докладе на украинском языке, в частности, обсудил проблему обоснования славянского единства Я. Колларом и русским историком Н. Костомаровым. Во многих докладах рассматривалась роль народной культуры в становлении наций, специфика фольклора разных регионов (М. Бобровница, М. Сангова, С. Е. Никитина, В. Е. Гусев, В. Гашпарикова). Большое количество докладов было посвящено славянским литературам: их взаимным связям, идейному содержанию и художественным особенностям. В особую тему была выделена проблематика романтизма. Хочется отметить выступление Й. Месароша о понятиях славянской взаимности, славянофильства и панславизма, В. Матулы об идеях гуманизма, демократии и свободы у Я. Коллара и Л. Штура, А. В. Липатова о типологии и истории славянских литератур в общеевропейском контексте, М. Элиаша о значении «Матицы словацкой». Своеобразным заключением здесь можно считать представленный доклад В. А. Дьякова «Исторические судьбы славянской идеи с древнейших времен до 1918 г.». Эта идея — не «прекраснодушная мечта миролюбивых или злонамеренное изобретение во-

инствующих политиков». Она — общая часть разных национальных культур в меняющихся исторических условиях.

Четвертую группу образовали доклады о языке и культуре славянских народов в XX в. С. Вольман дал анализ состояния современных славянских литератур, Постмодернизму посвятили свои выступления Г. Риц, С. Владив-Гловер. Русский авангард находился в центре внимания М. Цанцаногу, Э. Бристоля. В ряде докладов анализировались поэтика и стилистика славянских текстов XX в., проблемы периодизации и исторических особенностей современной славянской культуры, состояние и перспективы развития литературоведческих дисциплин, их методика. Специальные круглые столы были посвящены литературе словацкой эмиграции и словацко-чешским отношениям. Группа докладов рассматривала современное этническое и политическое состояние славянских народов. Выделялись проблемы карпаторусинов, наследия Т. Г. Масарика, народной культуры в современном мире. Ф. Уличны подчеркнул, что русины в Словакии появились со стороны Валахии в XIV—XV вв. Они были православными, а их этноним — просто местное произношение латинского «рутенцы». О. Мишанич подчеркнул политическую сторону «карпаторусинства», возрождающегося с 1990-х годов. Э. Г. Задорожнюк в докладе «Политический реалист и социальный мыслитель Масарик о социальном мыслителе и политическом реалисте Герцене» обсудила контуры идеи исторической общности судеб славянства, отметив особо значимость проблемы осознания региональной идентичности в поясе государств от Балтики до Адриатики.

Пятая тематическая группа объединила доклады, посвященные определению предмета славистики, ее методов и места в системе гуманитарных наук. Р. Пиккио скорректировал определение понятия «церковнославянская литература», Й. Погачник — понятие «книжная традиция». Обсуждались проблемы герменевтики, структурализма, истории искусства. Многие докладчики проинформировали о состоянии славистических дисциплин в своих странах. Об этом говорилось в докладе Е. П. Пугача, С. Ю. Страшнюка, Е. Ф. Широкогоряда, давших панораму славистических исследований в Харьковском университете. Но особое внимание было сосредоточено на проблемах историографии и развития научных концепций. А. Фурдал рассказал о перспективах славистики в современной Европе. Как обобщающий прозвучал групповой доклад сотрудников Института славяноведения и балканистики РАН (А. Н. Горяинов, М. Ю. Досталь, М. А. Робинсон) «Методологические проблемы истории славистики

как объект анализа в рамках Международных съездов славистов».

В дни работы съезда была организована большая выставка новинок славистической литературы, прошли презентации ряда книгоиздательских проектов, вернисажи художественных выставок. Особо хочется отметить атмосферу съезда — рабочую, с острыми дискуссиями и в то же время сердечную. Чувствовалось, что в Братиславе собрались люди, целью своей избравшие то общее, что соединяет в едином пространстве славистики людей разных научных школ, политических пристрастий, национальностей, — показать ценность культуры славянства, его неразрывную связь с мировым историческим и культурным развитием.

Можно с особой удовлетворенностью подчеркнуть, что традиция взаимопонимания между славистами не прервалась. На фоне резких и разнонаправленных процессов в Центральной и Восточной Европе слависты со всех концов мира продемонстрировали способность налаживать творческое сотрудничество.

*Мельников Г. П.,
Задорожник Э. Г., Ходыкина В. И.*

Если попытаться обобщить тематику прозвучавших на съезде докладов, посвященных исследованию славянских языков в синхронном и диахронном аспектах (на съезде работало 10 лингвистических секций, большинство из которых имело подсекции), то можно выделить следующий круг вопросов, привлечших внимание ученых: этногенез славян, праславянский язык, славянская мифология; славянские языки, их история и современное состояние; славянские диалекты (диалектология и лингвистическая география). (В обзоре рассматриваются доклады, включенные в программу съезда. Доклады, прозвучавшие вне программы и не нашедшие отражения в сборнике его рефератов, не смогли получить отражение в предлагаемом обзоре. Доклады рассматриваются в соответствии с проблематикой работавших на съезде секций.)

I. Этногенез славян и праславянский язык.

I. 1. Этногенез и древнейшая история славян с археологической, исторической, топонимической и этнолингвистической точек зрения: древнейшая локализация славян по данным гидронимии, топонимии, памятников археологии (прежде всего по типам погребений и керамики), свидетельства историков византийского периода; проблема раннего славянского исхода на юг, межэтнических контактов в типологическом и стадийном аспектах, тестирующее значение топо-

гидронимии для суждений об исходной диалектной сложности праславянского языка, а также для понимания славянской миграции (О. Н. Трубачев, В. В. Мартынов, В. В. Седов, В. Д. Баран, Е. В. Максимов, Л. А. Tyszkiewicz, W. Mańczak); локализация прародинны славян в среднем течении Дуная (О. Н. Трубачев, в докладе приводится новый материал, подтверждающий высказанную автором ранее гипотезу), в лесостепной части Приднепровья (Е. В. Максимов), в бассейне Верхнего и Среднего Поднестровья, откуда славяне двинулись на Дунай (V—VII вв.) и далее на юг и запад (В. Д. Баран), в Повислинье, северо-восточная часть ареала средневропейской общности (В. В. Седов), на восток от Вислы, откуда славяне начали свою миграцию на Нижний Дунай, куда они пришли, судя по свидетельству источников, в 455 г. (Л. А. Tyszkiewicz); этнолингвистический подход к решению этой проблемы в докладе В. В. Мартынова, обратившего внимание на необходимость привлечения взаимоконтролируемых данных по языку и духовной культуре славян, в частности их мифологии, предложенную им ранее пространственно-временную стратификацию носителей праславянского языка (между Вислой и Одрой) подтверждают результаты исследования славянской мифологической системы: основные славянские божества, Перун и Велес, имеют балтийские соответствия (о кельтском происхождении этих теонимов говорил L. Moszyński); заселение славянами Фракии и северо-западных Балкан по данным топонимии и историческим свидетельствам (И. Дуриданов, А. Лома).

I. 2. Праславянский язык.

I. 2.1. Внутренняя и внешняя реконструкция праславянского языка: теоретические проблемы изучения межязыковых соответствий в связи с решением вопросов, связанных с миграцией славян, в частности с колонизацией славянского юга (А. Šivic-Dular); оценка диагностического потенциала материала отдельных языков, а именно балтийских, при реконструкции праславянского языка (Т. Mathiassen, R. Eckert), межэтнических контактов (R. Katičić) или истории становления фонетических систем некоторых языков, в частности албанского (K. Luukkonen).

I. 2.1.1. Праславянская фонетика и фонология: общая характеристика фонологических процессов праславянского языка на различных этапах его развития (H. G. Lunt);

а) консонантизм: палатальность согласных, условия и время ее появления, разная степень проявления, ареально-диахронический аспект (J. Nuorluoto); вторая палатализация заднеязычных согласных, ее хронологические рамки, объяснение ее «непоследовательности» в русских ди-

алектах (J. Björnflaten, H. Schuster-Šewc, M. Enrietti): существование примеров, иллюстрирующих сохранение заднеязычных согласных в позиции перед \ddot{e}_2 в некоторых псковских говорах (тип *кел, кедит, квет*), — явление, по мнению авторов, вторичное, связанное с процессом перехода /ц'/→/т'/→/к'/, о чем свидетельствуют ареалы проанализированных лексем (J. Björnflaten), или с процессом перехода /ц'/→/ч'/→/к'/, имевшим место еще в древнерусском языке (H. Schuster-Šewc);

б) вокализм: судьба дифтонгических сочетаний с плавными и носовыми в балто-славянском и праславянском языке: в балто-славянском приобретение слоговости сонорными вызвало сокращение первых элементов этих сочетаний \ddot{i} , \ddot{u} и трансформацию типов интонации, в праславянском языке монофтонгизация дифтонгов не отразилась на их интонации, поскольку двухморность была сохранена (В. Скляренко); условия и хронология перегласовки праслав. \ddot{i} → \ddot{u} в северо-западном славянском ареале (G. Schaarschmidt); судьба фонемы праслав. \ddot{e} в словацком языке (S. Pelusi);

в) акцентуация: типы ранних просодических различий, возникших до славянских миграций, и их распределение в современных славянских диалектах (В. Дыбо, Г. Замятина, С. Николаев).

I. 2.1.2. Реконструкция праславянского лексического фонда: общая характеристика теоретических и методологических проблем реконструкции словарного состава в связи с реконструкцией праславянской фразеологии, ее структуры и этимологии (F. Slawski, R. Eckert);

а) этимология: методологические проблемы изучения глубинных этимологических связей в лексике славянских языков, выхода за хронологические рамки праславянского и индоевропейских языков с целью поиска генетических связей славянских и, шире, индоевропейских языков с неиндоевропейскими языками (О. С. Мельничук, В. Т. Коломиец); методологическое решение проблемы подачи материала одного этимологического гнезда в этимологическом праславянском словаре в связи с гнездовым исследованием праславянской лексики (Ж. Ж. Варбот);

б) частные проблемы реконструкции: лексические реликтовые свидетельства балтийских элементов в кашубских и словинских диалектах (F. Hinze); ранняя славянская христианская терминология, существовавшая в языке паннонских славян и проникшая в венгерский язык в качестве элементов субстрата (Е. А. Хелимский); Slavo-Celtica; дистрибутивный анализ глаголов «иметь — быть» в славянских и кельтских языках: типичными представителями глагола «иметь» являются чеш-

ский, словацкий, сербохорватский, словенский языки, а глагола «быть» — русский язык; отмечается крайний характер глагола «быть» (русский и галльский языки) и значение данного факта для сравнительно-исторического языкознания (R. Ogg); свидетельства принадлежности славяно-балто-германского названия земноводного *bufo* (жаба) к северноевропейскому словарю, восходящему к автохтонным источникам (А. П. Непокупный).

I. 2.1.3. Морфологические реконструкции; грамматическая категория числа в праславянском, стадии ее развития (лексическая, словообразовательная, морфологическая) и способы языкового выражения на каждой из стадий, оценка процессов формирования категории числа как имеющих внутриязыковой характер (В. И. Дегтярев); категория числа как элемент духовной культуры славян, отражающий систему их духовных ценностей, связанный с магической природой числа (особенно чисел 3, 9, 27) (Т. Б. Лукинова); происхождение итеративных глаголов в славянских и балтийских языках, влияние эмоционально-экспрессивной окраски на удлинение вокального элемента корня: глаголы с удлинненным гласным обозначали более сильное и длительное действие, чем с кратким гласным (W. Schmalstieg).

I. 2.1.4. Синтаксические реконструкции: типы простых и сложных предложений в праславянском языке, способы выражения в них главных членов (Cz. Bartula).

I. 2.1.5. Реконструкция праславянской культуры: фрагмент праславянской культуры, определяемый ключевым элементом $\ddot{m}ig-$ как «мировой» текст, обладающий парадигматически-описательной, объяснительной и целеполагающе-предписывающей функциями, структурная организация этого текста, славяно-индо-иранские параллели (В. Н. Топоров); реконструкция текста праславянского обряда урожайности, мифологические балто-славянские соответствия, их роль при определении этногенетических праславянских связей (R. Katičić).

I. 2.2. Диалектные отношения в праславянском языке; характеристика паннонославянской языковой общности в системе диалектных отношений праславянского языка: типы устойчивых изоглосс, позволяющих восстановить динамику пространственно-временных отношений праславянского и охарактеризовать древнюю Паннонию как один из важнейших центров миграции славян в эпоху их расселения (Л. В. Куркина).

I. 3. Славянская мифология. Язычество и христианство.

I. 3.1. Общая характеристика теоретических и методологических проблем этнолингвистики: соотношение денотативного и коннотативного значений слова, содержательного, структурного и функциональ-

ного в обрядовом тексте на примере лексем с корнем *vesel-, разнородные значения которого объединяются на основе единого символического образа «нового, рождающегося, молодого, здорового, процветающего», получившего в традиционной народной культуре магическое осмысление (Н. И. и С. М. Толстые); семантическая связь между фольклорным текстом и ритуальным контекстом, типы взаимодействий символики ритуальных действий и мотивов сопутствующих приговорных текстов: формальная тавтология, формальный параллелизм, семантический параллелизм и др. (Л. Н. Виноградова); обоснование и иллюстрация новых методологических подходов (функционально-этнолингвистического, лексико-семантического) к изучению традиционной славянской мифологии на примере белорусско-словацких соответствий в сфере демонологии (М. Антропаў); использование терминологических понятий «грамматики падежей» при анализе глубинных структур славянских мифологических текстов, в частности понятий элементарной тематической конструкции как единицы грамматического содержания текста и комплементарной дистрибуции его семантических элементов (A. G. van Holk);

1. 3.2. Проект создания общеславянского этнологического атласа: цели и задачи атласа, его тематический объем (сельское хозяйство, ремесла, приготовление пищи, одежда, строительство, социальные и семейные отношения и др.), структура, источники, методы сбора материала и его репрезентации на картах (M. Benža);

1. 3.3. Частные проблемы этнолингвистики: антропогонические мифы и связанные с ними ритуалы и верования: мифические формулы о происхождении детей, характерные модели этих формул и их классификация (Н. К. Гаврилюк); общеславянские фольклорные мотивы, связанные с культом волка: «волчий пастух» и «волкодлак», их магические функции, хронология и распространение (I. Ito); оценка роли языческого мировоззрения в духовной культуре восточных славян (П. П. Толочко); болгарское шаманство как самобытное явление болгарской культуры VII—X вв., раскрывающее значение обрядовых текстов и функции персонажей болгарского фольклора (А. Калоянов); свадебные и погребальные обряды, их образно-поэтическая символика, мотивы сопутствующих приговорных текстов (В. Попов, А. Аксамитаў, Л. Малаш); славянские этнологические легенды в связи с вопросом о межэтнических связях (Е. Анастасова); оценка этнических представлений и экспрессивных ощущений «своего» и «чужого» летописца Нестора в «Повести временных лет» (А. С. Демин); ранние южнославянские эпические легенды, оценка их с точки

зрения подлинности лежащих в их основе исторических событий (Н. Лубинковић); славянские народные заговоры как древние мифологические тексты, их типологическая классификация и происхождение (Ль. Раденковић); сербохорватские народные загадки в общеславянском контексте (Б. Сикимић); духовные стихи в современной старообрядческой культуре, их семантика и функции (С. Е. Никитина).

II. Славянские языки в диахронии и синхронии.

II. 1. История славянских языков. Начало письменности, литературы, духовной и материальной культуры.

II. 1.1. Старославянский язык: старославянский язык как самостоятельный объект исследования в синхронии и диахронии, эволюция его системы (K. Steinke);

а) языкотворческая деятельность Кирилла и Мефодия: жизнь и деятельность славянских первоучителей в произведениях Владислава Грамматика, характеристика этих произведений (Г. Данчев); оценка философских и филологических доводов Кирилла во время диспута с хазарскими иудеями о синонимичности богословских терминов *завѣтъ* и *законъ* (Е. М. Верещагин);

б) текстологические проблемы: старославянские памятники в свете открытий на горе Синай (F. V. Mareš); датировка ранних славянских рукописей, разработка критериев, классификация орфографических систем кириллических памятников в их отношении к глаголическим, доказательство раннего появления одноеровой кириллицы (В. Велчева, А. Тодоров); характеристика ранних кириллических и глаголических памятников, их хронологические рамки, распространение, наличие влияний других рукописных традиций (А. Джурова, W. Veder, J. Vereecken); композиционная структура славянских рукописных Евангелий: выделение организующего центра и структурирование вспомогательного аппарата (Е. Дограмаджиева);

в) лексика: лексическое своеобразие произведений Иоанна Экзарха в их отношении к Супрасльской рукописи, характеристика лексического состава древнеболгарских текстов Преславской школы (J. Sato); топонимы и антропонимы в старославянских памятниках, адаптация греческих и грецизированных заимствованных имен собственных: приспособление их к фонетической и морфологической системам старославянского языка, упрощение их словообразовательной структуры (М. Панич, П. Јовићвић); причины высокой сохранности старославянизмов в словенском языке (M. Ogožen);

г) лексикография: определение параметров старославянской лексики в связи с необходимом-

стью расширения ее объема в словарях старославянского языка и использованием памятников, имеющих более поздние лексические напластования, к диагностирующим признакам относятся: наличие лексемы в памятниках IX—XI вв., а также в оригинальных или переводных произведениях древнеболгарских писателей, общеславянский характер лексемы, ее семантическая структура: принадлежность к природным или социально-общественным явлениям (А. Давидов);

д) синтаксис: выражение временного значения в старославянском сложном предложении, анализ семантико-синтаксических структурных типов сложноподчиненного предложения с придаточным времени в их отношении к синтаксическим типам современного словацкого языка (Р. Žigo).

II. 1.2. Церковнославянский язык: формирование церковнославянского языка русской редакцией, его периодизация и стандартизация: специфика норм церковнославянского языка, характер их ориентации (М. Л. Ремнева, П. Д. Филкова); церковнославянский язык и западнославянское культурное развитие: критика попыток отделить западнославянское культурное развитие от влияния церковнославянской традиции (М. Kantor); критическая оценка взглядов Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона на церковнославянское наследие в славянских языках (В. Stolz, J. Toman).

II. 1.3. Другие древние славянские языки:

а) текстологические исследования: использование сопоставительных и типологических методов исследования (в частности, метода нормативно-системного расслоения текста) с целью выявления содержательной и формально-языковой преемственности древних текстов, их лексической парадигматики и синтагматики (Ц. Янакиева, А. Супрун, А. Кожынава, Я. Трамбовольскі, Н. Н. Запольская); история хорватского языка в связи с историей письменности: соотношение глаголицы, кириллицы (боснийской азбуки) и латиницы в древнехорватских текстах; характеристика этих текстов, их хронологические рамки (S. Damjanović); хорватские глаголические манускрипты (А. Zariđija Kiš) и инкунабулы (А. Nazor); боснийская Псалтырь (J. Jurić-Kappel); памятники древнерусской литературы и письменности XII—XIV вв. у южных славян (А. А. Турилов); древнерусская эпиграфика X—XIII вв. в ее отношении к эпиграфической традиции южных и западных славян (Т. В. Рождественская); следы античной культуры в православнославянских текстах (И. Буюклиев); апокрифический текст «Сон Богородицы» (М. Schmäcker-Breloer); Библия Ф. Скорины и Псалтырь А. Фирсова (Н. Н. Запольская);

б) изучение грамматического строя древних славянских языков: историческое словообразова-

ние славянских языков, его цели и задачи: описание эволюции словообразовательных систем славянских языков, разработка типологии процессов развития новых значений у аффиксов и их регулярных соотношений, создание теории исторического словообразования (И. С. Улуханов); история перфекта в южнославянских языках (J. Lindstedt) и древнерусском (Е. Klenin).

II. 2. Литературные славянские языки в период гуманизма, Ренессанса и барокко.

II. 2.1. Теоретические проблемы: гуманистические традиции и тенденции в развитии славянских литературных языков, типология процессов становления и функционирования литературных языков в преднациональный период: тенденция к демократизации культуры, письменности и литературного языка в ее соотношении с тенденцией к сохранению и расширению сфер функционирования традиционного литературного языка, изменение отношения к корпусу религиозных текстов (Е. И. Демина, В. М. Живов); развитие отдельных славянских литературных языков: хорватского (J. Lisac, A. Puićar, A. Šojat, J. Vončina), словацкого (G. Gáfríková), болгарского, в частности языка болгарских католиков (J. Jerkov Sapaldo), русского (В. П. Вомперский);

II. 2.2. Формирование терминологических групп: словацкой юридической терминологии (R. Kuchař); хорватской фармацевтической, теологической, агрономической терминологии (М. Samardžija); русской военной терминологии в связи с влиянием польского языка (W. Witkowski).

II. 3. Славянское национальное возрождение — традиции и новые тенденции развития языка.

II. 3.1. Теоретические проблемы: периодизация литературных языков, разграничение старого и нового периодов в их развитии, критерии разграничения (Р. Цойнска, J. Toporišič); становление и развитие отдельных славянских литературных языков: диалектная база, соотношение норм, основные тенденции развития: сербского (В. Ђукановић, А. Младеновић), хорватского (Z. Vinca), македонского (А. Najdić), болгарского (М. Станкова-Иванова, В. Сташков), польского (А. Kowalska), словацкого (Л. Н. Смирнов), русского (G. Hüttl-Folter); формирование языковой стойкости у славян на базе национального самосознания, национальной культуры, традиций и причины, препятствующие этому: влияние языка церкви (латинского или церковнославянского), ранняя утрата и позднее появление государственности у большинства славянских народов, влияние более сильных славянских культур и языков (О. Б. Ткаченко); проблема создания общеславянского языка в культурно-историческом и лингвистическом аспектах (И. Б. Чуркина, М. Basaj);

II. 3.2. Текстологические исследования: синтаксический и стилистический анализ кайкавских текстов XVIII в. (D. Stolać);

II. 3.3. Роль великоморавской традиции в славянской культуре (Н. И. Толстой); языкотворческая деятельность славянских будителей и ее влияние на развитие славянских литературных языков: Л. Штура (V. Blanař, E. Hořák), В. Карджича (E. Hořák), А. Бернолака (H. Keipert), Д. Обрадовича (G. Newekłowsky), Я. Коллара (G. Thomos), П. Шафарика (M. Žiláková), влияние идей чешских и словацких будителей на развитие украинского языка и культуры (В. К. Житник, В. М. Русанівський); оценка роли младограмматиков и академического языкознания в стандартизации и кодификации славянских литературных языков (K. Gutschmidt).

II. 4. Современные славянские языки.

II. 4.1. Ареальная основа формирования литературного языка: оценка связей между территориальной базой литературного языка и ареальной структурой, возникающей вследствие интеграционных процессов в рамках языковой территории (Г. А. Цыхун, Я. Герковић).

II. 4.2. Современное состояние и перспективы развития славянских литературных языков: интеграция и дифференциация как основные процессы развития и взаимодействия языков — литературный язык национальных меньшинств в иноязычном окружении (M. Štec, I. Mokuteg, M. Бурзан, А. Дуличенко, А. Zdaniukiewicz, Z. Halilović); типология моделей кодификации славянских литературных языков и причины их дезинтеграции (на примере чешского, словацкого, сербского, хорватского языков): кодификация литературного языка в двух или более вариантах как причина его распада (R. Marti, J. Bosák); характеристика новой языковой ситуации, сложившейся после распада бывшей Югославии, и проблема развития отдельных языков (S. Mönnesland), направление языковой эволюции: движение языка от синтетического строя к аналитическому, анализ причин, вызывающих языковую перестройку, их внутренний характер, предопределяемый самим флективным строем языка (Г. Герджиков).

II. 4.3. Исследования языковых уровней славянских языков:

II. 4.3.1. Фонетика, фонология, просодия: характеристика славянской системы консонантизма (F. V. Mareš); сочетаемость согласных фонем в позиции начала слова в польском и венгерском языках в связи с различиями в построении фонетического кода двух языков: в польском количество групп согласных фонем в начале слова в несколько раз больше, чем в венгерском (J. Banczerowski);

судьба сочетаний шумных с сонорными согласными в позиции конца слова в восточнославянских языках (M. S. Flier); чередование долгих и кратких гласных в субстантивных основах в чешском и словацком языках: апализ акцентных парадигм, отразивших количественные изменения гласных в корневых морфемах (A. Verweij); фонемная организация морфем в чешском и словацком языках, оценка ее с точки зрения архаичности в связи с явлением нейтрализации фонологических оппозиций (J. Sobol), фонологические описания отдельных славянских языков, в частности русинского (O. Timko) и хорватского (I. Škarčić) в связи с пересмотром некоторых фонологических проблем; анализ фонологической адаптации заимствованных слов в русском языке (P. Cubberley);

характеристика просодического ландшафта славяинства: место и характер ударения, тип просодической схемы слова, тип воздействия фразовой просодии на словесную, разные типы парадигматических и синтагматических признаков (M. И. Лecomцева, Т. М. Николаева); просодическая организация славянских текстов разных функциональных стилей (Л. В. Златоустова).

II. 4.3.2. Лексика:

II. 4.3.2.1. Лексикология: стратификация словарного состава языка, использование стилистических критериев в качестве классифицирующих признаков (F. Kočiš); лексико-семантическая система языка: терминологическая лексика, хронологическая и генетическая стратификация, структурно-семантическая и словообразовательная организация, пути пополнения ее состава: профессиональная терминология в южнославянских языках (J. Rusek); термины родства в сербохорватском языке (M. Бжелитић); аргоизмы в словацком языке, характеристика их со структурно-типологической точки зрения, причины их сохранения в языке (P. Odaloš); заимствования в лексической системе языка, правила и этапы их адаптации в языке (цитирование, словоизменение, словообразование), семантическая эволюция (как правило, в направлении расширения первоначального значения), сфера функционирования (K. Waszakowa, M. Nežirović, P. Rozkoš).

II. 4.3.2.2. Сопоставительная лексикология: цели и задачи конфронтационного исследования лексики славянских языков, выбор *tertium comparationis*, определение методов исследования и их репрезентация (E. Sekaniňová, R. Grzegorzczkowa);

проблемы синонимии, омонимии, полисемии в сопоставительном аспекте: причины возникновения так называемых контактных вариантов в чешском и словацком языках. их оценка с точки зрения вклада в семантическую и стилистическую

дифференциацию языка (K. Buzássyová); характеристика структурно-семантических типов межъязыковых омонимов в русском, польском, сербском языках (М. Косановић); полисемантемы в русском и румынском языках, различия в их структурной организации, процессы их семантической дезинтеграции (V. Moldovan);

неологизмы в сербском и словацком языках, различия в протекании процесса неологизации: универбизации, терминологизации, интернационализации (М. Лађевић);

заимствования в польском, чешском, словацком, словенском языках, различия в адаптации их внутренней и внешней формы, сфере функционирования, стилистической окраске (K. Palkovič, T. Orloš);

сопоставительное изучение отдельных лексических групп: лексики, относящейся к сфере искусства (R. Blatná), сакральной, темпоральной терминологии (M. Jurkowski, H. Jachnow).

II. 4.3.2.3. Сопоставительная лексикография: отражение в двуязычном словаре межъязыковых паронимов (М. Радић-Дугоић), различий в лексико-синтаксической сочетаемости (Б. Станковић).

II. 4.3.2.4. Семантика: семантическое варьирование лексических единиц и его отражение в языке (Д. Гортан-Премк); ономастологическая симметрия и асимметрия в лексиконах славянских языков, классификация типов асимметрии (J. Furdík).

II. 4.3.2.5. Контрастивная семантика: контрастивный анализ семантических полей разных языков, ориентированный на выявление внутренней организации понятийной структуры славянских лексиконов и определение идиосинкразических свойств языков (A. Nagórko); иллюстрация методов контрастивного анализа на примере названий природных субстанций (M. Grochowski).

II. 4.3.2.6. Фразеология: общая характеристика теоретических и методологических проблем: фразеологические единицы, их коммуникативная специфика, характеристика их функций и потенциальных возможностей в различных текстах, соотношение их синтаксической структуры с эстетическими «приращениями» смысла (В. М. Мокиенко, F. Čermák, S. Wölke); методологические проблемы создания словаря библеизмов в славянских языках: состав словника, характер словарной статьи: тип дефиниции и культурно-исторического комментария, глубина хронологического «погружения» в текстовые иллюстрации (Г. А. Лилич, В. М. Мокиенко, Л. И. Степапова);

этнофразеология как наука, выявляющая своеобразие в культурно-национальных коннотациях фразеологических единиц, раскрывающая связь образного основания фразеологизмов с культурно-на-

циональным миропониманием (В. Н. Телия); роль мифологических, религиозных, этических и культурных норм в формировании внутренней формы фраземы, её национальной специфики (Д. Мршевић-Радовић); этнологический метод исследования пословиц и поговорок (J. Mlasek).

II. 4.3.2.7. Сопоставительная фразеология: значение сопоставительного изучения фразеологических единиц славянских языков для понимания их этнологической специфики (J. Skladaná); сопоставительный анализ польских и словацких фразеологизмов, выявление различий в их внутренней форме и структурной организации (F. Buffa).

II. 4.3.2.8. Ономастика: теоретические и методологические проблемы: создание общеславянского антропонимического словаря, его цели, задачи, объем, источники (I. Pătruț); словообразовательно-семантическая реконструкция древнеславянских топонимов, критерии ее надежности (Р. Маројевић); реконструкция межъязыковых и межэтнических немецко-чешских контактов по данным топонимии Чехии, Моравии, Силезии (E. Eichler); транспозиция славянских антропонимов, способы выражения значения определенности/неопределенности (W. Lubaš).

топонимическая и антропонимическая система отдельных регионов, ее этногенетическая и хронологическая стратификация, идиосинкразические свойства (Ю. А. Карпенко, Ф. П. Сергеев, А. К. Смольська, В. А. Колесник, M. Oros, I. Bily, W. Wenzel, P. Šimanović. V. Bařac-Grum, M. Buřá, J. Milin).

II. 4.3.3. Словообразование: словообразовательная динамика, разнонаправленность и неравномерность процессов языкового развития, характеристика процессов, происходящих как в рамках одной словообразовательной категории, так и между разными категориями (Г. П. Нещименко); словообразовательные способы выражения лексического отрицания в чешских глаголах: использование двойной префиксации (A. Grygar-Rechziegel); синтаксические функции словообразовательной морфемы-ся в русском языке в связи с ее ролью в залоговой системе русского глагола (G. Fowler).

II. 4.3.1. Сопоставительное словообразование: теоретические проблемы сопоставительного изучения словообразовательных систем славянских языков: функционально-семантический подход, его tertium comparationis: репертуар словообразовательных значений и функций, структура типовых и конкретных словообразовательных парадигм, виды мотивации, идиоматичность семантики производного слова и др. (Е. Земская, О. Ермакова, Z. Rudnik-Karwatowa);

частные проблемы сопоставительного словообразования: славянские словообразовательные системы: реализация агентивности в структуре деривационных моделей русского и сарбохорватского языков (J. Матијашевић); продуктивность, сфера распространения, активность использования суф. -ownia, -agnia, -anip, -ina, -es и других в польском языке в сопоставлении с другими славянскими языками (B. Креја); deverбативные словообразовательные гнезда в болгарском и русском языках, их структура и семантические связи (К. Илиева); словообразовательная и семантическая структура глаголов с префиксами *nad-*, *pod-* в польском и восточнославянских языках (A. Bartoszewicz); сложные слова с глагольной основой в качестве второго компонента сложения в старославянском и их судьба в современных славянских языках (E. Зюмбюлева);

сопоставительное изучение словообразовательных систем славянских и неславянских языков: субстантивные композиты в русском и немецком языках в ономазиологической категории персональности: различия в характере отношений между частями сложных слов, их связи, статусе аффиксальной морфемы — суффикс/суффикс-ид (R. Belentschikow); словенские и немецкие универбы: различия в предсловообразовательных и словообразовательных отношениях между элементами слова, в способах образования универбов (A. Vidovič-Muha); орнативная функция префиксов в русском и немецком языках, сходства и различия в ее реализации (U. Obst); принципы организации словообразовательной структуры десубстантивных и деадъективных дериватов в русском и литовском языках, различия на уровне парадигматики и синтагматики (G. Ressel); соотношение исконных и иноязычных словообразовательных элементов в русском и румынском языках: выделение позиций сосуществования этих элементов, замещения исконных элементов иноязычными и запрета иноязычных элементов (R. Chivescu).

II. 4.3.4. Морфология: теоретические проблемы создания грамматик славянских языков: функциональной грамматики русского и румынского языков (E. Fodor, S. Vaimberg); контрастивной грамматики славянских языков (P. Николова); нормативной грамматики полабского языка (K. Polański);

изучение грамматических и семантических категорий славянских языков: динамика славянских именных классификаций: категории рода, одушевленности/неодушевленности, персональности, характеристика грамматических и семантических процессов, протекающих в рамках этих категорий: персонификация, деперсонификация, анимизация, дезанимизация, транспозиция родовых форм при обозначении лиц противоположного

пола (O. Тараненко); способы выражения именных категорий на морфологическом и синтаксическом уровне с целью выявления универсалий и построения типологической классификации славянских языков, оценка этих категорий, их статус в морфологической системе языка: категория рода (E. Andrews), одушевленности/неодушевленности, анимальности, персональности (К. В. Лифанов), определенности/неопределенности (B. Иванов, A. Головачева, Т. Молошная, Т. Свешникова, A. Bluszcz; T. Bylina), possessивности/лишительности (G. Konfederáková; B. Иванов, A. Головачева, Т. Молошная, Т. Свешникова), падежа (G. Hentschel), числа (G. Corbett), в том числе двойственного числа: определение его семантического признака, места и роли в грамматической структуре славянских языков, причин его исчезновения в одних языках и сохранения в других (C. Schooneveld, A. Derganc), градуальности (П. Пипер); типология глагольных категорий, их структурная организация и взаимосвязь, статус этих категорий в морфологической и семантической системах языка: категория вида: типология видовых систем славянских языков в связи с наличием/отсутствием формальных показателей вида на морфологическом и словообразовательном уровнях (A. Holvoet); структурная организация категории вида как ярусной категории (V. Lehmann); категория вида в ее отношении к семантическому признаку возникновения новой ситуации, выявление связей между системными значениями видовых форм и функциями, имеющими непосредственный «выход в речевой смысл» (A. В. Бондарко), реализация видовых значений перфективности, продолжительности, завершенности (B. Половина, A. Stupová), вид и модальность в семантической структуре славянских языков (S. Karolak), связь категории вида с категорией склонения в формах вежливого обращения в славянских языках (R. Benacchio), а также с категорией времени: причины утраты видовых различий в аористе в македонском языке (V. A. Friedman); категория залого (M. Sokolová), модальности (V. Du Feu, B. Kunzmann-Müller), времени (H. Tomola, B. Митриновић, R. C. de Armond), наклонения (E. D. Zakrzewska, M. Korytkowska, V. Koseska-Toszewa), лица (M. Mikluš), конклюдивности (И. Куцаров, Z. Greñ);

изучение отдельных частей речи и лексикограмматических разрядов: характеристика их категориального значения, синтаксических функций, способов образования, семантической и синтаксической дистрибуции: наречий (J. Nørgård-Sørensen), частиц (С. Ристић), неопределенно-личных местоимений (K. Mitani), причастий (B. В. Чумак).

II. 4.3.5. Синтаксис: теоретические проблемы славянского синтаксиса: основные понятия синтаксического описания славянских языков (O. Uličný); функциональный синтаксис, его единицы и их отношение в плане формального выражения и семантико-стилистической организации текста (I. Вихованец, A. Mustajoki); структурная организация славянского синтаксиса: наличие в нем двух уровней — собственно-коммуникативного (инфраструктура предложения) и служебно-коммуникативного (инфраструктура предложения) (Д. Х. Баранник); инновационные процессы в славянском синтаксисе (разграничительные и определительные) и их отражение в структурной схеме предложения (L. Uhlířová); типология развития неопределенно-личных предложения в славянских языках (S. Siatkowski).

II. 4.3.5.1. Сопоставительный синтаксис: славянские синтаксические системы: теоретические проблемы сопоставительного изучения славянского синтаксиса: единицы разговорного славянского синтаксиса, их границы, морфологические характеристики, фреквентно-стилистические проявления (И. Ангелова);

частные проблемы сопоставительного синтаксиса: характеристика различных синтаксических конструкций, их формальная организация, типы синтаксических связей, особенности употребления в славянских языках (B. C. Храковский, H. Dalewska-Greń, M. Týr); интерференция и ее отражения в синтаксическом строе чешского и словацкого разговорных языков (J. Hoffmannová, O. Müllerová);

сопоставительное изучение синтаксического строя славянских и неславянских языков: придаточные предложения места в славянских и немецком языках (W. Gladrow); порядок слов в македонском и албанском языках (P. Hendriks).

II. 4.3.6. Стилистика: диахронная и синхронная стилистика, определение ее целей и задач, отличия от классической риторики и поэтики, стилистика разговорного языка (B. Pogorelec); стилистика языка делового общения: переговоры как текст, речевые стратегии ведения переговоров, оптимальные речевые конструкции (R. Rathmaug, Л. А. Шкагова); функция, структура и дистрибуция средств микрокомпозиции текста (M. Dudok).

II. 4.3.7. Семиотика: семиотические отношения сквозь призму языка поэзии: семиотика цвета в болгарском и русском символизме, использование цветового знака — цветемы для построения семантического цветового ряда в поэтической речи (M. Дачев); семиотика космологических символов, определение и характеристика системы оппозиций земной/неземной, реальный/ирреальный, добрый/злой (E. Masłowska); принципы ан-

тропонимической номинации в славянских языках, классификационные признаки: время, место, обстоятельства рождения, очередность появления в семье, социальный статус, магические способности и др. (E. Марушиакова); метафорические переносы как способ создания технических терминов (P. Valtakari); языковая картина мира, синтаксические способы ее выражения: типы модусов, позволяющих говорящему выразить отношение к излагаемым фактам (A. I. Riabova).

II. 4.3.8. Общие проблемы языкознания: типологические классификации славянских языков; характеристика их типов с точки зрения критериев, лежащих в их основе, и условия построения (гомогенность классифицируемых объектов и классификационных признаков) (D. Brozović); проект создания типологической классификации славянских языков на основе фонологических различительных признаков, модель описания фонологической системы славянских языков (Z. Babić); вокальная дистрибуция как критерий типологической классификации славянских языков (V. Zečević); славянско-балканские языковые связи сквозь призму фонологических критериев (I. Sawicka);

интеграция и дифференциация как основные процессы развития и взаимодействия языков: словацкий язык в иноязычном окружении (в Америке): выявление различий в степени сохранности языка, проявляющихся на фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях, анализ языковых сдвигов (L. B. Hammer); проблемы машинного перевода; критерии выделения единиц перевода: семантические, морфологические, синтаксические (I. Maier).

III. Диалектология и лингвистическая география: теоретические и методологические вопросы: диалектология как научная дисциплина, предмет ее изучения (неконтролируемое развитие языка, процессы конвергенции и дивергенции), ее роль и место среди университетских и славистических дисциплин (Z. Topolińska); цели и задачи польской диалектологии на фоне последних достижений в области лингвистической географии (J. Reichan); атласирование: цели, задачи, концепции национальных и наднациональных атласов, перспективы создания новых атласов (И. А. Попов, Ю. С. Азарх, Т. И. Вендина, А. С. Герд, О. Н. Мораховская, З. М. Петрова, I. Ripka, M. Benža); роль лингвистической географии в решении вопроса о древних миграциях славян, интерпретационные возможности лингвистических карт (J. Nichols, Y. Nakajima); предварительные результаты лингво-географических исследований: история и современное состояние славянских диалектов

(В. В. Иванов) или отдельных диалектных групп: горальских говоров (J. Dudášová-Kriššáková); словацких в сербской Воеводине (D. Dudok), украинских в Словакии (Z. Hanudel'ová); дифференциация славянского диалектного ландшафта по данным материалов различных атласов (В. В. Иванов; Б. Видоески, С. Бернштейн, Г. Клепикова, П. Лизанец, I. Ripka, J. Siatkowski; P. Király; A. Habovštiak); оценка материалов и результатов исследований Общекарпатского диалектологического атласа с позиций словацкой диалектологии (I. Ripka);

типологическая классификация диалектов, ее критерии: правила определения типа диалекта и группы говоров, относящихся к тому или иному типу, оценка диагностирующей силы и классификационного веса типобразующих и сопутствующих признаков (Н. Н. Пшеничнова); типология и иерархия ареалов в связи с исторической интерпретацией болгаро-словацких эксклюзивных изоглосс (М. С. Младенов, В. Алексова, Д. Младенова, Л. Шишкова); нерегулярные фонетические процессы, оценка их значимости для типологической классификации славянских диалектов (П. Ю. Гриценко).

III. 1. Характеристика процессов, протекающих в диалектах: интерференция, процессы трансформации диалектных систем под влиянием межъязыковых контактов: языковой контакт как фактор диалектной дифференциации македонского языка: диалектные особенности западномакедонских периферийных говоров (фонетические, грамматические, словообразовательные, лексические) как результат контактов с албанскими и ароманскими говорами, оценка их с точки зрения архаичности (Б. Видоески); характеристика процессов интерференции на различных языковых уровнях: лексическом: славяно-румынские (V. G. Chelaru); украинско-словацкие (O. Horbatsch, L. Bartko); сербско-словацкие (M. Mijavosová); фонетическом: украинско-словацкие (L. Bartko, Š. Lipták); морфологическом: славяно-румынские (E. Scărlătoiu); кайкавско-словацкие (M. Lončarić); украинско-словацкие (L. Bartko); словообразовательном: сла-

вяно-немецкие (J. Siatkowski); синтаксическом: сербско-албанские (В. Станишић); инновационные процессы в кашубских и болгарских диалектах: лексический уровень (H. Popowska-Taborska; И. А. Стоянов);

диффузные балканские черты в черногорских говорах (М. Пижурица), роль и место карпатских диалектов в балканском языковом союзе, свидетельства морфологии, синтаксиса, акцентуации (В. Німчук);

процессы конвергенции в ареально смежных диалектах: оценка языковой ситуации в пограничных сев.-вост. польских говорах (I. Grek-Pabisowa); икавские диалекты в качестве живого субстрата хорватских штокавских говоров (M. Kravar).

III. 2. Частные проблемы диалектологии: фонетика: удлинение гласных в центральных и сев.-вост. чакавских говорах (H. P. Houtzagers); судьба старого и нового акута в словенских говорах (Z. Zorko); фонологическое описание истринских говоров (J. Kalsbeek); акцентологические исследования болгарских говоров (И. Кочев); наблюдения над фонетической и морфологической системой говора д. Лека (по следам А. Шахматова, С. Высотского) (Ch. Sappok, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина); лексика: названия *Pinus silvestris* в славянских диалектах, ареалы, этимология (Д. Нупић); словообразование: ареалы реликтовой словообразовательной модели с префиксом *vi-* в словеских и чакавских диалектах (R. L. Lencek); морфология: ономотопеические глаголы в южно-украинских говорах Марамуреша (S. Bodzei); синтаксис: синтаксическая модель типа *bolo bolo chudoba* в словацких говорах (A. Ferenciková).

Подводя итог, следует сказать, что наибольшее число докладов было посвящено двум проблемам: 1) этногенез и древняя история славян; 2) типология процессов становления и развития славянских литературных языков. Думается, что критическое осмысление докладов поможет выявить тематические лакуны и определить стратегические направления дальнейших славистических исследований.

Вендина Т. И., Мартынов В. В.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ: 1917—1940-е годы»

В Москве с 8 по 12 сентября 1993 г. прошел «первый представительный форум отечественных и зарубежных ученых для обсуждения широкого круга вопросов, связанных с культурным наследием российской эмиграции» [1. С. 6]. В его работе принимали участие, наряду с российскими исследователями, специалистами из других стран СНГ, а также 19-ти государств Европы, Азии, Америки, Африки, в том числе представители российского зарубежья [1. С. 3]. Подготовка и проведение этой конференции осуществлялись Отделением литературы и языка РАН, Институтом мировой литературы РАН (ИМЛИ), Институтом российской истории РАН (ИРИ), другими гуманитарными институтами РАН, Министерством культуры Российской Федерации и его архивной службой, а также университетами Москвы и Санкт-Петербурга, центральными библиотеками этих городов, другими научными и культурными учреждениями России [1. С. 3].

Заседания велись в шести секциях: «Российская эмиграция: судьбы, политика, историческая мысль» (председатель секции — член-корреспондент РАН, директор ИРИ А. Н. Сахаров), «Русская литература в эмиграции» (координаторы — д-ра филол. наук Н. А. Богомолов, О. Н. Михайлов, А. С. Мальярчик, А. Н. Николокин), «Культурное наследие российской эмиграции: искусство» (координаторы — академик РАН Д. В. Сарабьянов и профессор искусствознания Ю. С. Рыбаков), «Культурное наследие российской эмиграции: философия и богословие» (координаторы — Р. А. Гальцева и С. С. Хоружий), «Российские ученые и инженеры в эмиграции» (координаторы — д-р филол. наук Б. И. Козлов и канд. тех. наук В. П. Борисов), «Российское наследие: раздельные архивы» (координатор — М. А. Айвазян, зав. отделом рукописей ИМЛИ (материалы работы секций см. в [1]).

В основу концепции конференции было положено представление «о культуре российского зарубежья как о целостном феномене», характерным для которого является тесная связь всех отраслей культуры, успешное изучение которой возможно только «при сочетании комплексного междисциплинарного рассмотрения всех обстоятельств и ситуаций» [1. С. 6], присущих ее развитию. Добавим, что если часть культурного наследия российской эмиграции имеет сугубо академическое значение, то другая, и прежде всего литература, философия, политика, общественная

мысль, искусство, имеют «непреходящее значение и продолжают обогащать нас и сегодня» [1. С. 6].

Среди многочисленных докладов различных секций конференции наше внимание привлекают прежде всего те, которые посвящены культурному наследию российской эмиграции в славянских странах.

Наиболее полно были представлены различные аспекты культуры российского зарубежья в Чехословакии. Л. Н. Белошевская (Славянский институт Чешской республики) в докладе «Литературная деятельность русской эмиграции в Чехословакии и межкультурные связи» [1. С. 59] на большом фактическом материале показала литературную жизнь «русской Праги», выделив значение таких организаций, как «Союз русских писателей и журналистов», «Скит поэтов» (позже «Скит»), литературного кружка «Далиборк» и др. Определенное место в сфере общения двух литератур — чешской и русской, как отмечено в докладе, сыграли взаимные переводы с чешского языка на русский и наоборот. Важное значение имело издание в Чехословакии трех зарубежных антологий чешской поэзии на русском языке, а также публикации в эмигрантских журналах «Воля России» и «Центральная Европа» переводов произведений чешских писателей. Было отмечено, что благодаря поддержке чехословацкой общественности в стране издавались на чешском языке произведения русских писателей, живущих в Праге, например, Е. Н. Чирикова; успешно продолжалась литературоведческая деятельность русских ученых Е. А. Ляцкого, А. Л. Бема и др.

«Пушкинский юбилей 1937 г. в русском зарубежье (Чехословакия, Югославия) и в странах Западной Европы» — тема сообщения Ф. А. Молока (Москва) [1. С. 78—79]. На основе публикаций эмигрантских журналов и архивных изысканий он познакомил присутствовавших с тем, как широко отмечали различные организации российской эмиграции в Чехословакии пушкинский юбилей и, в частности, с программой концерта Ф. И. Шаляпина в Праге в честь поэта. В сообщении говорилось и о том, как в Белграде, в центре российской диаспоры в Югославии, в Русском доме имени императора Николая II проводились юбилейные мероприятия. Докладчик подчеркнул, что пушкинский юбилей, который был отмечен разнообразными мероприятиями, организованными 110 пушкинскими комитетами российской эмиграции в странах Европы, Азии,

США, свидетельствовал о большом интересе, которым пользовались у миллионов наших зарубежных соотечественников произведения русской классики и, в частности, творчество А. С. Пушкина.

В контексте изучения культурного наследия российской эмиграции был заслушан совместный доклад Л. П. Муровцева (истфак МГУ) и В. Б. Перхавко (ИРИ) «Общественные музейные собрания российской диаспоры в Чехословакии» [1. С. 108—109]. В докладе приводился ряд неизвестных и малоизвестных фактов, свидетельствующих о ценности музейных собраний, созданных в эмиграции, например Археологического института им. Н. П. Кондакова, Русского культурно-исторического музея, а также исторических реликвий донского казачества, прибывших в Чехословакию после окончания гражданской войны в России.

Специально Русскому культурно-историческому музею в Праге было посвящено сообщение Е. П. Докашевой (Москва, Российский институт культурологии) [1. С. 159]. В нем подробно воссоздана история создания этого музея в Збраславском замке (около Праги). В собрание музея, как отметила докладчица, вошли картины А. Н. Бенуа, К. А. Коровина, И. Е. Репина, Н. К. Рериха, рукописи И. А. Бунина, Б. К. Зайцева, реликвии Ф. И. Шаляпина и М. Н. Ермоловой. Докашева подчеркнула значительную роль в создании этого центра российской зарубежной культуры В. Ф. Булгакова (личный секретарь Л. Н. Толстого), получившего большую поддержку от чехословацкого правительства и президента Т. Г. Масарика и необходимую помощь от российской эмиграции из разных стран мира. В докладе указывалось на необходимость выявления точного местонахождения каждого экспоната вывезенной из Чехословакии коллекции РКИМ, рассеянной ныне в собраниях Третьяковской галереи, Музея изобразительного искусства им. А. С. Пушкина, Исторического музея. Говорилось также о проблеме возвращения оставшейся в Праге части коллекции на Родину.

Этому же, применительно к проблеме координации усилий всех энтузиастов, общественных организаций и Росархива по установлению местонахождения архивных документов Российской эмиграции и возвращению их в Россию, было посвящено выступление Т. В. Павловой (нач. отдела организации использования и публикации документов архивного фонда РФ). В ее выступлении «Судьба архивов российской эмиграции» [1. С. 157—158] речь шла об истории создания крупнейших архивов русского зарубежья в Праге (Русского заграничного исторического архива, Донского казачьего архива, Белорусского исторического архива, архива РКИМ и др.), основная

масса материалов которых была вывезена после второй мировой войны в СССР и рассеяна в различных, долгие годы закрытых для исследователей, архивах. Для облегчения работы ученых с этими интересными документами в настоящее время Росархивом ведется подготовка справочно-информационных изданий по фондам этих архивных коллекций.

К выступлению Павловой тематически примыкал доклад П. К. Гримстед (США) «Архивная Россия за рубежом. Международные юридические проблемы и археографические условия» [1. С. 149—151]. Гримстед проанализировала все сложности, связанные с решениями ООН, включая решения «Круглого стола Международного совета по архивам, которые могли бы снять «текущие российские проблемы с учетом исторической и юридической перспективы». Докладчица подчеркнула, что с целью ликвидации изоляции России от «архивной России» за рубежом создается международная компьютерная база данных, куда войдет вся известная информация о миграции коллекций и их потерях.

Тема выступления Е. П. Аксеновой (Ин-т славяноведения и балканистики РАН ИСБ) — «Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А. В. Флоровского» [1. С. 17—18]. В сообщении нашла отражение научная деятельность известного русского историка, прожившего в Праге более 45 лет и принимавшего активное участие в работах Русского исторического общества и Русского заграничного исторического архива. К сфере интересов Флоровского, подчеркнула Аксенова, относились публикации не только о трудах советских историков, но и об исследованиях историков-эмигрантов, как неотъемлемой части русской исторической науки. Флоровский «отстаивал право историков-эмигрантов представлять русскую историческую науку на международных форумах и в организациях европейского и мирового уровня». Вуколова Анастасия Копржива (Прага) посвятила сообщение русской реальной гимназии в Моравской Тржебове (1921—1935) [1. С. 132]. С вниманием слушали присутствовавшие рассказ о самоотверженном труде небольшого педагогического коллектива, занимавшегося не только обучением, но и воспитанием детей эмигрантов из России, многие из родителей которых жили не в Чехословакии, а в других странах. История этой гимназии, ставшей легендой и одним из лучших примеров для других средних учебных заведений российского зарубежья, заслуживает, по мнению исследовательницы, тщательного изучения. Деятельность одесского слависта М. Г. Попруженко в годы болгарской эмиграции (1920—1944) сумел воссоздать

А. Н. Горяинов (ИСБ) [1. С. 23—24]. Особое внимание им было обращено на попытки Попруженко возродить идею «славянской взаимности» в новых исторических условиях, чему ученый посвятил ряд статей. Болгарская научная общественность, учитывая работы этого ученого в области болгарской и русской истории и литературы и особенно его фундаментальный труд «Синодик царя Бориса», избрала его в 1941 г. действительным членом Болгарской Академии наук. Приведенные докладчиком факты свидетельствуют о стремлении Попруженко поддерживать связь с советскими славистами и способствовать изданию их трудов в Болгарии. К докладу Горяинова можно тематически отнести и сообщение М. Каназирска (Болгария) об издании журнала «Русская мысль» в Болгарии [1. С. 71]. Шестьдесят лет Русскому дому в Белграде (1933—1993) — такова тема доклада Остоя Джурича (Югославия) [1. С. 25—26]. Ученый на основе большого фактического материала показал, что Русский дом стал подлинным центром культуры и науки. В Доме находились русские научно-исследовательские институты, Народная библиотека с архивом, действовала Издательская комиссия, музеи императора Николая II и русской конницы, работали также мужская и женская русско-сербские гимназии, русские театры и общественные организации.

Тема выступления В. А. Тесемникова (истфак МГУ) — «Русские ученые-преподаватели Белградского университета (1921—1941 гг.)» [1. С. 141—142]. Отметим, что содержание выступления было значительно шире, чем отражено в его заголовке. Большое место в докладе было уделено не только научно-педагогической деятельности русских ученых — профессора А. Л. Погодина, приват-доцента И. Н. Голенищева-Кутузова и члена Сербской Академии наук П. Б. Струве в Белграде, но и участию русских ученых в работе учебно-научных центров страны (Загреб, Люблина, Сараево и др.). Отражены в выступлении были подготовка русских студентов в югославских университетах, деятельность организаций культуры и науки, а также специалистов-медиков и инженеров.

В заключение остановимся на выводах, которые сделал один из пионеров изучения русского зарубежья, Л. К. Шкаренко (Ин-т научной информации по общественным наукам РАН) в

докладе «Новый взгляд на российское зарубежье (из опыта исторического поиска)» [1. С. 56—57]. Докладчик, говоря о широких возможностях изучения в наши дни истории российской эмиграции, вместе с тем подчеркнул, что наибольший интерес для ученых России представляет исследование проблем ее культурного наследия, а не политической истории.

Научная конференция «Культурное наследие российской эмиграции» сопровождалась региональными научными мероприятиями. Научная генеалогическая конференция, посвященная 125-летию со дня рождения Л. М. Савелова, состоялась в филиале Исторического музея в усадьбе Измайлово. В докладах российских ученых (С. В. Думина, А. И. Аксенова и др.) и в совместных выступлениях со специалистами русского зарубежья Д. М. Шаховским, А. Б. Мильциным (Франция), А. Р. Небольсыным (США) были освещены деятельность Историко-родословного общества в Москве, роль Л. М. Савелова в развитии русской генеалогии, исследовательская деятельность Савелова и его ближайшего сподвижника Н. Ф. Иконникова за рубежом. Другим подобным мероприятием стала Международная научно-тематическая конференция «Творческий путь Марины Цветаевой», заметное место в которой заняло заседание на тему: «Марина Цветаева в контексте русской и европейской культуры», проведенное в доме Марины Цветаевой на улице Писемского, 6. Творчеству Цветаевой в дореволюционной Москве и ее поэтическим произведениям, созданным за рубежом, были посвящены сообщения С. О. Шмидта, Н. П. Комоловой (Москва), Е. А. Брейтбарт (ФРГ), А. Смит (Великобритания). На других заседаниях этой конференции были зачитаны доклады, посвященные темам: «Лирика Марины Цветаевой: стихотворение — цикл — поэма» и «Поэтический язык и поэтический мир Марины Цветаевой».

Молок Ф. А.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Международная научная конференция «Культурное наследие российской эмиграции: 1917—1940 гг.»: Сборник материалов. М., 1993.

ПАМЯТИ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

В 1990 г. в связи с 500-летием со дня рождения выдающегося восточнославянского просветителя Франциска Скорины в Полоцке был организован Музей белорусского книгопечатания. Экспозиция размещена в здании бывшей Братской школы (памятник архитектуры XVIII в.).

Здесь же 25 марта 1994 г. состоялось открытие музея, посвященного другому крупнейшему деятелю восточнославянской культуры — Симеону Полоцкому (1629—1680). С приветственными речами выступили директор Полоцкого историко-культурного заповедника Т. Д. Рудова, мэр города К. Л. Хомич, зам. министра культуры Республики Беларусь Д. С. Бубновский, а также гости города и исследователи творчества Симеона Полоцкого — д-р филол. наук Л. И. Сазонова (Ин-т мировой литературы РАН, Москва), канд. ист. наук И. Н. Лебедева (БАН, Санкт-Петербург). В тот же день состоялось заседание круглого стола по проблемам музеев с участием ведущих специалистов-книговедов Республики Беларусь и России, директоров музеев и исследователей творчества Симеона Полоцкого. На церемонии торжественного открытия музея-библиотеки Симеона Полоцкого звучали псалмы из «Псалтири стихотворной» Симеона в исполнении камерного хора.

Музей-библиотека Симеона Полоцкого — музей комплексного профиля, с присущими ему чертами мемориально-исторического и литературного музеев. Мемориально-историческая часть

экспозиции посвящена теме «Симеон Полоцкий и его время», где на основе биографических данных отражены основные периоды его жизни и творчества. Литературную часть экспозиции составляют копии отдельных листов из рукописных книг Симеона, а также старопечатные издания, вышедшие из созданной им в Кремле так называемой «Верхней» типографии. Посетители имеют возможность обстоятельнее познакомиться с экспонатами в читальном зале музея-библиотеки.

По замыслу строителей музей-библиотека должен превратиться в центр изучения литературного наследия Симеона Полоцкого, чье творчество отражает взаимосвязь русской, белорусской и украинской культур. Поэтому предполагается продолжить комплектование музея материалами, относящимися к жизни и деятельности Симеона Полоцкого, и научными исследованиями.

В связи с этим обращаемся ко всем исследователям с просьбой присылать нам свои работы для пополнения фондов Музея-библиотеки Симеона Полоцкого.

Наш адрес: 211400 Беларусь. Полоцк,
ул. Ленина, 22

Полоцкий историко-культурный
заповедник

Зав. научно-экспозиционным отделом Третьякова О. И.

О ЛИТЕРАТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ПОЛЬШИ, РОССИИ, БЕЛОРУССИИ

16—19 мая 1994 г. на кафедре польской филологии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы прошла международная конференция на тему «Польский язык и литература в контексте славянских культур», в которой приняли участие ученые Белоруссии, России, Польши.

Конференция была посвящена памяти белорусского писателя А. Н. Карпюка. И. естественно, первым было «Слово об Алексее Карпюке» И. Жука (ГрГУ), раскрывшего своеобразие творчества писателя. Докладчик показал связь произведений Карпюка с жизнью народа, их своеобразие и неповторимый региональный колорит.

Ценным дополнением доклада было выступление вдовы писателя И. А. Карпюк, рассказавшей об архивных материалах, о переписке и встречах Карпюка с деятелями культуры многих стран.

Основным направлением работы конференции стали: польская литература в историко-теоретическом аспекте, литературно-лингвистические и культурные связи славянских народов, сравнительные социологические исследования психологии студентов-полонистов Гродненского и Гданьского университетов, региональная гродненская проблематика, имеющая многовековые связи со славянскими культурами и фольклором.

В докладе В. А. Хорева (РАН) «Об истоках и развитии этнических стереотипов» было продемонстрировано глубокое понимание особенностей жизни, культуры и психологии славянских народов.

С. А. Шерлаимова (РАН) показала взаимодействие литературы с национальным самосознанием и общественной критикой на примере чешского и польского политического романа 20-х годов. Е. З. Цыбенко (МГУ) проследила концептуальное и художественное сходство романов Арцибашева («Санин») и Пшибышевского («Ното sapiens»). Польскую и чешскую драму «инакомыслия» (Гавел — Мржеж) исследовала И. В. Шабловская (БГУ), связям лирики Я. Ивашкевича с немецким импрессионизмом посвятила доклад Л. Н. Гарданова (ГрГУ), О. В. Цыбенко исследовала лагерную тему в творчестве Г. Херлинга-Грудзиньского и В. Шаламова.

Не менее значимы были доклады, посвященные проблемам развития польской литературы. Ю. Бахуж (Гданьский ун-т) на основе неисследованных материалов рукописного архива Э. Ожешко в новом свете показал историю создания романа «Над Неманом». Х. Буриштыньска (Краковский педин-т) ввела участников конференции в мир первых рассказов Ожешко. Судьбам «трагического поколения» в польской литературе 30-х годов был посвящен доклад С. Ф. Мусиенко (ГрГУ). М. Черминьска (Гданьский ун-т) исследовала белорусские мотивы в лирическом романе З. Жакевича. Проблемы научной фантастики на материале творчества С. Лема раскрыла Д. Р. Мышко (ГрГУ). Женские образы в произведениях С. Грабиньского стали объектом внимания Л. Л. Бараненковой (ГрГУ). Теорию и историю жанра шляхетской «гавенды» представила Е. И. Карпова (ГрГУ).

На проблемах «пограничья» литератур остановились польские исследователи Е. Оссовский («„Счастье в Вильно...“ О виленской поэзии К. И. Галчиньского») и Б. Олексович («Теофил Ленартович: „О характере поэзии польско-славянской“»).

Интерес представляли и фактологические исследования, связанные с изучением культуры Гродненского региона. Т. Будревич (Краковский педин-т) остановился на показе Свислочи в польской литературе XIX в. Легенды Гродненщины собрал С. И. Почобут (Гродно). Д. Р. Венкович (ГрГУ) рассказала о творческой деятельности белорусского ученого Б. Тарашкевича в стенах гродненской тюрьмы. С. Росек (Гданьский ун-т) представил новые материалы, связанные с участием славян в похоронах А. Мицкевича в Константинополе.

Отметим своеобразие лингвистических иссле-

дований. В докладе Э. Брэзы (Гданьский ун-т) прослежено формирование кашубского литературного языка. Проблемам сравнительного языкознания посвящены доклады Т. Ацаркиной (МГУ) и К. З. Булай (ГрГУ). Г. В. Ермоленко исследовал проблемы строя и языковые употребления.

Роль и функции языка как основной составляющей в формировании национального самосознания, веры и культуры белорусского народа в XIX в. представил А. М. Петкевич (ГрГУ).

В ряде докладов решалась проблема рецепции польской литературы в славянских странах. Н. Н. Старикова (РАН) показала своеобразный и сложный путь восприятия польской прозы и поэзии в Словении в 20—30-е годы. О научно-познавательной роли последних писем Э. Ожешко сообщил В. К. Шитик (ГрГУ). И. Плонка (Краковский педин-т) обратилась к вопросу интерпретации творчества Э. Ожешко в школьных учебниках, а М. Гайба (Новогрудский музей) — к интерпретации жителя Новогрудчины польскими авторами в начале XX в. Первое сравнительно-социологическое исследование студентов польской филологии Гродненского и Гданьского университетов провел К. Сопух (Гданьский ун-т).

Можно отметить удачный старт молодых белорусских полонистов аспирантов БГУ Н. Хмельницкого и ГрГУ А. Гартунга, студентов польской филологии Гродненского университета О. Курлович, И. Хлистовской, Ю. Гуменюка, представивших научному собранию свои первые труды. Студенческие доклады были отмечены премией из личных сбережений профессора Гданьского университета М. Черминьской.

Заключительным этапом конференции была экскурсия в Богатыревичи, к могилам Яна и Цецилии и повстанцам 1863 г., организованная С. И. Почобутом. Здесь, на месте живых легенд и традиций, связанных с созданием романа Э. Ожешко «Над Неманом», продолжил свой доклад проф. Ю. Бахуж. И каждый из нас мог прикоснуться к истории, пройти по лесу, «знавшему» пани Элизу, зачерпнуть воды из сегодо Немана, поговорить с жителями деревни, каждое поколение которых свято выполняло завет предков: меняло крест на могиле основоположников рода Богатыревичей Яна и Цецилии. Ученые из разных стран говорили на белорусском, русском, польском языках, отлично понимая друг друга и радуясь успеху конференции.

Мусиенко С.

75 ЛЕТ В. А. ДЬЯКОВУ

14 июня исполнилось 75 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора, зарубежного члена Польской Академии наук Владимира Анатольевича Дьякова — крупного русского слависта и историографа, статьи и монографии которого получили широкое признание в России и за рубежом.

Научная деятельность В. А. Дьякова многогранна. Он — автор свыше 300 печатных работ, в том числе более 20 монографий.

Одним из исследовательских направлений, успешно разрабатываемых В. А. Дьяковым, является история революционного и освободительного движения в России и Польше и российско-польские революционные связи. Этому посвящены книги «Сигизмунд Сераковский», «Тарас Шевченко и его польские друзья», «Маркс, Энгельс и польское освободительное движение», «Ярослав Домбровский», «Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного», «Освободительное движение в России 1825—1861 годов», а также библиографический словарь «Деятели русского и польского освободительного движения». Многие труды В. А. Дьякова переведены на польский язык.

Немалый вклад внес В. А. Дьяков в разработку проблем развития общественной мысли, нашедших отражение в монографии «Славянский вопрос в дореволюционной России» и в готовящейся к печати книге «Славянофильство в общественной мысли южных и западных славян».

Много внимания в трудах В. А. Дьякова уделяется вопросам историографии и источниковедения. Он является инициатором и ответственным редактором двух библиографических словарей — «Славяноведение в дореволюционной России» и «Славяноведение в СССР», ряда монографий и сборников. В настоящее время ученый завершает работу над монографией об источниках по новой истории народов Восточной Европы в российских архивах.

Большое место в работах В. А. Дьякова отводится методологии истории, в том числе применению социолого-статистических методов, что нашло отражение в монографии «Методология

истории в прошлом и настоящем» и сборнике «Историко-социологические исследования».

В. А. Дьяков ведет большую научно-организационную работу. Он возглавлял советскую часть редколлегии совместного с Польшей 25-томного издания «Восстание 1863 года», в настоящее время является руководителем продолжающегося серийного издания «Польское освободительное движение и российско-польские общественно-культурные связи в XIX в.» Более двадцати лет В. А. Дьяков является членом Комиссии по истории славистики при Международном комитете славистов, в 1990—1992 гг. был председателем этой комиссии. Он принимает самое активное участие в работе двусторонней Комиссии историков Польши и России. В. А. Дьяков — почетный доктор Лодзинского университета.

Весьма заметна роль юбиляра в жизни Института славяноведения и балканистики РАН. Он был заместителем директора Института и долгие годы возглавлял созданный им сектор историографии.

В. А. Дьяков плодотворно сотрудничает в научной периодике, в течение многих лет являясь активным членом редколлегий журналов «Славяноведение» и «Вопросы истории». Он — участник многих международных научных форумов, в том числе большинства съездов славистов, много сил уделяет подготовке молодых российских и польских специалистов-славистов.

В. А. Дьяков — ветеран Великой Отечественной войны, имеет награды Родины.

Как исследователь В. А. Дьяков отличается большой эрудицией, настойчивостью в поисках материалов, умением систематизировать и обобщать имеющиеся данные. Своими трудами он внес большой вклад в историографию славяноведения.

Своими человеческими и исследовательскими качествами В. А. Дьяков заслужил глубокое уважение коллег.

Коллеги В. А. Дьякова по Институту и редколлегия журнала «Славяноведение» поздравляют его с юбилеем.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В 1993 г., к XI Международному съезду славистов в Братиславе, вышла 50-страничная книга Е. М. Верещагина «Вновь найденное богослужбное последование обретению мощей Климента Римского — возможное поэтическое произведение Кирилла Философа».

Книга представляет собой тетрадь плохого технического качества, без боли в глазах читается только обложка, в четком компьютерном исполнении. Остальное — ротاپринт. Выходных сведений и стандартного номера, оплаченного в Регистрационной палате, нет, отсутствует и строка об утверждении Ученым советом к печати, без которой гриф «Российская Академия наук. Институт русского языка» не имеет права быть. Такое издание не является с юридической точки зрения произведением печати, подлежащим внесению в библиографические бюллетени и в каталоги библиотек. Автор данного изделия считает иначе, он назвал размноженный таким способом текст «первой публикацией» и подчеркнул эти слова (С. 50).

Содержание тетради распадается на две части. Первая характеризуется словами: «сначала придется ради полноты изложения напомнить о хорошо известном» (С. 3). После «дымовой завесы» из «хорошо известного» начинается «новонайденное» — то, что «нам посчастливилось» найти в рукописи Российского государственного архива древних актов (С. 33).

Чтобы так «посчастливилось», не нужно было проникать в хранилище рукописей. Текст опубликован ранее, и публикация защищена копирайтом издательства «Наука» [1].

Случаются повторения, обусловленные неосведомленностью о недоступных публикациях. Здесь ситуация иная. Опубликованный нами текст содержится в сборнике Института русского языка РАН, сформированном в отделе, главным научным сотрудником которого был и есть Е. М. Верещагин, подчиненный ответственному редактору сборника В. П. Вомперскому. Не знать о сборнике Е. М. Верещагина не мог уже потому, что сам в нем участвовал. Время для ознакомления было, рукопись сборника пролежала в отделе несколько лет. Обычного в академической практике публичного обсуждения поданного в сборник материала — а гласность закрывает пути для негласных заимствований — не было. Первооткрыватель текста и автор подготовленной публикации тем временем уволился из Института русского языка. Соблазн стал велик, тем более — для опытного ревнителя кирилломефодиевской тематики.

XI Международный съезд славистов получил своеобразный, единственный в истории съездов «подарок». И вскоре с трибуны годичного собрания Отделения литературы и языка РАН директор Института русского языка Ю. Н. Караулов назвал содеянное Е. М. Верещагиным открытием.

Зачем Е. М. Верещагину понадобилось вводить в заблуждение своего директора и высокое собрание? Обычные плагиаторы достаточно дальновидны, чтобы не ввязываться в споры с арифметикой хронологии и копирайтом. Но есть и авторы, которым секунды аплодисментов так приятны, что этим окупается последующее долгое разочарование.

Мурьянов М. Ф.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мурьянов М. Ф. Страницы гимнографии Киевской Руси//Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991. С. 77—86, 102—108, 129—143.

ОТВЕТ ОППОНЕНТУ

В конце 1992 г., закончив свою часть по подготовке к печати Служебной минеи за декабрь (публикацию см. [1], инструкция помещена на с. 557—604), я вплотную приступил к следующему этапу — систематической росписи содержания древнейших (XII—XIII вв.) январских Служебных миней. Когда весной 1993 г. дошла очередь до Праздничной минеи собрания РГАДА Син.-тип. Ф. 38. № 98 (в указанной инструкции она помечена литерой Н), то под 30 января натолкнулся на богослужбное последование с надписанием: *Обрѣтениѣ мощии стго климента пале(ж) римскаго* (далее сокращенно — *ОМ*), о чем и сделал запись на учетном листе пользователей книги. В науке с конца прошлого века господствовало убеждение, что подобный текст, по предположению вышедший из-под пера Константина — Кирилла Философа, первоучителя славян, должен существовать, так что его упорно искали, но он все не давался.

До августа 1993 г. я четырежды выступал перед специалистами Москвы с сообщениями об этой находке: никто из присутствовавших не подозревал, что М. Ф. Мурьянов напечатал этот текст уже два года назад. Когда же выяснилось, что и в Кирилло-Мефодиевском научном центре Болгарской Академии наук, в котором специально и со всей тщательностью каталогизируются соответствующие источники, об ОМ ничего не ведают, я понял, что драгоценное последование следует выводить из неизвестности. И среди слушавших мой доклад в Братиславе, и среди читателей моей брошюры до сих пор не нашлось человека, который бы обратил мое внимание на то, что приоритетная публикация состоялась.

Лишь в середине марта 1994 г., ознакомившись с письмом М. Ф. Мурьянова в редакцию журнала «Славяноведение», я узнал о том, что в его статье «Страницы гимнографии Киевской Руси» напечатан текст ОМ. Во всеулышание заявляю, что приоритет находки и первая публикация ОМ безусловно принадлежит М. Ф. Мурьянову. В дальнейших своих печатных работах буду повторять это заявление, а в оставшихся у меня на руках экземплярах брошюры на видном месте уже сделал соответствующую вкладку.

М. Ф. Мурьянову кажется, что если некто держал в руках известную книгу, то он обязательно прочитал ее от начала и до конца и все в ней заметил. На самом деле так не бывает.

Актуальный пример: источником Н занимались, судя по учетному листу, более двух десятков специалистов, да и я сам работал над ним, начиная с 1986 г., и каждый был бы рад, понимая его значение, выявить ОМ. Тем не менее, — если не считаться с возможностью, что где-то ОМ опубликован и до 1991 г., по мы просто об этом не узнали, — никто желанного текста не заметил. Действительно, пока интересующая декабрьским разделом Праздничной миинеи, не заглядывашь в январский. Ситуация, конечно, меняется, когда именно январский раздел становится предметом исследования. Этим объясняется, почему на протяжении семи лет я не «видел» ОМ; а другие ученые и вообще его не приметили.

Точно так же научные сборники никогда (если только не с целью рецензии или обзора) не читаются от корки до корки: ученый избирает для себя лишь те статьи, которые заголовками сигнализируют о принадлежности к «его» теме. Статья, предметом описания которой, по заглавию, является гимнография Киевской Руси, в предшествующие годы не могла остановить на себе моего внимания. Она и сейчас бы меня из-за своего неадекватного названия не заинтересовала: судя по заголовку, в ней ОМ содержаться не может. Действительно, ОМ посвящено общеславянскому, а не киевскому святому, сочинено явно за пределами Киевской державы и задолго до крещения Руси, а рукопись Н написана и бытовала, о чем свидетельствует умеренное цоканье/чоканье и внешняя история памятника, в Руси Новгородской. Иными словами, название статьи М. Ф. Мурьянова разошлось с ее содержанием. Не здесь ли кроется причина, почему многие исследователи дела Кирилла и Мефодия прошли мимо нее?

Редакция просила меня ответить предельно кратко, так что на менее существенных выкладках М. Ф. Мурьянова не останавливаюсь совсем не потому, что с ним согласен. В частности, мне не понятно, как можно братья со стороны судить о мотивах поведения другого человека и не в частной беседе, а печатно приписывать ему свои домыслы.

Тем не менее мимо двух последующих фраз письма М. Ф. Мурьянова невозможно пройти. Он объявляет меня плагиатором, хотя и необычным и педальновидным. Здесь перед нами не частные догадки о низменных побуждениях и не личные суждения о наличии или отсутствии в брошюре новизны, которые можно списать на субъективизм, раздраженность (и строгие доказательства которых невозможны). Здесь прямое обвинение в непорядочном деянии. Одно дело по незнанию не сослаться и этим — невольно и к сожалению — посягнуть на приоритет, и совсем другое — сознательно похищать чужое духовное достояние.

Подобная инвектива не может быть брошена мимоходом: плагиат объективно выявляется, и я настаиваю, чтобы М. Ф. Мурьянов его продемонстрировал. Иначе имеем дело с публичным распространением голословных обвинений, наносящих ущерб чести и достоинству затронутого лица.

...Нет худа без добра. Хотя прискорбным образом, но все же внимание специалистов лишний раз привлекается к источнику ОМ, значение которого невозможно переоценить. Осуществленная мною публикация текста из Н не является избыточной: мы с М. Ф. Мурьяновым придерживаемся совсем разных эдиционных принципов. Что же касается моего исследования, то оно, естественно, ни в коей мере не совпадает с разысканиями М. Ф. Мурьянова.

Верещагин Е. М.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Службная миинея за декабрь в церковнославянском переводе по русским рукописям/Herausgegeben von H. Rothe und E. M. Veresčagin. Köln; Weimar; Wien, 1993.

БОРИС ТИМОФЕЕВИЧ РУБЦОВ

(1923 (1922)—1994)

Ушел из жизни могучий человек — подстать гуситам, историей которых он занимался, ученый с широким кругозором, энциклопедически образованный, знавший много языков, выдающийся исследователь аграрной истории, отважный защитник Родины в годы Великой Отечественной войны.

В жизни Борис Тимофеевич был смелым, открытым и целеустремленным. В 14 лет, окончив 10 классов школы в Одессе, уехал в Ленинград учиться. Он окончил три курса Гидрографического института Главсерморпути, когда началась Великая Отечественная война. На второй день добровольцем ушел на фронт, хотя имел право на бронь. Уже в 1941 г. когда ему было только 18 лет, он получил звание младшего лейтенанта. Стесняясь своей молодости перед солдатами, Б. Т. Рубцов прибавил себе к возрасту еще один год, и с тех пор официальной датой его рождения стал 1922 г. В действующей армии он воевал на Сталинградском, Донском, Белорусском фронтах, участвовал в Курской битве и штурме Берлина. В звании гвардии капитана в полку прославленных «катиош» окончил войну. Его наградили орденом Отечественной войны, а боевой путь был отмечен пятью медалями.

Судьба сохранила его для жизни и науки. Как многие молодые люди его поколения, прошедшие войну, он выбрал специальность историка. В 1947—1950 гг. Рубцов учился в Одесском университете, закончил его с отличием, еще в студенческие годы в 1950 г. опубликовал первую научную работу по истории Чехии.

Историк Божьей милостью, Б. Т. Рубцов избрал неразработанную в историографии проблему, изучал ее в контексте европейской истории и по классическим трудам слависта А. Н. Ясинского, принадлежавшего к школе русской медиевистики П. Г. Виноградова, Д. М. Петрушевского и А. И. Савина, получившей мировое признание. Рубцов продолжил незавершенные исследования А. Н. Ясинского, в своих статьях и книгах дал анализ открытых А. Н. Ясинским чешских урбариев. О самом Ясинском, труды которого Б. Т. Рубцов ценил, он написал работу. Б. Т. Рубцов опирался также на достижения советской историографии, труды Е. А. Косминского, С. Д. Сказкина, М. А. Барга, М. М. Смирнова. В изучении описей более 1500 населенных пунктов он, следуя Е. А. Косминскому и М. А. Баргу, использовал получивший высокую оценку статистический метод. Труды классика чешской историографии Б. Мендла и современных исследователей Ф. Грауса и Й. Машека, все лучшее, что создано по социально-экономической истории Чехии в самой Чехословакии также учитывалось Б. Т. Рубцовым. Знание историографии по вопросам социально-экономической истории Европы, обстоятельный анализ всех основных групп источников по истории Чехии и Моравии позволили Рубцову ответить на вопрос, почему юг Чехии стал центром гуситского движения.

У Бориса Тимофеевича был острый аналитический ум и быстрое перо. В 1950—1953 гг. он учился в аспирантуре Института славяноведения и в 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1958 г. по теме диссертации вышла его первая монография «Эволюция феодальной ренты в Чехии». В 1964 г. он представил к защите в качестве докторской диссертации монографию «Исследования по аграрной истории Чехии» (1963), которая явилась вкладом в мировую богемистику и европейскую историографию. Чешские ученые считают ее выдающимся трудом. Монографии и статьи Рубцова вызвали отклик в научном мире, рецензировались в советской историографии на русском и украинском языках и в чехословацких научных журналах.

Им написаны научно-популярные работы, самой значительной из которых является книга «Гуситские войны» (1955), основанная на изучении концепции классика чешской историографии Ф. Палацкого. Рубцов участвовал в написании коллективных трудов «Всемирная история», «История Чехословакии», писал для хрестоматии по истории средних веков, главы учебников, переводил чешские урбарии, написал много статей в БСЭ, СИЭ, ДЭ, редактировал монографии. Он работал в Совете по координации научной деятельности и в редакционно-издательском Совете Академии наук СССР, в издательствах «Политиздат» и «Мысль», журналах «Коммунист» и «Проблемы мира и социализма», был профессором и заведующим кафедрой.

Но прежде всего он был ученым-историком. Имя Б. Т. Рубцова, выдающегося исследователя социально-экономических предпосылок гуситского движения, сохранится в историографии.

Руколь Б. М.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1994 году

ДИСКУССИИ

Новопашин Ю. С. От тоталитаризма к демократии: неоднозначность итогов	№ 6
Посттоталитарная Восточная Европа: проблемы развития (материалы «круглого стола»)	№ 6

СТАТЬИ

Аникин А. Е. Анализ омонимов в славянской этимологии и балтийские соответствия славянской лексики	№ 2
Бушкевич С. П., Николаев С. Л., Толстая С. М. Этнолингвистические экспедиции в Украинские Карпаты	№ 3
Валева Е. Л. Стратегия Коминтерна в Болгарии и деятельность болгарских коммунистов (1941—1943 гг.)	№ 6
Васильев М. А. Великий князь Владимир Святославич: от языческой реформы к крещению Руси	№ 2
Гершензон О. Межкультурное непонимание: израильтяне и репатрианты из России	№ 4
Гибианский Л. Я. Донесения югославского посла в Москве об оценках руководством СССР Потсдамской конференции и положения в Восточной Европе (август — ноябрь 1945 г.)	№ 1
Горяинов А. Н. Культурно-просветительские организации русских эмигрантов в Болгарии (до начала 30-х годов XX века)	№ 4
Гришина Р. П. Балкапы в планах Коминтерна (1924 год)	№ 5
Дьяков В. А. О давних и нынешних спорах вокруг «русской идеи»	№ 6
Из словаря «Славянские древности»	№ 2, 3, 5
Изотов А. И. Система полных причастных форм современного чешского литературного языка в сопоставлении с русским	№ 1
Илюшин А. А. Минус-прием в версификации (к проблеме «стиховычитания»)	№ 1
Калнынь Л. Э. Отражение праславянской лабиовеляризации согласных в нижнелужицком вокализме	№ 5
Коминтерн и Восточная Европа	№ 5
Крысько В. Б. Категория одушевленности в древненовгородском диалекте (продолжение)	№ 1
Макарова Г. В. Новые материалы о пребывании участников движения Т. Костюшко в России	№ 3
Малиева Э. «Доктор Живаго» Пастернака: к проблеме перевода	№ 1
Марьина В. В. Коминтерн: ликвидация или модификация? (1939—1943 гг.)	№ 5
Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X—XI веках: к истории названия «варяг»	№ 2
Митрипович В. Функционирование глаголов движения с приставками до- и при- в русском языке в сопоставлении с эквивалентными приставочными глаголами в польском и сербо-хорватском языках	№ 1
Молдован А. М. Критерии локализации древнеславянских переводов	№ 2
Небжеговска С. Сонник как жанр польского фольклора	№ 5
Никольский С. В. В невидимой части ассоциативного спектра	№ 5
Орел В. Русский язык в Израиле	№ 4
Сяпова М. А. Словообразовательные аспекты изучения прославянской карпатской лексики	№ 3
Покивайлова Т. А. Коминтерн и Коммунистическая партия Румынии, 1939—1940 годы (по документам из архива Коминтерна)	№ 6
Протасова Е. Ю. Русско-финское двуязычие и русский язык: опыт Финляндии (к вопросу о бытовании русского языка как родного за пределами России)	№ 4
Ронин В. К. Россия на Всемирных выставках 1885 и 1894 годов	№ 4
Стыкалин А. С., Орехова Е. Д. Венгерские события 1956 года и позиция руководства СССР (по материалам ЦХСД)	№ 3
Стыкалин А. С. Хортистский режим и идея возрождения Венгрии в 1920—1930-е годы	№ 6
Усачева В. В. Духовная культура народов Карпатского региона в трудах П. Г. Богатырева	№ 3
Чекин Л. С. К анализу упоминаний о евреях в древнерусской литературе XI—XIII веков	№ 3

МАТЕРИАЛЫ К УЧЕБНИКУ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Плетнева А. А. Исправление богослужебных книг в начале XX века	№ 2
Седакова О. А. Церковнославянско-русские паронимы (продолжение)	№ 1, 3

НАЙДЕНО В АРХИВАХ

Аксенова Е. П. Письмо И. О. Панаса А. В. Флоровскому 1929 года	№ 4
Аксенова Е. П. Из переписки Г. В. Вернадского и А. В. Флоровского	№ 4
Досталь М. Ю. Из переписки В. А. Францева (письмо В. А. Францева В. С. Иконникову, письма А. В. Флоровского В. А. Францеву)	№ 4
Косик В. И. Письмо генерала П. И. Залесского	№ 4
Робинсон М. А., Досталь М. Ю. Переписка Р. О. Якобсона и П. Г. Богатырева	№ 4

СООБЩЕНИЯ

Александропулос О. «История России» Дионисия Ивирита. Ее источники и место среди греческих произведений о России XVII века	№ 3
Бернштейн С. Б. Из моего болгарского архива	№ 1
Гусев В. Е. Наследие Оскара Кольберга в оценке современной науки	№ 1
Гусев В. Е. Боснийский эпос как проблема фольклористики	№ 5
Дзиффер Дж. Новые данные о традиции и тексте пространного Жития Константина	№ 1
Дьяков В. А. «Княжна Тараканова». По полузабытым архивным источникам	№ 1
Заградка М. О деятельности русских литературоведов в межвоенной Чехословакии	№ 5
Игумен Иннокентий (Павлов С. Н.) Русский храм в Софии	№ 4
Лабынцев Ю. А., Шавинская Л. Л. Изучение церковнославянской книжной традиции в рамках Международного исследовательского проекта «Slavia Orthodoxa et Slavica Romania. Взаимодействие славянских миров: Духовная культура Подляшья»	№ 5
Лукьянов Ф. Е. Исчезновение графа И. Бетлина	№ 6
Любке Х. Germania Slavica: Итоги, проблемы, перспективы	№ 2
Сабинович М. Славянская общность и место поэзии русского модернизма в сербской литературе середины XX века	№ 5
Толстая С. М. К понятию функции в языке культуры	№ 5
Ураков М. А. Шестьдесят лет Русскому дому в Белграде	№ 4

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Богомолова Н. А., Усачева В. В. Л. А. Софронова. Польская романтическая драма. Мицкевич. Красинский. Словацкий	№ 1
Василенко В. Н., J. Świdziński. Adam Mickiewicz w opiniach rosyjskich i radzieckich	№ 1
Вендина Т. И. Ch. Choloičev. Onomasiologische und derivative Struktur der bulgarischen Phytonyme	№ 5
Коссек Н. В. Славистический сборник к семидесятилетию академика Н. И. Толстого	№ 6
Лаптева Л. П. Studie k Dějinám a kultuře východních slovianů XIX	№ 2
Лаптева Л. П. Славистика СССР и русского зарубежья 20—40-х годов XX века	№ 4
Лаптева Л. П. Славяноведение в Германии от истоков до 1945 г. Библиографический словарь	№ 6
Латыш М. В. Н. В. Коровицына. Агония соцмодернизации. Судьба двух поколений двух европейских наций	№ 1
Лешкова О. О. Новые публикации по лингвистике	№ 6
Махонин П. Н. В. Коровицына. Агония соцмодернизма. Судьба двух поколений двух европейских наций	№ 3
Мельников Г. П. Гуситское движение в освещении современников. Источники и материалы для практических занятий	№ 1
Мельников Г. П. F. Hoffmann. České město ve středověku	№ 5
Мороз А. Б. О. О. Микитенко. Сербські голосіння. Поетичний та історико-географічний аналіз	№ 1
Мочалова В. В. Проблемы изучения старочешской и старопольской литературы	№ 2
Носов Б. В. K. Zernack. Polen und Russland: zwei Wege in der europäischen Geschichte	№ 5
Носов Б. В. Советские исследования (1917—1991 гг.) по истории германо-русских связей с древнейших времен до 1949 г.	№ 6
Рыхва Л. А. R. Večerka. Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. I. Die lineare Satzorganisation	№ 6
Свешникова Т. Н. Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения 2	№ 6
Семенов К. Н. И. Захариева. Македония. Името на раздора	№ 6
Супрун А. Е. R. Olesch. Gesammelte Aufsätze. I. Dravaenopolabica; II. Cetera Slavica	№ 2
Титова Л. Divadlo v Koticích	№ 5
Фрейденберг М. М. Džambo. Die Franziskaner im mittelalterlichen Bosnien	№ 1
Фридман М. В. Функции литературных связей. На материале славянских и балканских литератур	№ 1
Шапир М. И. Якобсон-будетлянин: Сборник материалов	№ 4
Шиндин С. Г. Н. Гумилев и русский Парнас. (Материалы научной конференции 17—19 сентября 1991 г.)	№ 1

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Булатова Р., Неделькович О. Конференция «Русская религиозная мысль»	№ 4
75 лет В. А. Дьякову	№ 6
XI Международный съезд славистов	№ 6
Молок Ф. А. Международная научная конференция «Культурное наследие российской эмиграции: 1917—1940-е годы»	№ 6
Мусяенко С. О литературно-лингвистических связях Польши, России, Белоруссии	№ 6
Путилов Б. Н. Виктор Евгеньевич Гусев	№ 1
Сибиневич М. Научные чтения, посвященные русской эмиграции в Югославии	№ 4
Третьякова О. И. Памяти Симеона Полоцкого	№ 6

ХРОНИКА

Стемковская Ю. Е. Конференция по проблемам истории славянских литературных языков	№ 5
---	-----

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Мурьянов М. Ф.	№ 6
Верещагин Е. М.	№ 6
От редакции	№ 5
Книжная полка слависта	№ 1
Илюшин А. А. Игорь Федорович Бэла	№ 3
Памяти Бориса Федоровича Стахеева	№ 3
Руколь Б. М. Борис Тимофеевич Рубцов	№ 6

CONTENTS

ARTICLES

<i>Pokivajlova T. A.</i> Comintern and the Communist party of Rumania in 1939—1940 (according to the documents from the Comintern archives)	3
<i>Valeva E. L.</i> Strategy of Comintern in Bulgaria and the activity of the Bulgarian communists (1941—1943)	10
<i>Stykalin A. S.</i> Chortists regime and the idea of the revival of Hungary in 1920—1930	19
<i>Djakov V. A.</i> About old and current debates around the «Russian idea»	32

DISCUSSIONS

<i>Novopashin Ju. O.</i> From totalitarianism to democracy: the diversity of results	47
Posttotalitarian Eastern Europe: the problems of development (the materials of the round table)	59

COMMUNICATIONS

<i>Lukjanov F. E.</i> Disappearance of prince I. Betlin	81
---	----

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>Semjonov K. N. И. Захариева.</i> Македония. Името на раздора	88
<i>Lapteva L. P.</i> Slawistik in Deutschland von den Anfängen bis 1945. Ein Bibliografisches Lexikon	90
<i>Nosov B. V.</i> Sowjetische Forschungen (1917 bis 1991) zur Geschichte der deutschrussischen Beziehungen von den Anfängen bis 1949	93
<i>Kossek N. V.</i> Collection of articles on slavic studies commemorating the 70-th anniversary of academician N. I. Tolstoy	95
<i>Sveshnikova T. N.</i> Symbolic language of the traditional culture. Balkan readings 2	97
<i>Rechva L. A. R. Večerka.</i> Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. 1. Die lineare Satzorganisation	98
<i>Leshkova O. O.</i> New publications on linguistics	101

SCIENTIFIC LIFE

XI International Congress of Slavists	103
<i>Molok F. A.</i> International scientific conference «Cultural heritage of the Russian emigration: 1917—1940»	114
<i>Tretjakova O. I.</i> Commemorating Simeon Pblotsky	117
<i>Musienko S.</i> On literary and linguistic connections between Poland, Russia, Byelorussia	117
V. A. Djakov on 75	119

LETTERS TO THE EDITOR

<i>Murjanov M. F.</i>	120
<i>Vereshchagin E. M.</i>	120
<i>Rukol B. M.</i> Boris Timofeevich Rubtsov	122
Index of articles published in 1994	123

Вышли из печати книги: *Славянское и балканское языкознание. Структура малых фольклорных текстов*. Сб. статей/Ин-т славяноведения и балканистики РАН. Отв. ред. С. М. Толстая, Т. В. Цивьян. М., Наука, 1993. С. 256.

Очередной выпуск серии посвящен проблемам структуры так называемых малых текстов, занимающих промежуточное положение между жанрово оформленными фольклорными текстами и собственно языковой идиоматикой, т. е. многообразным видам языковых клише, устойчивых веобальных компонентов обрядов, магических формул приговоров, закличек, до сих пор малоисследованным. Для языковедов, историков, этнографов и всех интересующихся русским фольклором.

Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. Сб. статей/Ин-т славяноведения и балканистики РАН. Отв. ред. Н. И. Толстой. М., Наука, 1994. С. 267.

Выпуск посвящен проблемам символики архаических форм славянской народной культуры. В центре внимания авторов жанры славянского фольклора, мифологические представления и языческие верования славян, их обряды и обычаи. Для широкого круга читателей, интересующихся славянской мифологией и древностями.

По вопросам приобретения книг обращаться по адресу:

Москва, Ленинский пр-т, 32-А, комн. 924,
тел. 938-58-83, Павлова Наталья Викторовна.

Технический редактор В. М. Пахомова

Сдано в набор 11.08.94 Подписано к печати 13.10.94 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Офсетная печать Усл. печ.л. 10,4 Усл. кр.-отт. 9,0 тыс. Уч.-изд. л. 13,2 Бум. л. 4,0
Тираж 840 экз. Зак. 1556

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, д. 32а. Телефон 938-01-20

Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Издательство "Наука"

обращает ваше внимание на следующие книги:

Экранные искусства и литература: Звуковое кино. — М.: Наука. 1994. — 16 л. (о)

Книга посвящена различным теоретическим и историческим аспектам отношений кино и литературы. В первой половине 30-х годов в кино приходит звук, с появлением звука кинематограф начал новый виток своих взаимоотношений с литературой и театром.

Понятие судьбы в контексте разных культур. — М.: Наука. 1994. — 25 л. (п)

Само понятие судьбы впервые в нашей научной литературе рассматривается в этой книге. В сборнике сгруппированы тематически близкие статьи, такие, как понятие судьбы в философских системах, разных культурах, индивидуальном сознании, художественных мирах и др.

Конрад Николай Иосифович. — М.: Наука. 1994. — 5 л. (о)

Хронологический указатель охватывает опубликованные работы академика Н.И. Конрада с 1913 по 1988 г. включительно. Краткий очерк научной и педагогической деятельности освещает основные этапы жизни ученого, его вклад в развитие отечественной науки.

*По всем вопросам приобретения книг просим обращаться
в Торговую фирму "Академкнига" по адресу:*

103624, ГСП, Москва, Б. Черкасский пер., 2/10.

Тел. торгового отдела: 923-72-84.

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на газету
журнал (индекс издания)

(наименование издания)

Количество комплектов:

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА

ПВ

место

ли-
тер

на газету
журнал

(индекс издания)

(наименование издания)

Стои-
мость

подписки
пере-
адресовки

___ руб. ___ коп.
— руб. — коп.

Количество комплек-
тов:

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Уважаемые подписчики!

Журналы Российской Академии Наук можно выписать в любом почтовом отделении России по каталогу "Известий" Роспечати.

Обращаем Ваше внимание!

Подписку можно оформить также в редакции журнала. Это избавит Вас от услуг почтового ведомства и связанных с этим неудобств. Стоимость журнала обойдется Вам в два - три раза дешевле!

Очередной номер журнала в этом случае будет ждать Вас в редакции сразу же после выхода его из печати.